

Проза

Поэзия

Представляем:

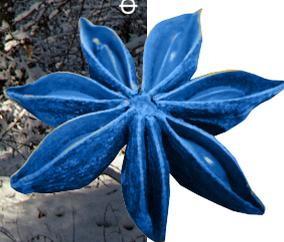
Бурмистров Денис

Какие тайны прячет снег?

16+

Фото h-studio

Главный редактор

Белка Елена

Литературный редактор

Найко Елена

Дизайн, верстка

Ула Сенкович

Редактура

NeAmina

Twillait

Найко Елена

Корреспонденты

Джаспер

Меллори Елена

Ула Сенкович

Помощники

Black Seagull Елена

elzmaximir

Kartusha

NeAmina

Samuel Haruspex Damey

Twillait

Анакина Анна

Армант, Илинар

Бойков Владимир

БукаНист

Еналь Варя

Лисовская Виктория

Мааэринн

Melody

Разов Олег

Тори Виктория

Фиал

Шани

Обложка

Фото h-studio

[flickr.com/photos/h-studio/](https://www.flickr.com/photos/h-studio/)

Слово редактора

Вот и наступил тот день, когда наконец-то мы можем представить Вашему вниманию первый выпуск журнала «Writercenter. ru». Не удивлюсь, если у Вас возникнет вопрос: откуда взялось это название? Ответ прост — если Вы наберёте в поисковой строке «writercenter», то всё станет ясно. Не буду говорить загадками, «writercenter» — это доменное имя сайта «**Мастерская писателей**».

Хочу отметить, что «Мастерская писателей» — не место, где производят писатели (хотя это, как показал опыт, очень недалеко от истины), а место, где созданы все условия для того, чтобы писатель мог создавать и публиковать свои творения. В этом журнале как раз представлены некоторые из них.

Редакторы постарались сделать его интересным для Вас. Надеюсь, это удалось.

Мы планируем выпускать журнал раз в три месяца. И будем очень рады получить Ваши отзывы и пожелания, они помогут сделать каждый следующий выпуск лучше и интереснее для Вас.

Особенно приятно, что этот номер мы смогли выпустить в канун Новогодних праздников, тем самым получив возможность подарить Вам несколько часов приятного чтения.

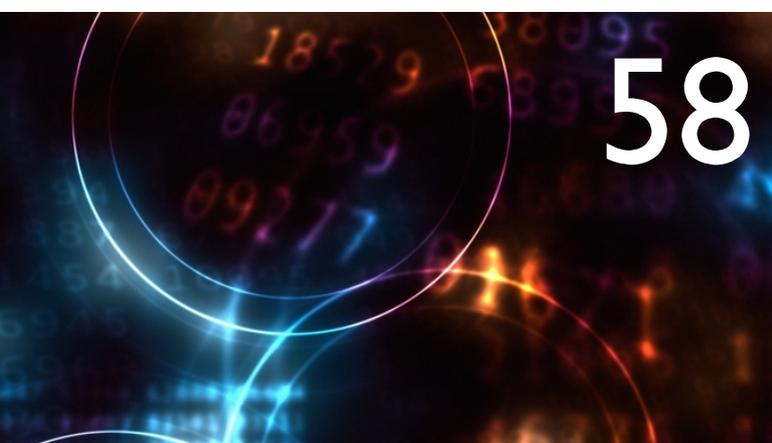
В заключение хочу Вас поздравить с Новым годом! Пусть он принесёт удачу и счастье!

И до новых встреч весной...

Белка Елена

© 2012. Writercenter.ru. Все авторские права защищены законом. «Мастерская писателей» является товарным знаком, принадлежащим его создателю. Все работы, использованные в журнале, любезно предоставлены авторами и защищены авторскими правами.

Merry Christmas
and Happy New Year!

Проза.

Реализм.

- 14 Никонович Сергей. "Никто"
- 16 Евгения Сафонова. "Первая роза"
- 24 Алмазная Анна. "Мишка на севере"

Мистика.

- 32 Сир Андре. "Встреча, которой не было"
- 38 Олекса Сашко. "Варвара или зимняя сказка"
- 40 Карев Дмитрий. "Райская птичка"
- 42 Максим Кригер. "Сильфида"

Фантастика.

- 48 кхмер. "Запах елки"
- 52 Васильев Ярослав. "Следы у порога"

Сказка.

- 56 Эрн Хэл. "Немного о снежной королеве"
- 58 Найко Елена. "Операция «Дед Мороз»"
- 66 Меркулова Ирина. "Экзамен"
- 72 Фоминых Юлия. "Калиновая сказка"
- 78 Ваевский Ян. "Сказка о Кнегше"
- 80 Борис Богданов. "Щука"
- 86 Богатырева Татьяна. "Здесь можно летать"

Поэзия.

- 12 Татиевская Елена (Алоната)
- 30 Русуберг Татьяна (Суэлинн)
Белка Елена
Чудовище Джет
- 46 Осокин Олег
Kartusha
NeAmina
Лисовская Виктория
- 54 Альтера Таласс
Кочемирова Александра
Тори Виктория
Фиал

ИМХО

- 7 Максим Кригер. "Неизведанная планета"

Представляем

- 10 Ула Сенкович. "Интервью с Денисом Бурмистровым"

На десерт

- 92 Меллори. "В Новый год со старыми традициями"

Каталог

"Мастерская писателей"©. Произведения наших авторов

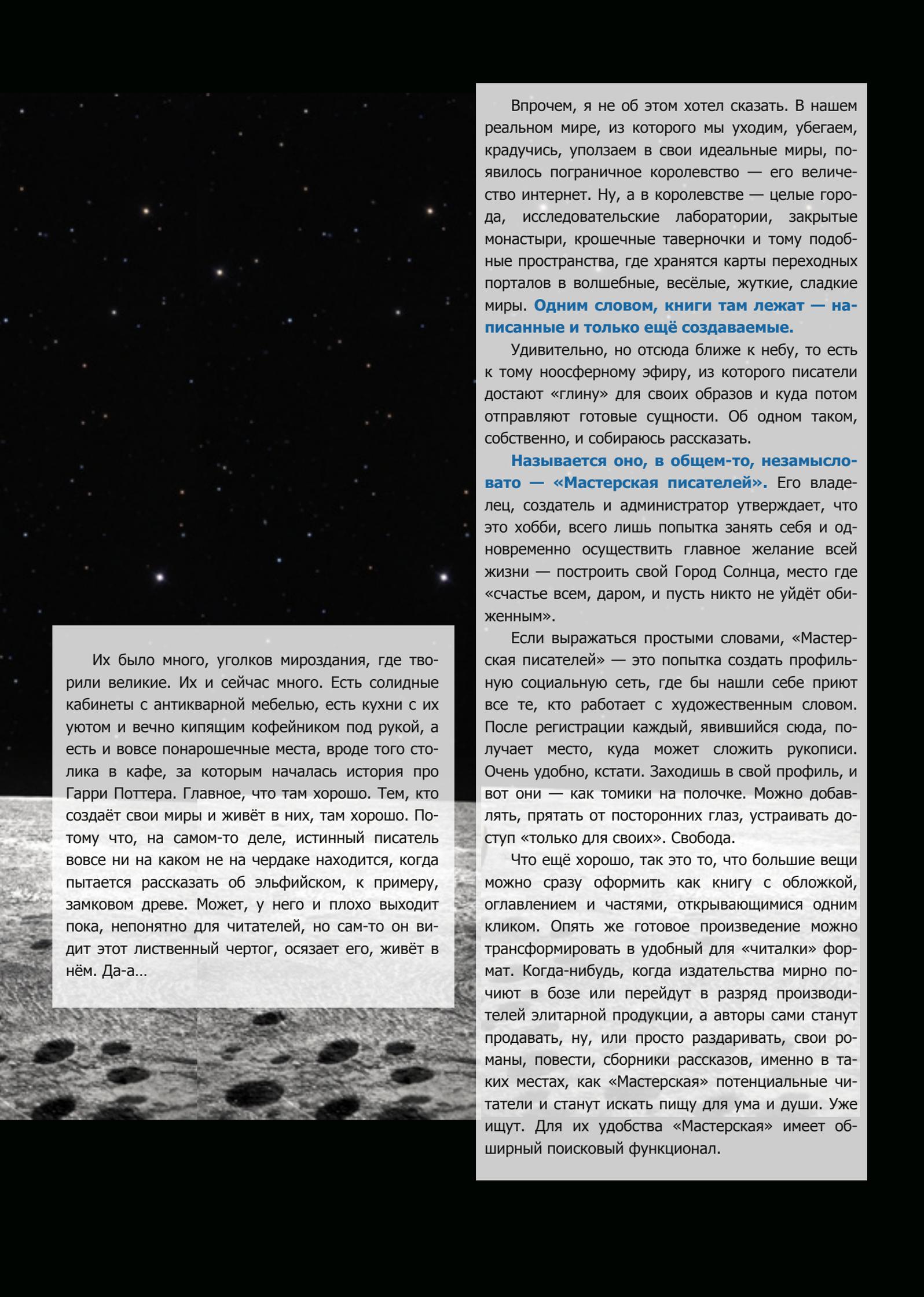
Жизнезвезданная планета

«Чердачный дворец мой, дворцовый чердак!
Взойдите. Гора рукописных бумаг...»

Марина Цветаева

Их было много, уголков мироздания, где творили великие. Их и сейчас много. Есть солидные кабинеты с антикварной мебелью, есть кухни с их уютом и вечно кипящим кофейником под рукой, а есть и вовсе понарошечные места, вроде того столика в кафе, за которым началась история про Гарри Поттера. Главное, что там хорошо. Тем, кто создаёт свои миры и живёт в них, там хорошо. Потому что, на самом-то деле, истинный писатель вовсе ни на каком не на чердаке находится, когда пытается рассказать об эльфийском, к примеру, замковом древе. Может, у него и плохо выходит пока, непонятно для читателей, но сам-то он видит этот лиственный чертог, осязает его, живёт в нём. Да-а...

Впрочем, я не об этом хотел сказать. В нашем реальном мире, из которого мы уходим, убегаем, крадучись, уползаем в свои идеальные миры, появилось пограничное королевство — его величество интернет. Ну, а в королевстве — целые города, исследовательские лаборатории, закрытые монастыри, крошечные таверночки и тому подобные пространства, где хранятся карты переходных порталов в волшебные, весёлые, жуткие, сладкие миры. **Одним словом, книги там лежат — написанные и только ещё создаваемые.**

Удивительно, но отсюда ближе к небу, то есть к тому ноосферному эфиру, из которого писатели достают «глину» для своих образов и куда потом отправляют готовые сущности. Об одном таком, собственно, и собираюсь рассказать.

Называется оно, в общем-то, незамысловато — «Мастерская писателей». Его владелец, создатель и администратор утверждает, что это хобби, всего лишь попытка занять себя и одновременно осуществить главное желание всей жизни — построить свой Город Солнца, место где «счастье всем, даром, и пусть никто не уйдёт обиженным».

Если выражаться простыми словами, «Мастерская писателей» — это попытка создать профильную социальную сеть, где бы нашли себе приют все те, кто работает с художественным словом. После регистрации каждый, явившийся сюда, получает место, куда может сложить рукописи. Очень удобно, кстати. Заходишь в свой профиль, и вот они — как томики на полочке. Можно добавлять, прятать от посторонних глаз, устраивать доступ «только для своих». Свобода.

Что ещё хорошо, так это то, что большие вещи можно сразу оформить как книгу с обложкой, оглавлением и частями, открывающимися одним кликом. Опять же готовое произведение можно трансформировать в удобный для «читалки» формат. Когда-нибудь, когда издательства мирно починят в бозе или перейдут в разряд производителей элитарной продукции, а авторы сами станут продавать, ну, или просто раздаривать, свои романы, повести, сборники рассказов, именно в таких местах, как «Мастерская» потенциальные читатели и станут искать пищу для ума и души. Уже ищут. Для их удобства «Мастерская» имеет обширный поисковый функционал.

Вообще, читать здесь удобно не только готовые книги, но и те, что в процессе. Вот недавно таким образом прочёл преотменную повесть. Включил её у себя в профиле на стадии первых глав в список читаемых произведений и своевременно получал сообщения о том, что автор добавил продолжение. Так жалко было, когда всё кончилось.

Ещё жалко, что тот автор не воспользовался функцией «гlossарий». У него там сносок-поясненок полно было в каждой главе, все по делу. Только вот приходилось без конца прокручивать текст, чтобы прочитать их. А «гlossарий» позволяет оформлять сноски прямо в тексте как ссылки. И читать удобно, и заодно сразу генерируется приложение с пояснениями.

В «Мастерской» много удобных фишек. Старожилы уверяют, что сами формировали функционал. Просили Админа устроить ту или иную опцию, и он делал. Так, например, появилась возможность прямо в «Мастерской» проверять текст на «тошнотворность», то есть на повторы, на тавтологию. Одним словом, работать со стилем. Об-

мен идеями продолжается до сих пор. Просто поразительно, как Админ хватается за каждое предложение об улучшении писательского комфорта и воплощает их, что не менее удивительно. А кроме того, сам всё время что-то придумывает.

Сейчас у меня новая повесть в приоритете на прочтение. Я ведь больше читатель, чем писатель. Тем более что в «Мастерской» трудится хороший автор и замечательная женщина, к которой я навязался в бета-ридеры. Собственно, её произведение в данный момент и читаю.

Ну где ещё встретишь столько благодарных читателей, как не среди тех, кто сам хотя бы изредка пишет? В «Мастерской» даже организована площадка для критиков, в роли которых может выступить, конечно, любой, но есть и особо авторитетные авторы, чьему мнению сообщество доверяет.

Как любая социальная сеть, «Мастерская» состоит из личных и общественных блогов. Здесь можно «потрепаться за жизнь», обсудить вопросы литературы, рабочие приёмы, хорошенечко обмыть кости кого-нибудь из публикующихся авто-

ров. Хотя нет, на личности здесь переходить запрещено, даже если обсуждение ведётся «за глаза». Говорить много — слащаво или злобно, без разницы — можно только о произведениях. Да оно и к лучшему. В «Мастерской» мало запретов. Этот — один из них.

В личных блогах авторы «Мастерской» поднимают интересующие их темы. Например, недавно сразу в двух блогах одновременно обсуждали, как изображать мир средневековья — как вонючую клоаку или как благорастворение воздуха с рыцарями и прекрасными дамами посередине. Ответственность обычно живо откликается на предложенные темы, делится сведениями, размышлениями, ссылками, а параллельно ссорится, образует коалиции, заключает пари и находит верных друзей.

Кстати, общаться в «Мастерской» удобно, несмотря на то, что в отличие от форумной строгости расположения комментариев, здесь имеет место некоторый хаос с бесчисленными ответвлениями дискуссий или просто флуда. Правда, неразберихой это выглядит только на первый взгляд. Древовидное расположение комментариев позволяет моментально понять, кто с кем разговаривает и — главное — о чём. Иной раз ответвления дискуссий читать интереснее, чем беседу по основной теме.

Риск потеряться среди чужих комментариев сведён к нулю. С левой стороны открытой страницы Админ устроил напоминалочку в виде цифири, клик на которую выбрасывает на первый же ответ лично тебе. Там куча нюансов. Можно откомментировать ответ сразу, можно отложить, можно сбросить, кликнув на функцию, что отвечать не будешь.

Конкурсы, к слову, проводятся как открытые, серьёзные, с денежными призами и приглашёнными

ми судьями, так и милые домашние междусобойчики за красивую картинку в профиль и немножечко социального рейтинга. На мой взгляд, их порой даже больше, чем нужно. Но редко какие из них остаются совсем без участников. А некоторые так и вовсе пользуются безумной популярностью. Как вот, например, так называемые «салфетки» и «стихотром». Это конкурсы миниатюр и стихотворений по картинкам или мелодиям, которые проводятся еженедельно. Туда обычно заманивают новичков. Это тот случай, когда встречаются «по одежке», чтобы принять по уму. Когда-то и меня так встречали.

Вообще, не скажу, что «Мастерская писателей» — единственное место в рунете, где пишущему человеку может быть комфортно. У каждого ведь свои понятия о том, что такое хорошо и как с ним бороться. Опять же есть любители размещать свои произведения на как можно большем количестве площадок, чтобы собрать максимум читателей или подстраховаться на случай безвременной кончины одного из ресурсов. К слову, для таких авторов в «Мастерской» создан функционал, позволяющий переходить прямо из личного здесь профиля на свои странички, открытые на других сайтах. Наверное, это удобно.

Вообще, описание функционала «Мастерской» — это целый роман с кучей глав. Так вот, о связях. Любопытно, что свои тексты можно менять в «Мастерской», а потом синхронизировать изменения во всех остальных местах одним кликом. И вообще, там много чего ещё можно замутить. Пока связи работают в отношении СИ (samlib.ru) и Проза (proza.ru), но Админ обещает расширить список.

Честно признаюсь, мне в «Мастерской писателей» комфортно, потому что больше удобного функционала и прочих технических достоинств ценю я людей, чьи произведения мне однозначно нравится читать, потому что близки наши жизненные установки, и чьё мнение (неважно по какому поводу) для меня имеет значение. **Компания здесь подобралась приятная.**

© Джаспер

Представляем:

Денис Бурмистров

— В октябре 2012 г. в издательстве «Астрель» вышла Ваша книга «Аномалия». Как возникла идея романа?

— Ох, это многострадальный текст. Весной 2002 года, в одном из компьютерных журналов, я наткнулся на статью о проекте украинских игроделов с рабочим названием «S.T.A.L.K.E.R: Oblivion Lost». В статье говорилось о разработке игры по мотивам АБС «Пикник на обочине», но с вооруженными сталкерами, перестрелками и мутантами. В те годы идея была свежа, не заезжена, необычна. А потому интересна — меня всегда манили таинственная Зона и сумрачный мир Хармонта, а возможность скрестить все это с боевиком показалась мне очень привлекательной. В те года я больше баловался рассказами и эссе, но всегда хотел написать что-то большое. Посчитал, что сюжет сам идет в руки, грех упускать. Начал работать.

Но где-то через год процесс застопорился — в жизни произошли серьезные перемены, времени стало дико не хватать, история Медузы (как я назвал свою Зону) потускнела и больше не звала так, как раньше. Я оставил черновики, взялся за другое — вернулся к рассказам и начал делать наброски будущего «Равновесия Парето».

Каково же было мое изумление, когда в 2006 году, после выхода игры, издательство ЭКСМО запустило титульную серию со сталкерами, Зоной, военными и мутантами! То есть я практически предугадал интерес к сюжету, но не смог довести начатое до конца!

Глупо было упускать такой шанс, тем более, что работа была наполовину сделана. Я выкопал черновики, освежил, доработал — и итог вы видите сами — книга «Аномалия».

— Как давно Вы начали писать?

— В одиннадцать заповоем прочитал «Страну багровых туч» АБС, с тех пор болен фантастикой. Где-то с тринадцати начал пробовать себя в сочинительстве. Сейчас уже не вспомню, как именно называлось первое «творение», но что-то про полет на Уран, причем главного героя звали... Дима Медведев.

А потом было мое первое законченное сочинение, которое друзья читали с большим удовольствием — роман с неприятным названием «Команда ниндзя против кооп-мафии». Что поделывать, начинались 90е и расцвет видеосалонов.

— Почему пишете? Что Вам дает именно такой вид творчества?

— Сложный вопрос, многоуровневый. Не буду говорить за всех, но я всегда любил рассказывать истории, вовлекать в них друзей, знакомых. Мне льстит, когда меня слушают. Нравится, когда мои работы вызывают эмоции. Да, наверное, это эгоистично. Да, наверное, это какие-то детские комплексы. Но я уверен — всеми, кто пишет (рисует, лепит, сочиняет музыку), движут примерно те же чувства. Нам не всегда есть, что сказать миру, но нам всегда очень хочется сделать это.

— Ваш опыт общения с издательствами?

— Довольно обычный для молодых авторов: рассылка — отказы — рассылка — отказы. Долгое ожидание ответов, непонятные отписки издателей, молчание и игнорирование писем. Пробивался через обычные пути, через адреса и контакты, указанные на сайтах. Выбрали мой текст из «самотека», пошла переписка. Ту же «Аномалию» взяли в работу аж три

издательства — Астрель-СПб, ЭКСМО и Альфа-Книга. В итоге, до конца ее довела только Астрель. Самое смешное, что из ЭКСМО все еще пишут — «ваш текст в процессе рассмотрения, прошел очередную читку», хотя книга уже на полках. Молодцы они, в общем.

— Что сейчас более востребовано издательствами?

— В целом — все то, что покупают люди, то есть мы с вами. Издательство — это тот же завод, он не может работать в убыток. Люди покупают попаданцев? Будут попаданцы. Покупают вампиров? Будут вампиры. Книжные тренды задают не издатели, а мы, читатели. Издатели лишь поддерживают линию, заполняют спрос. Ты хоть завали все книжные полки справочниками пчеловода — от этого разведение пчел сильно популярнее не станет. Основная масса людей просто перестанут приходить в такой магазин.

Буквально сегодня был в книжном — полки не забиты одними лишь «сталкерами», попаданцами и вампирами. Их много, но это — вершина волны. За ними — очень большой спектр книг, от классики до беллетристики, от лавбургеров до каких-то безумных арт-экспериментов с картонными обложками. Много, очень много новых имен. А, как мы знаем, издатели не станут работать в убыток и разбрасываться деньгами. А значит, все это востребовано.

— Вы верите, что писатель может изменить мир своими книгами?

— Я верю в то, что книга может изменить мир, но лишь в том случае, когда у социума заработает коллективное-бессознательное. Проще говоря — сейчас, в век информации, очень сложно пронять и подвигнуть на что-то одной-единственной книгой. Заставить задуматься — да, конечно, но не заставить менять мир вокруг себя — ведь никто не оспорит, что мир меняют люди? А вот если единая идея будет звучать из множества книг, формируя настоящий поток информации, который будет окружать и насыщать мысли и чувства людей, вот тогда есть шанс изменить мир. Вода камень точит, как бы так.

Полный текст интервью
writercenter.ru/blog/author_talks/

Бурмистров Денис
writercenter.ru/profile/Taronskiy/

Ула Сенкович
writercenter.ru/profile/Senkovich/whois/

— Как Вы считаете, будущее за электронными изданиями? Или замена типографской книги на электронную не скоро произойдет, по крайней мере, на русскоязычных просторах.

— Ответу так — будущее за э-книгами, но о полном переходе на электронный формат говорить еще очень рано. По крайней мере, до тех пор, пока не уйдет поколение, не способное воспринимать информацию с монитора и любящее ощущать книгу в руках. То есть, лет пять-десять минимум. Но, да, бумажные книги рано или поздно уйдут в небытие.

— В какой степени Вы сами присутствуете на страницах своих книг?

— Стараюсь каждого героя создавать из сторонних типажей, но все равно лепишь-то их из собственных представлений, верно? Потому скажу так: мои тексты — это не сколько я, сколько, безусловно, мой мир и мое окружение.

— Над каким проектом работаете сейчас?

— Основное время — это роман с рабочим названием «Паразиты» — что-то между «Тайным городом» Панова и «Дозорами» Лукьяненко, но с теологическим уклоном. По возможности переделываю под требования издательства прошлую работу — «Равновесие Парето».

Беседовала Ула Сенкович.

Фото h-studio

Елена Татиевская

***

Над подлунными гребнями улиц
на серебряных айсбергах крыш
проплывает котяра горластый,
рассекая руладами тишь.

Ни луны акварельное веко,
ни сединки на струнах-усах
не тревожат ночного бродягу,
хвост вонзившего в небеса.

И, облизываясь, кот уверен,
жадно глядя на сливки небес,
что они отражаются в лужах
для таких вот голодных повес.

***

Когда виноград до изюма состарится
иль в вихре брожения станет вином,
и поздняя осень, разделавшись с травами,
трубит о дождях в дымоходе печном,

Когда синеватая рожица лужи
лишь кожицу сморщит от зыби ветров,
я жажду пощёчин неистойвой стужи,
хрустящего теста слоёных снегов,

бескровного льда обжигающей глади,
и ртутную тень за зеркальным катком,
и клюквы под нёбом взорвавшихся градин,
и зуд мандариновых детских оском.

***

Ловлю снежинки языком
из молока метели,
глотаю постные дары,
что к декабрю спели.

Я зачерпнула снег тайком,
чтоб только не глазели
те, кто для этого стары,
возможно, с колыбели.

В ладонях пахнет снега ком,
как чистые постели
крахмальные, что дарят сны
о новогодней ели.

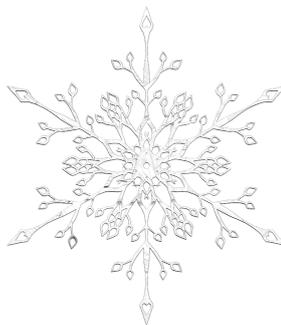
Ловлю снежинки языком
из молока метели,
и мысли стали холодны
и думаться не смели.

***

Жду миг, когда душа отгадет,
и ожиданий срок несносен —
ты знаешь, как это бывает
на перекрёстке зим и весен!

И, кажется, что от зимы
я не очнусь на перекрёстке,
вдыхая прелости весны
в незакалённые желёзки.

Звёзды

Мне семь. И мы с тобой глядим на звёзды
над крепостью бетонного домишки.
Скатался ворс? Нет, мама, это слёзы
из пуговичек плюшевого мишки.

Мне шесть. Так нелегко пятиконечной
звезды добиться — карандаш ломаю.
Понюхай, папа, пахнут безупречно
бумажные цветочки к Первомаю.

Мне пять. Днём звёзды — в старом одеяле,
укрывшись с головой, я их считаю.
И отчего в игрушечном рояле
пять клавиш с придыханьем западают?

Четыре мне. Я забываю что-то
такое, что известно только звёздам,
собакам разным и листочкам тонким,
и воздух загребушим львиным зёвам.

Я — звёздочка домашнего театра
в три года. Их «как будто» понимают.
Бубню по-детски гениально-кратно,
Чуковскому, как Библии, внимая.

В два года ненадолго интересны
сказания о звёздочках и гномах.
Здесь нахожу и яркой, и уместной
развёртку типа «Кошкиного дома».

Затем я поражаю педиатра.
Нет, не объёмом, наберу невскоре,
а тем, что кран «кап-кап» — воды утрата.
Была ли я — звезда?! О чём тут спорить!

Елена Татиевская (Алоната)
writercenter.ru/profile/Alonata/

Фото h-studio
flickr.com/photos/h-studio/

Жикто

Никонович Сергей

Я не видел Её семь лет. С того самого злополучного вечера. С того перрона, на котором мы расстались, как мне тогда казалось, навсегда. Боже, я ведь действительно думал, что вижу Её последний раз в жизни. Еще не знал тогда, насколько длинной окажется эта жизнь...

Мы не стали делать вид, что не узнали друг друга. Не стали отводить глаз. Неловко обнялись и дежурно улыбнулись.

Далее бессмысленные тупые вопросы — как ты? — и такие же идиотские ответы, когда в два предложения стараешься уместить события семи лет.

В моём случае — события целой вечности.

Она вернулась. Домой, в наш провинциальный городок. Непрístupная столица так и осталась непокорённой. Говорить о том, почему всё так вышло, Она не хочет. А я не считаю себя тем, кто вправе об этом расспрашивать.

— Ты пойдёшь через дворы? — я до сих пор помню, где Она живёт.

— Нет. Если честно, я сейчас не домой.

— А куда?

— Тут недалеко.

— Ну, пойдём вместе на остановку. Тебе на какой автобус?

— Да я.... Вообще-то, думала пройтись пешком. Я не дурак. Я понимаю, что Она хочет отделиться, отвязаться от меня.

Но эгоизм берет над вежливостью верх.

— О, давай пройдемся.

Она задумчиво смотрит на меня.

— Не замёрзнешь?

Со вчерашнего дня резко похолодало. Температура упала на десяток градусов, а я по привычке выскочил на улицу в осенней куртке. Думал — ненадолго.

— А ты? — отвечаю вопросом на вопрос.

— Я тепло одета. Да и дома неделю сидела. Мне хочется прогуляться.

Я понимающе киваю.

Её "недалеко" оказывается на расстоянии четырёх остановок. Ветер треплет волосы, уши противно болят от мороза. Я слегка горблюсь, не вынимаю рук из карманов. Ладони не перестают потеть. Сжимаю в руках мелочь и какие-то мелкие бумажки — всё то, что завалилось в карманах.

Разговор не клеится. По большей части, мы идем молча, изредка перекидываясь односложными фразами или короткими историями. Она не по-

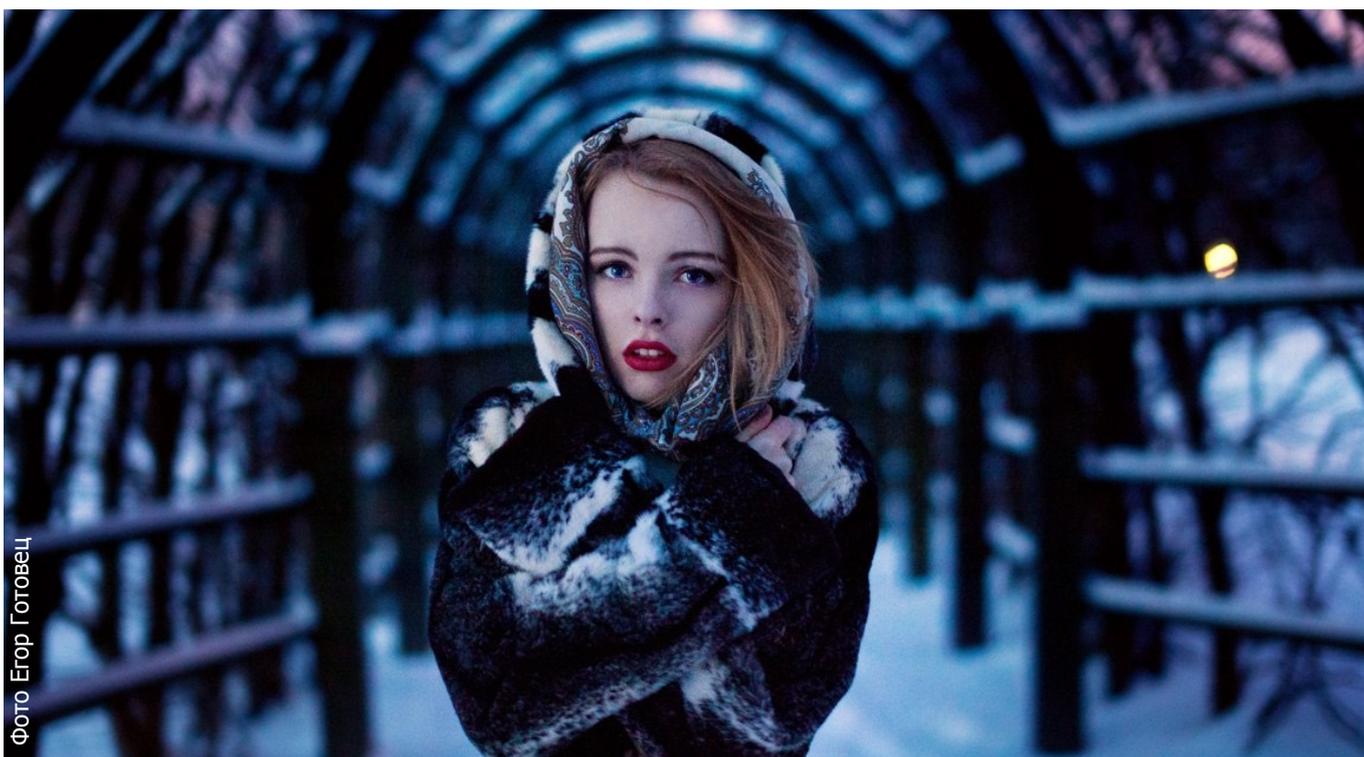

Фото Егор Готовец

казывает безразличия и не хочет меня обижать. Просто, когда не видишь человека в течение долгого времени, общие темы для разговора отыскать очень трудно. По сути, есть только одна тема — прошлое.

Но это именно то, чего мы оба не станем касаться.

— ... и вот я хочу объясниться, повышаю голос, а он только поддаёт газу... — пытаюсь пересказать забавный случай из жизни.

Она хихикает. Конечно, из вежливости. Наверное, сколько бы ни прошло лет, я всегда буду чувствовать себя рядом с Ней, как мальчишка. Каким бы я ни стал успешным, остроумным, обаятельным, как бы я не изменился — рядом с Ней я всегда буду краснеющим, косноязычным тютей.

Я беру Её за руку. Своей холодной мокрой ладонью. Секунд десять мы идём молча, а потом Она делает вид, что Ей нужно поправить пальто, и деликатно высвобождается.

Глупая мысль успокаивает меня.

Теория о параллельных вселенных. О бесконечном множестве вариаций нашего сумасшедшего мира. Предположение о том, что каждый раз, когда кто-то делает выбор, он ненароком создаёт ещё одну реальность, в которой его двойник поступает иначе.

Возможно, в одном из таких измерений мы в этот самый момент идём рука об руку, не как чужие люди, а как муж и жена...

Она делает вид, что ей нужно поправить пальто и выдёргивает руку из моей ладони. Я кривлю губы и поворачиваю голову в сторону. Мы так и идём — отвернувшись друг от друга, нацепив на лица дежурные маски безразличия.

Когда знаешь человека всю свою жизнь и в течение семи лет проводишь с ним каждый день вместе, общих тем для разговора не остаётся.

Я мёрзну. Кончики ушей ноют от холода — шапку я сегодня не захватил.

Я был бы совсем не против залезть сейчас в любой проходящий мимо транспорт, но мы продолжаем идти пешком. Молча. Поссорились из-за глупости: из-за того, в какой автобус следовало садиться.

И теперь топаем своим ходом.

Отличное решение! Супруги ведь должны идти на компромисс...

Ей-то не холодно — она в зимнем пальто, а не осенней куртёнке!

Меня успокаивает мысль, что, возможно, в одном из параллельных миров не существует нашего окольцованного праха. Что где-то я свободен, что когда-то мне хватило мозгов понять, что действительно важно, а что нет, пока всё не зашло слишком далеко.

"Где-то, когда-то..."

Рассуждения безвольного слюнтяя. Те же, что помогают мне смириться с хамством и несправедливостью. Успокаиваю себя, что когда-нибудь что-нибудь отплатит обидчикам сторицей. Жизнь, судьба, карма, бог, закон сохранения энергии — что угодно. Тешу себя надеждами, которыми живут все слабаки — о существовании высшей справедливости. О какой-нибудь силе, которая расставит всё на свои места за меня.

Нет её.

Как не существует и реальности, где я был бы счастлив.

Думаю, есть люди, которые просто не созданы для этого.

Такие, как я.

Сладостно-пугающее наваждение отступает.

Конечно же, всё это бред, а параллельные измерения — фантастика. Не более.

Нет никаких вариаций. Есть только одна версия жизни и последствия наших ошибок. Нет ни ножниц, позволяющих вырезать кусок прошлого, ни ластика, для исправления неудачно расставленных запятых.

— Привет, дорогой, — говорит Она.

Привстав на цыпочки, Она целует мужа в щёку.

Мужчина не особо выразительной внешности в этот момент кажется мне самым отвратительным существом во Вселенной.

Он снимает перчатку и протягивает мне узкую ладонь. Представляется.

Я не слышу его, не замечаю руки. Не из-за того, что хочу оскорбить. Потому, что не могу оторвать глаз от величайшего чуда, которое мне только довелось увидеть.

Маленькая девочка жмётся к ноге отца и со смесью любопытства и опасения смотрит на Неё.

— Всё хорошо, — улыбается Она, присаживаясь перед дочерью на колени. — Это просто старый мамин знакомый.

Просто. Старый. Знакомый.

Никто.

Первая роза

Евгения Сафонова

Дверь палаты отворилась пугающе бесшумно.

— Ну, Софья Андреевна, будем знакомы, — человек в белом халате остановился в трёх шагах от койки. — Я ваш лечащий врач, Александр Петрович.

Она молчала, глядя в потолок. Волосы пролитыми чернилами разметались по белой подушке.

— Операция прошла успешно, но для полного восстановления подвижности руки нужна ещё одна. С порезанными сухожилиями приходится возиться, да, — зачем-то оправдываясь, добавил врач. — Думаю, через неделю посмотрим на динамику... А пока каждый день вас будет посещать психиатр.

— Когда меня выпустят? — голос её звучал безучастно.

— Хм, — врач в замешательстве поправил очки. — Учитывая вашу ситуацию... нескоро, думаю. Дома вам не смогут обеспечить надлежащий уход.

— Меня отправят в психушку, я знаю, — буднично сказала Соня. — В прошлый раз перевели, как только проснулась. Пришла эта сова психическая, выпытала, что могла, и уpekла на два месяца.

— В прошлый?

— Ну да. Таблетками травилась, — Соня, наконец взглянув на него из-под косой чёлки, растянула губы в улыбке. — Хочешь сказать, ты — врач? Институт-то хоть кончил?

— Интерн, — пробормотал он, снова поправив очки, проведя пальцем снизу вверх по переносице. — Недавно...

— Та сова-психиатр тоже часто очки поправляла. Люди думают, они так умнее кажутся. Интересно, в этот раз тоже она придёт? — её взгляд блуждал по зелёным стенам, трём пустующим койкам и единственному окну. — Зачем вы меня спасли?

— Мама ваша «Скорую» вызвала...

— Я спрашиваю не «почему», а «зачем». Вот зачем? Один раз умереть не дали, второй захотела — опять... Первый я ещё боялась. Когда засыпала, думала, не зря ли. А во второй уже совсем не страшно. Больно только, когда режешь, а потом

хорошо даже. И как вы понять не можете... я же в итоге всё равно умру, только ещё три месяца промучаюсь. В следующий раз с крыши спрыгну, чтоб наверняка. А ты записывай, записывай, это же моя история болезни. Ты бы всё равно стал мне вопросы задавать.

Послушно строча в тетрадку, парень как-то утробно кашлял.

— Два лезвия пришлось использовать. Первое в воду упало, когда из руки в руку переключивала — пальцы уже не гнулись. Пришлось второе брать, я его на бортик ванной положила. Я же знала, что ослабею. Подумала: если лезвие из руки выпадет, его искать будет трудно, а если не порежу как следует, откачать смогут. И всё по плану прошло. Но когда Анька нужна, она вечно спит, а когда не нужна — тут как тут, просыпается... Вот и сейчас из комнаты выползла — и в ванную первым делом. Представляю, какой вой подняла... Хочешь что-то спросить?

— Я просто думаю... — он смотрел на ручку, которую вертел в пальцах. Мальчишка, презрительно подумала Соня. Неопытный мальчик, у которого спутались все планы и растерялись все слова. Вот теперь он сидит и думает, можно ли с ней говорить или всё психиатру оставить, чтоб не навредить. — Да нет, ничего, — мучительная точка чуть не продырявила бумагу. Ещё и трус к тому же. — В общем, лежите, отдыхайте... вам нужен покой, это сейчас самое главное... я зайду позже, как обход буду делать.

«Небось, сам пай-мальчиком был», — думала Соня, глядя ему в спину. Ботаник очкастый. У родителей под крылышком наверняка рос, шаг вправо, шаг влево... Жизнь, где каждый шаг расписан с рождения.

Она знала, что он хотел спросить. Он хотел бы понять, какие чувства толкают на такое. Хотел бы представить, как можно пытаться убить себя. Хотел бы осознать, как в пятнадцать лет можно настолько ненавидеть жизнь, чтобы позаботиться о втором лезвии. Но он не мог ни того, ни другого, ни третьего. И всё, что ему оставалось — уйти.

Она для него теперь — раздражающий фактор. Самоубийцы всегда раздражают остальных. Их боятся. Они же... неправильные. Нельзя поступать так, как они.

Соня закрыла глаза: ничего, мальчик. Привыкнешь. Да и недолго я буду тебе досаждать.

— Как ты могла?! — Анька впихнула ей в рот ложку бульона. Удивительно, что ложка впихнулась — руки у неё тряслись. — Я же в прошлый раз... я же умоляла тебя! Почему?

— Не надо нервничать. Тебе вредно.

— Я думала, тебе в диспансере мозги на место поставили, а ты... ты что, всё время ждала момента, когда выйдешь... чтобы опять оказаться здесь?

— Я не хотела оказаться здесь.

Соня смотрела на свои забинтованные руки, лежавшие на одеяле. Чёрный маникюр был безжалостно загублен — ногти ей постригли, пока она спала.

Жаль всё-таки, что она не может есть сама. Или не есть вообще.

— Неужели тебе нечего терять? Сколького ты лишишься, ты думала хоть раз? — ложка доскребала по больничной тарелке. — И всё это из-за какого-то... Только из-за него!

«Не только», — глотая, подумала Соня.

— Тогда — из-за того, что он тебя бросил, теперь — потому, что даже не позвонил... А ты чего ждала? Что он примчится, только узнав об этом? Вы же расстались, ему на тебя плевать, ты это знала! Ну зачем он тебе нужен после всего, что он с тобой сделал?

— А если я без него жить не могу?

— Дура, — устало констатировала мать. — Мне без папы приходится жить, а это была не глупая первая влюблённость.

— Ага, — Соня сощурилась, — можешь кому угодно рассказывать, как ты без него живёшь, только не мне.

Мама стиснула ложку до белизны в пальцах. Смотри-ка, всё-таки сдерживается, а не бьёт сразу.

— Я стараюсь справляться, — ровно сказала она. — Но твои поступки никак этому не способствуют.

— Видно, как ты справляешься. Хотя в последний раз, кажется, правда было парой бутылок меньше...

— Софья, ты нарываешься на... а, так ты этого и добиваешься, да? Добиваешься, чтобы я тебя ударила, и меня отсюда выставили?

Она промолчала.

— Могла бы просто сказать, что не хочешь меня видеть. Я бы поняла, — мать очень тихо поставила тарелку на тумбочку. — Александр Петрович обещал, что завтра сюда положат ещё

Проза. Реализм.

двоих. Тогда я не буду приходить, раз так... Но пока ты одна, я хочу быть рядом.

— У меня же ничего нет. Ты никаких вещей не принесла, даже мобильник дома оставила. Медсестра всегда за дверью. Да только если бы я захотела, я бы уже сделала то, чего ты боишься. Возможностей масса.

— Значит, ты не хочешь?

— Не сейчас.

— Кхм...

На смущённый кашель обе оглянулись.

— Простите, что без стука... забыл, — врач только что ножкой не шаркнул. — Анна Михайловна, вас к главврачу просят. Надо кое-какие документы подписать.

— А вы...

— А я пока как раз опрошу Софью.

Мать вышла. Парень традиционно поправил очки:

— перевязка прошла успешно, заживление идёт хорошо. До второй операции, думаю, новая перевязка не понадобится. Визита психиатра ждите завтра, — снова прокашлялся, сунул тетрадку под мышку и, скрестив руки на груди, сурово воззрился на Соню. — Зачем вы так с матерью, Софья Андреевна?

Ага, ясно — поговорил с главврачом, и та дала добро на разговоры с опасной пациенткой.

— Да, вы можете ответить, что вам досталась не самая лучшая мать, но она вас любит! Вы... вы вот хоть раз думали, что с ней будет, если вас не станет?

— Как была, так и будет. Хотя да, бывает хуже, вон у Ленки мать вообще не просыхает. А от Аньки сегодня даже не пахло. Только ты под дверью в следующий раз не подслушивай, ладно? А теперь иди, я спать хочу.

Врач совсем несолидно прислонился плечом к стене:

— Софья... как вы не можете понять, что таких вот... их в каждой жизни бывает достаточно. И что же, если бы все вот так же, как вы... людей бы тогда вообще не осталось.

Она отвернулась к стенке.

— Ну вот подумайте — их много, а вы одна! — он говорил почти жалобно. — Своей смертью вы никому ничего не докажете, вы же уже убедились! А себя лишите жизни со всеми её радостями. Если вы хотите от горестей сбежать...

— Это не только из-за него, — Соне, наконец, надоело. — Если скажу, почему, дашь мне

поспать?

— Эм...

— Я хочу уйти, потому что не вижу смысла жить.

Она повернула голову, в первый раз взглянув в глаза за очками. Серые, оказывается.

— Когда-то я думала, что за нами кто-то присматривает... каждому воздаётся по поступкам и бла-бла. Что справедливость есть. И Бог есть. А потом папа ушёл...

Она бесцельно оглядывала палату: на него смотреть не хотелось. Почему все больницы одинаковые? Стены зелёные, мебель белая, лампы обязательно гудящие, с противным белым светом, и всё такое стерильное, такое безжизненное, что свихнуться можно. Только в окно и можно поглядеть — там парк заснеженный, и даже вольеры с белками видно, если медсёстрам верить, а совсем рядом Москва-река, а за ней зимой выбеленный город, за окраину которого медленно закатывается солнце...

— Помню, я лежала в кровати, слушала рыдания мамы за стенкой и думала, в чём мы виноваты. За что это нам... За что это мне. За что папа меня бросил. И не могла понять. А потом Анька стала пить... Я от однокашников и друзей это скрывала. И когда он появился, ему тоже не сказала. Но кто-то узнал и кто-то донёс. Тогда он сказал, что «не стерпит мою ложь» и что «вычёркивает меня из своей жизни». У него мать учительница была, она ему привила всякие странные фразочки... Вот тогда я и траванулась. Просто хотела, чтобы его всю жизнь оставшуюся совесть мучила. Водкой таблетки запила — слышала, так действеннее. Но меня спасли. А потом, уже в больнице, я лежала и думала: времени-то было много... Вот я ничего плохого не делала, родителей слушалась, любила, как никто... Но мне почему-то такую жизнь отмерили. А есть в моём классе такие дебилы нахальные, которых родители холят и лелеют, и есть такие стервы, которые с тремя одновременно крутят, и хоть бы кого из троих немножко любили. И все трое об этом знают, но всё терпят, как привязанные... Значит, выходит, нет никакой справедливости? Значит, и Бога нет... или он последняя сволочь, раз он такое допускает. Значит, ты можешь жить по правилам, но об тебя всегда будут ноги вытирать, а другие по твоей голове будут к хорошей жизни идти... Хватит, натерпелась, не хочу больше. Хочу умереть. А

если там что-то есть... И если Бог всё-таки есть — хочу плюнуть ему в рожу и сказать всё, что я о нём думаю.

Врач перекрестился.

Она вновь отвернулась, спиной чувствуя его задумчивый взгляд.

— Значит, ты... вы думаете, что ваша жизнь не стоит проживания...

— Да.

— И вы совсем не видите в ней смысла? — ой, дурак... не понял ещё, что ль?

— Нет.

— И вас совсем-совсем ничего не держит? Ничего хорошего?

— Нет этого хорошего.

— Думаете? И вы даже не хотите попробовать поискать?

— Зачем?

Его пальцы тихо постучали по обложке тетради. Потом, не сказав ни слова, он вышел.

Наконец-то можно притвориться спящей, подумала Соня, зубами натягивая одеяло повыше. Хоть до ужина без нравоучений.

Возмнившая себя барахлящими часами дверь вновь разразилась неровным стуком. «Часовщик», однако, войти не спешил, а Соня молчала.

В дверь снова постучали. Соня потянулась было нервно потереть языком колечко в нижней губе, но вспомнила, что пирсинг тоже сняли.

Дверь не утихала.

— Что надо? — наконец зло крикнула девушка.

Дверь открылась, и в палату вплыла роза.

Она почти светилась оранжевым светом, будто передразнивая уличные фонари. Наверное, этот свет стёк вниз и сконцентрировался, а сверху присыпался звёздами и подставился под струйку жидкого солнца: в итоге получилась ажурная обёртка вокруг соцветия, рыжая в сияющую крапинку, и золотая ленточка. Стебель заботливо прикрывал шипы глянцевыми лепестками.

Покрасовавшись в дверях, роза наконец поплыла дальше, сопровождаемая рукой в белом халате.

— Добрый вечер, Софья Андреевна, — врач торжественно опустил на прикроватный табурет. — Простите, что не вручаю её вам, но вам нельзя руки напрягать. Я ещё шоколадку принёс — она пусть до утра подождёт, пока мама ваша не придёт.

— А не пойти ли тебе...

Парень, судя по всему, совсем не обиделся на адрес, по которому его послали. Положив шоколадку на тумбочку, он перехватил розу так, чтобы она легла на расправленные ладони.

— Слушай, я тебе серьёзно говорю, будешь клеиться — медсёстрам пожалуюсь, что...

— Это вторая роза, — словно не слыша, задумчиво сказал врач. — Второй раз в жизни, когда я дарю единственную розу. Второй раз, когда я дарю её девушке просто так, а не в качестве подкупа.

— Ага, следом я должна задать вопрос, какой же был первый. Конечно же, дарил своей бывшей. Ностальгия замучила? Пришёл душу изливать?

— Софья Андреевна, давайте договоримся так: я рассказываю вам историю первой розы и оставляю вас в покое. Клянусь, ни ночью, ни завтра, ни послезавтра и слова внеделового больше не скажу... если сами поговорить не захотите.

— В чём лично я сильно сомневаюсь, — Соня скривилась. — Это хоть не слишком долго?

— Как посмотреть. Не совсем.

— А ты успеешь? Домой бежать не надо?

— У меня сегодня ночное дежурство. Обход я закончил. Ну же, Софья Андреевна... выгодная сделка, правда.

И впрямь послушать, что ль? Может, тогда отстанет?

Соня милостиво кивнула:

— Ладно, давай свою историю. Только не заснуть не обещаю.

— Я и не прошу, — он аккуратно положил розу на тумбочку. Поправил очки и сцепил руки на коленях в замок. — С чего бы начать... Наверное, с того, что тогда мне было пятнадцать, столько же, сколько вам сейчас, и тогда я как раз окончил девятый класс, чтобы не пойти в десятый.

— Почему не пойти?

— Потому что я бросил школу.

Соня даже глаза подняла от удивления:

— Ты не закончил школу?

— Нет.

— Да не ври! По тебе видно, что ты ботаник в десятой степени!

— Зрение я себе испортил уже в институте, если вы об этом.

— Значит, ты бросил школу по каким-то исключительным идейным соображениям!

— Я бросил школу, потому что не хотел

Проза. Реализм.

учиться. Я не знал, зачем это надо. Никаких особых талантов ни в какой области я не проявлял, тяги ни к чему не испытывал. Так что я пошёл работать в Макдак... Макдональдс, простите. Потому что себе на жизнь я мог заработать только сам.

Нас у родителей было четверо: старшая, Лиза, училась в МГУ на филологическом, младший, Гошка, тогда пошёл в третий класс, я — уже рассказал, а Маня, которой было десять, лежала в больнице. Она всё время лежала в больнице. Сердце. Чтобы оплатить лечение, отец и мать вкалывали на двух работах, а в свободное время папа ещё и «бомбил». Но вот навещать Машку в итоге было просто некогда — никому, кроме меня. Так что раз-два в неделю я забегал в больницу после работы. Сам не знал, зачем. Из жалости, может? Странный я был человек... Мне было плевать на всех, потому что так жить было легче. Зарабатывать на еду, сигареты и выпивку, не жить, а выживать, навещать сестру и всё... Больше мне ничего не было нужно. Не могу сказать, что мне доставляло удовольствие пить и курить, но так делали все. А что делать мне, я не знал. Я не знал, ради чего живу. Да, я работал, чтобы жить, но ради чего? Я не задумывался. Потому что если задумаешься, чего доброго, не захочется...

Он поправил было очки — а потом вдруг снял их, бросив рядом с розой, и устало сжал двумя пальцами переносицу.

— Моей зарплаты хватало на то, чтобы

каждый раз по дороге с работы в больницу покупать сестре всякие безделушки. Заколки, игрушки, книжки... Особенно она любила читать про вампиров. Ну, знаете, тогда только вышли эти... с луной что-то связано... Они тогда были в моде, и Машка их жутко любила. Я любил смотреть, как она улыбается, когда я вынимал из сумки очередную финтифлю. Когда ей разрешали, мы гуляли по парку. Если не разрешали, то я сидел возле кровати и читал ей вслух... или просто говорил. Она числилась на экстернате, а в школе сколько раз была — по пальцам перечесть можно. Друзья у неё были только в больнице, но они приходили и уходили, а она оставалась. Поэтому она всё время выспрашивала меня обо всём, что я делал, о деталях, даже самых незначимых. О школе, об одноклассниках... Она хотела знать, каково это — жить нормальной жизнью.

Она хотела много-много друзей, научиться играть на скрипке, сходить на бал, съездить в Диснейленд, в Голливуд и в Париж, найти принца на белом коне, сходить на свидание, как в какой-нибудь из её любимых книжек, венчаться в Соборе Парижской Богоматери, получить букет из ста роз... Она обо всём рассказывала мне. И в конце таких разговоров всегда вздыхала, тяжело так. Она ещё была совсем маленькой, худющей... Глаза синие и огромные, волосы светлые, а кожа белая-белая всегда... В этот момент мне всегда становилось её жалко, и я говорил «а, совсем забыл» и лез в сумку за очередным подарком, и

она хватала его, чуть не подпрыгивая от радости, и пицчала своё «спасибо, Сашка!», и глаза у неё сияли...

Нам бы поменяться местами, думал я. Мне следовало быть на её месте. Она была не такой, как я. Она бы нашла себе цель в жизни. Да...

Парень помолчал, уставившись куда-то на стену. Потом облизнул пересохшие губы, прокашлялся и продолжил:

— Где-то раз в два-три месяца Маню выписывали, и тогда она пару месяцев была дома. Потом её стали отпускать недели на две, не больше. А потом как-то родители сказали, что Машка не будет встречать с нами Новый Год, потому что они решили сделать себе подарок и на праздники поехать вдвоём в Египет. Заодно и нам раздолье: одни в пустой квартире, зови кого хочешь! А Машку вполне можно будет и после каникул забрать. Очень долго они об этой поездке мечтали и деньги копили. И ещё дольше потом себя за это казнили...

Когда вскоре после этого я пришёл к Мане, она рыдала.

«Я хочу отмечать с вами!!! Посмотреть салют, погулять по Красной Площади, как всегда...»

«Погуляешь, обещаю, — вдруг брякнул я. — Лично займусь!»

«Что, правда?»

«Правда! А что? Не вечно же этих родичей слушаться! Мы и без них отлично время проведём!»

«Сааашка, спасиииибо!!!»

Сам не пойму, что на меня нашло. Но тогда она благодарил меня так горячо, как никогда.

Я слышал иногда кое-какие разговоры родителей... Слышал, но никогда не понимал. Я не верил, что Машка может куда-то деться. Она же такой хороший человек, ничего никому и никогда плохого не сделала... она же такая маленькая ещё. Разве её могут у нас забрать?

Не знаю, почему, но я понял, что любимыми способами должен вытащить её из больницы на эту ночь. Я насел на родителей танком, умолял, угрожал, рыдал — и в конце концов добился того, чтобы с девяти вечера до девяти утра Машку отпустили со мной.

Я отвязался от всех друзей, набивавшихся ко мне в гости, и под вечер тридцать первого пришёл к сестре. Я принёс ей розу. Одну розу. Такую же, как та, которую я подарил вам. Она мечтала о ста, конечно, но обрадовалась и одной, потому что ей

ни разу в жизни не дарили роз. Она думала, мы поедем домой... но я заказал столик в ресторанчике на Долгоруковской. «Серенада» назывался. Там играл струнный квартет, и я попросил дать Машке подержать скрипку. Ей даже разрешили взять пару нот и сказали, что звук у неё хороший. А потом пришли девчонки, с которыми она когда-то в больнице лежала — они были моими ровесницами, и к Машке относились, как к живой кукле, но она считала их подругами. У меня были их телефоны, и я попросил их заглянуть на десять минут...

«А на свидания в книжках так и ходят! — заявила потом Машка. — Получают цветы и идут в ресторан, такой же красивый, как этот!»

«Мань, с братьями на свидания не ходят».

«Ну пожалуйста, пусть у нас будет хоть чуть-чуть свидание, ладно?»

Она была счастлива. В один вечер исполнилось почти всё, что она хотела.

Помню, как мы потом шли на Красную Площадь. Зима была мерзкой и слякотной, но в ту ночь шёл снег. Тверская сияла. Эта сеть гирлянд наверху... И чёрное небо за ней... И снег пушистый-пушистый. Странно, обычно я никогда не обращал на такое внимания, но тогда почему-то подумал, что вот такая Тверская — самая красивая штука на свете.

«Смотри, Мань, какая красота! Правда? — Машка так устала, что почти засыпала, и я посадил её к себе на плечи. Она молчала, и я оглянулся: она тихо, умиротворённо улыбалась мне моей любимой улыбкой. — Сейчас посмотрим салют... А у нас ещё вся ночь впереди, ты только подумай! И мы ещё должны тебе подарок купить. Ты куда хочешь? В книжный? Можем закупить кучу книжек! Или зайти в магазин игрушек, купить тебе какого-нибудь медведя из этих, серых с голубыми носами. О, а ещё мы зайдём в продуктовый и купим огромный торт! С вишней и «мокрыми» бисквитами, как ты любишь. Возьмёшь его с собой в больницу и будешь есть ещё три дня на завтрак, обед и ужин, поняла? Как миленькая! А, может, ты хочешь какой-нибудь браслет или колечко? Зайдём в какой-нибудь магазин вроде «Леди»? Ты не думай, у меня деньги есть, нам премии выдали...»

Я шёл вперёд и всё говорил, говорил, а она улыбалась и молчала...

Он встал и подошёл к окну, глядя на неоновые светлячки парковых фонарей.

Проза. Реализм.

— Почти всю свою жизнь она провела в больничной палате, и всё, что у неё было — это я. Мои подарки, прогулки, разговоры... А я, кретин, слишком поздно понял, что она была для меня самым дорогим существом на свете...

— Она... прямо там?.. — вернувшийся голос, казалось, Соне не принадлежал.

— Нет, мы вернулись, и я уложил её спать, и я хотел зайти снова дня через три. Но больше её так и не увидел. Потом уже выяснилось, что её могла спасти только пересадка сердца, но почему-то врачи этого не поняли... — он вглядывался в городское море, плещущее световыми волнами о чёрную полосу реки. — Она дарила мне, мне, который должен был только отдавать ей — радость, которой я не замечал. А теперь она исчезла... У меня ничего не осталось. Жизнь казалась конченной. Но вдруг я подумал: она ведь находила счастье даже в такой убогой жизни, какую ей отмерили. Находила счастье, смысл, желания... и она оставила мне последний, бесценный дар: она показала мне, что даже в той никчёмной жизни, которую я вёл, был смысл. И я понял, что всегда смогу найти цель, что новая цель всегда есть... И тогда я нашёл её.

Я сел за учебники, поступил в медицинское училище и погнался за мечтой, за своей первой мечтой: посвятить свою жизнь другим людям, чтобы не повторилось такого, как с ней, чтобы подарить жизнь тем, кто должен жить...

Он ещё долго смотрел в окно и молчал.

Слышно было, как тихо, нервно, на одной ноте ноют лампы.

Тишина вокруг была хрустально-хрупкой.

А Соня впервые поняла, что боится её разбивать.

Наконец он повернулся, и лицо его было усталым.

— Прежде чем прыгать с крыши, подумайте как следует, Софья Андреевна, — он взял очки с тумбочки. — Съешьте шоколадку и подумайте. Шоколад стимулирует выделение эндорфинов, вы же знаете? Вот вам уже и станет чуть-чуть радостнее...

Он в последний раз коснулся розы кончиками пальцев и пошёл к двери.

— Ты сказал... — Соня запнулась, почему-то испугавшись собственного голоса. Но всё-таки заговорила. — Ты сказал, она показала тебе смысл той жизни. А какой был смысл? Разве он был?

— Был. Совсем рядом со мной. Был смысл, была цель... Но я их не замечал, — он взялся за дверную ручку. — А ведь всё, к чему я стремился — это видеть её улыбку.

Какое-то время она молча смотрела на фигуру в белом халате, замеревшую в дверном проёме.

— И смысл... может быть таким?

— Не худший смысл из возможных, как мне кажется, — дверь мягко скользнула на петлях. — Спокойной ночи, Софья Андреевна.

Соня смотрела в пустоту и видела там стопки

Фото Алексей Яковлев

книг, неожиданный снег, гирлянды над головой, скрипку в детских руках, две фигурки, бредущие по слякотным дорожкам больничного парка, почему-то того самого, что был под её окном, а лампы всё так же гудели, и перевязанные руки мирно лежали поверх одеяла, и волосы пролитыми чернилами струились по белой подушке...

— Ну, здравствуй, Соня, — поправив лупоглазые очки, психиатр хмуро присела на табурет. Металлические ножки жалобно заскулили, продавив линолеум. — Не могу сказать, что давно не виделась. Кажется, в прошлый раз мы расстались на том, что ты осознала свои ошибки и больше так не будешь. Что же такое произошло, что ты так быстро об этом забыла?

Она молчала, глядя куда-то в сторону.

— Значит, ты всё ещё хочешь умереть?

Соня смотрела на розу, тихо светившуюся в банке на окне, бросая вызов окружающей стерильности.

За то, что самое ценное в жизни является банальным...

За то, что чёрт его знает, есть ли Бог...

За то, что все утешения — только слова...

За то, что даже слова когда-нибудь могут переиграть чью-то жизнь...

За то, что совсем не красотой, но чем-то другим жизнь в себя влюбляет...

Спасибо, Сашка.

— Знаете, Алла Сергеевна, — Соня перевела взгляд на её лицо, — вопрос, конечно, интересный...

Возможный P.S. для реалистов и оптимистов.

— Молодёжь, — Алла Сергеевна с наслаждением затянулась изящной сигареткой. — До чего глупые нынче дети пошли, сил нет. Из-за каких-то... непонятно чего — сразу вены резать. Вот в сорок первый год их бы закинуть, чтоб посмотрели, как люди жили и хотели жить...

— Не надо им сорок первого года, — аккуратно прикрыв дверь на лестницу, Саша достал из кармана пачку «Парламента». — Войны никому не надо.

— Взвился кострами... Шучу, конечно, — женщина проводила взглядом тонкую дымную струйку, белёсыми змейками расплзшуюся и медленно истаявшую. — Всё потому, что веры у них нет. Вера бы их держала. Но попробуй с ними о Боге поговорить — они же ненавидят проповеди и ненавидят, когда их начинаешь учить. А между тем... вот таким дурочкам, как Сонечка, не хватает элементарного внимания. Отсюда все эти чёлки, пирсинги, чёрные лаки... А потом и лезвия. Она же не хотела умирать, но признаться в собственной глупости — как же. И она накручивала себя, накручивала, и вот до чего дошла... Таким бы поговорить с кем по душам, пока не поздно, но подростковая гордость не даёт — они же всё знают, всё могут, всё умеют. А как ещё и кто ещё объяснит им всю мизерность их проблем, если не взрослый человек со своими «нравоучениями»?

— Ну, кто-то объясняет, как видите.

Алла Сергеевна кинула на молодого человека насмешливый взгляд:

— И чего ты в писатели не подался, Сашка?

— Увы, я с шести лет знал, что пойду по родительским стопам. Другие профессии мной даже не рассматривались.

— А жаль. Мог бы даже в политику пойти: такой дар убеждения — да зря пропадает. Какое влияние оказывали бы твои речи на умы обывателей... Я уж молчу про то, что из тебя вышел бы гениальный психиатр.

— Кажется, я вам уже говорил всё, что я думаю...

— Да, ты мне рассказывал, — она закатила глаза, — про взгляд в бездну и сражения с чудовищами. Но если бы ты всё-таки попробовал... У тебя же талант!

— C'est la vie, — Саша щёлкнул зажигалкой. Затянулся, выдохнул, посмотрел в окно — прямо напротив по металлической паутине стенок вольера носились зимне-серебристые белки. — А знаете, Алла Сергеевна, я теперь даже почти не жалею, что родители не хотели второго ребёнка. Мало ли...

Евгения Сафонова (Бука Нист)

writercenter.ru/profile/rhiannon/whois/

Артманипуляция - Черненькая Арина

writercenter.ru/profile/DaphnyFains/whois/

Фото Алексей Яковлев

vk.com/alex_yako

Мишка на севере

Алмазная Анна

Оля хлопнула входной дверью, швырнула сумку в угол, сорвала с себя куртку и начала зло расшнуровывать высокие, до колен, сапоги.

Что ж, дочка опять не в духе.

И опять из-за Андрея — в ее возрасте девчонки выглядят, как тайфун, только из-за своих парней. Только из-за них может «нечаянно» размазаться тушь на щеках, растрепаться волосы и искусаться до крови губы.

Только из-за парня может пятнадцатилетняя девушка влететь на кухню и, забыв о диете, полезть в холодильник за давно забытым куском пиццы.

Только из-за него, любимого, может она не поздороваться с родителями.

Сидевший в углу кухни Коля понимающе хмыкнул, закрываясь вечерней газетой. Спрятался за городскими новостями, гороскопом и спортив-

ными достижениями. Долго он не выдержал. Стоило Оле сесть за стол с куском пиццы на тарелке, как муж спросил... но не дочку, а меня.

— Помнишь о том письме?

Оля вздрогнула. Мне стало муторно. Сметливая дочурка сделала именно то, что ожидал от нее Коля: оторвалась от калорийной пиццы и уставилась на меня, любимую. Этот взгляд означал только одно: нет, милая, теперь я от тебя не отвяжусь, а историю услышу. В состоянии «на ком бы сорваться после ссоры с Андреем» на снисходительность можно было не рассчитывать.

— Помню, — вздохнула я.

— Мама... — ожидаемо заныла Оля. — Mam, Расскажи... мама!

— Твоя мама не любит рассказывать о том дне. Давай я расскажу?

Я кивнула. Оля все равно не отвяжется, а Коля никогда еще не был так откровенен. Мы с ним как бы сговорились не вспоминать прошлое, не думать о том, что было до того дня... когда Коля приехал в город учиться и пришел в мой дом с цветами. Улыбнулся тепло и чуть стеснительно и просто сказал:

— Алина, это я.

«Это я» могло быть кем угодно. А я узнала. Повисла у Коли на шее, уколовшись о розы в его руках, и вдруг поняла... не всегда детская любовь бывает глупой и наивной.

— Знаешь, Оля, — начал мой муж, — никогда

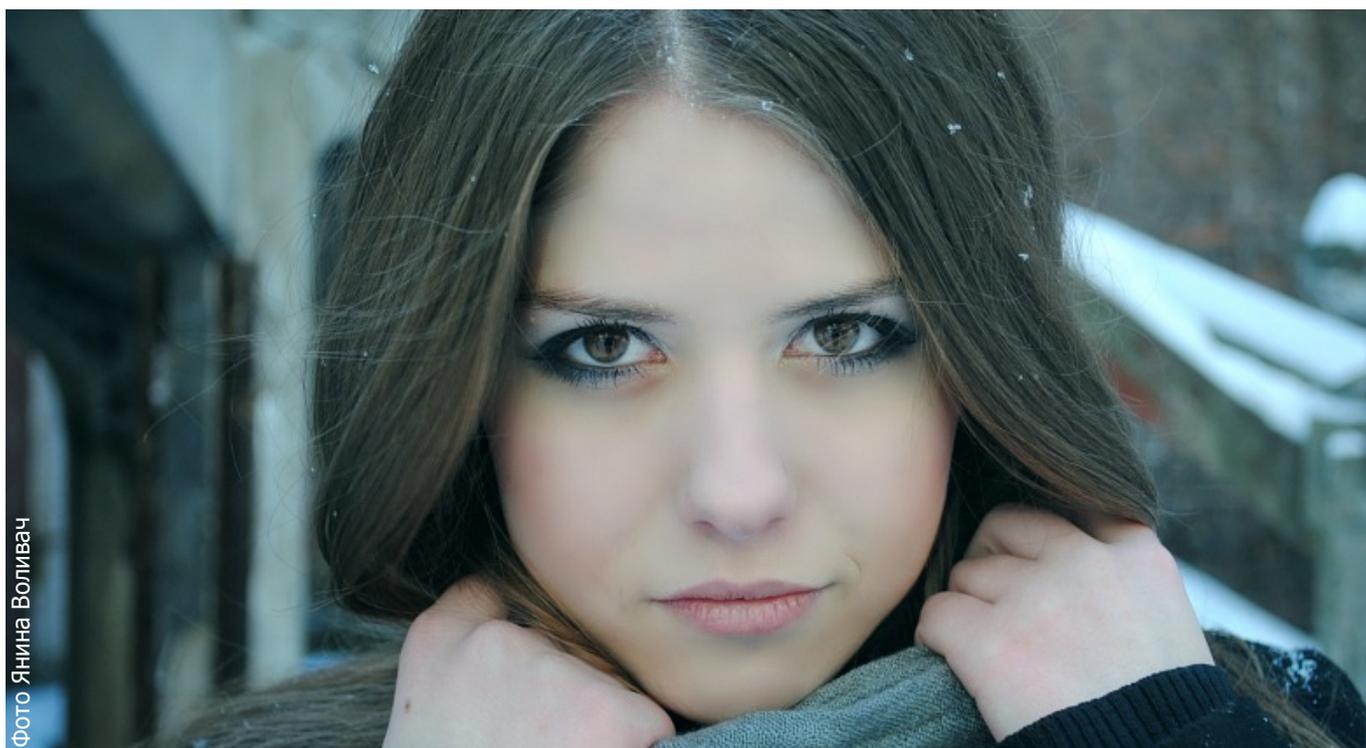

Фото Янина Воливач

не любил я школу. Как и ты. Но то первое сентября, в пятом классе, ждал с нетерпением. Маялся все лето, считал дни. А когда наступил первый учебный день, я пришел раньше всех, застыл у окна и ждал.

Шел дождь. Понемногу в школу начали входить ученики, учителя, все в красивых одеждах, с по-праздничному радостными лицами, чуть мокрые, довольные... с цветами. Я тоже держал в руках цветы. Пушистый букет из осенних астр. Но не для учителей, для девочки...

— Папа, от тебя не ожидала!

— Да я и сам не ожидал. Стоял, как дурак, на школьном крыльце, срывал с цветов лепестки, собирал их в кулак и все смотрел и смотрел на дорогу. Я ждал свою милую, задорную, чуть грустную Алину. Свою подружку... не дождался.

Прозвучал первый звонок. Разбежались по классам ученики. Стало тихо. Очень тихо. И только тут я понял, что ты не придешь, вышел под дождь, положил цветы на школьную скамейку и поплелся по пустым школьным коридорам.

Открыл дверь в наш класс, ожидал выговора, даже жаждал его. Понимаешь? Ничего не понимаешь... Когда плохо, любой крик, пусть даже учителя, кажется милым пустячком. Страшнее всего — одиночество. А мне было действительно плохо...

Как ни странно, не одному мне.

Весь класс сидел тихо, опустив глаза в парты. Никогда не слышал такой тишины. И никогда так не хотел, чтобы кто-то что-то сказал. Пусть даже накричал. Но все молчали. Молча кивнул мне стоявший у доски директор. Молча показала на мою парту Анна Петровна. Молча забрал со стула портфель мой сопартник.

Молча подошел директор к моей парте, положил на стол листок. Обычный листок с драными краями, вырванный из школьной тетрадки. А на нем — написанные крупными корявыми буквами слова...

А потом тишина... она как бы загустилась. Недобрая, ожидающая, вливалась она в класс вместе с шумом дождя.

И вдруг я понял: все смотрят на меня. Чего-то ждут.

— Прочитай! — приказал директор.

Только тогда узнал я на листке твой почерк... И прочитал... вслух. Голос мой срывался, а когда я прочел два слова: «Прощайте, Алина», не выдержал... руки мои задрожали, листок плавно полетел на свежепокрашенный пол, и я вылетел из класса.

Пулей.

— Мама, что было в письме? — заныла Оля, и я осторожно убрала из-под ее носа тарелку с пиццей, заменив ее тарелкой с морковным салатом. Оля даже не заметила. Она мяла в руках салфетку и пыталась поймать мой взгляд.

Но поймала не она. Коля. Мой муж, друг, защитник. Человек, который всегда поймет, всегда поддержит, всегда рядом...

— Мама расскажет, если захочет.

— Это было глупое письмо, — ответила я, чувствуя, как кровь заливает мне щеки. — Я была глупой девчонкой и более никем.

— Глупой? — усмехнулся Коля. — Вот уж не преувеличивай! Письмо твое печатали в школьной газете, повесили на стене школы, как напоминание.

— Напоминание о чем? — поинтересовалась Оля.

Я поднялась, налила воды в электрический чайник, поставила его на подставку и нажала кнопку.

— Что к людям надо относиться как к людям, а не как к животным.

— Мама! Покажи мне то письмо...

— Может, позднее...

— Расскажи нам... — вдруг сказал муж.

— Расскажи? Что? — удивилась я, доставая из буфета диетическое печенье.

— Расскажи мне, почему ты тогда уехала. Почему не простилась? Почему никогда не написала?

— Коля...

— Мама, расскажи, — попросила дочка.

Я села на табурет возле дочери и тихо начала, старательно подбирая слова:

— Бывают такие времена, когда о других думаешь больше, чем о себе. У всех бывает, когда кого-то любишь больше, чем себя. А я... Я тогда именно так любила своего Кольку и думала, что поступаю правильно. Некому было объяснить, что это не так: отец погряз в пьянке, мама...

— Алина, не стоит, — рука мужа легла на мою ладонь, согревая ее своим теплом. — Если тебе тяжело, то, право, не стоит...

Я подняла взгляд, посмотрев на дочь. Глаза ее светились сочувствием и интересом. Муж поднял руку и смахнул с моей щеки нечаянную слезу. Воцарилась тишина. Тишина квартирная, городская: когда шумно ругаются за стеной соседи, орет под окном кот, визжит тормозами машина, потрескивает холодильник и свистит чайник.

Проза. Реализм.

Щелкнул выключатель. Оля поднялась с табурета, подняла чайник и разлила кипяток по кружкам. Молодец, девочка, запомнила: мне — фруктовый, отцу — черный, а себе — зеленый.

— Какая же я глупая, — сказала я, согревая о кружку руки. — Так быстро начинаю плакать.

— Ну-ну, красавица, — усмехнулся муж. — Для чего ж я у тебя есть? Чтобы утирать слезы.

— Я знаю. Ты ведь и тогда утирал. Помнишь, как сидели мы иногда вечерами на нашем месте у реки, как смотрели на темневшую воду... а я боялась идти домой. Не хотела видеть грязи, чувствовать запах застоявшегося алкоголя, засыпать в слезах. Коля, я ведь была так одинока, так глупа, но рядом с тобой было так спокойно. Ты всегда заставлял меня улыбнуться, всегда находил теплое слово, всегда был рядом...

— Так что же случилось?

— Шумел за окном май. В открытое окно залетел майский жук. Он мешал мне сосредоточиться на контрольной, и я никак не могла сложить друг с другом числа, никак не могла получить правильный ответ... и тут ты швырнул мне бумажку.

Ты же знаешь, я не любила списывать, но в тот день мне так хотелось получить хорошую оценку, так хотелось выделиться хотя бы этим... И я украдкой развернула бумажку, чтобы списать пример. А тут...

— Тут подошла к твоей парте Анна Петровна, начала приглядываться...

— ... и ты тотчас же встал и сказал, что закончил...

— ... чтобы ты успела спрятать бумажку...

— ... я успела! А ты вышел раньше, чем предполагалось...

— ... я тебя ждал...

— ... а я пришла...

— Нет!

— Да!

Коля умолк, посмотрел на меня пылливо, оценивающе, а потом прошептал:

— Рассказывай.

Я посмотрела на Олю. Обычно бойкая девочка сидела тихо, как мышка. Наверняка, боялась, что ее выгонят, не позволят послушать. Да как я могла... не позволить? Есть два человека в этом мире, которым я могу позволить все, даже заглянуть ко мне в душу. В те места, куда я и сама заглядывать боялась...

— Я шла по тропинке. Помнишь, той, что спускалась к реке. Было жарко. Цвела черемуха, пел ручеек, падали в его воды белоснежные лепестки. Солнечный свет, отбиваясь от волн, слепил глаза.

Я стояла на нашем месте у плакучей ивы и ждала тебя. А ты все не шел...

И тут я услышала шум. Побежала по тропинке. Торопилась... Не успела.

Ты стоял на коленях в луже. Сплевывал кровью, размазывал грязь по лицу и почти плакал. Я тебя понимала: новый костюм, который привез тебе отчим из города. Праздничный, который ты надел на важную контрольную, он был испорчен. Разорвался один рукав, другой был безнадежно испачкан, возле лужи лежала выдернанная с мясом пуговица...

Сашка открыл твой ранец и высыпал прямо в грязь линейку, ручки, карандаш... и листок с оценками, который должны были подписать твои родители.

— Ты видела.

— Видела и слышала. Как Андрей крикнул, чтобы ты не смел помогать оборванке. Как Левка пнул тебя в грудь, и ты закашлялся, повалившись в лужу. Как Мишка схватил тебя за волосы, ударив коленом. И я не выдержала, убежала...

— Зря убежала, — зло прошипел Коля. — Я озверел. Выкупал Сашку в той же луже, вмазал Мишке так, что тот едва зубы насобирает, а потом... потом они все удрали. Представляешь? Они удрали! С криком «псих!»! Псих, я и был психом. Смотрел на свою одежду и думал, что будет, когда ты меня таким увидишь. Думал, что опять разревешься, будешь говорить девчоночьи глупости, ныть... Я побежал переодеваться. Думал только о тебе! Проскользнул в сарай, натянул на себя рабочую робу и до вечера ждал у ручья.

— А я не пришла... я пришла к тебе домой...

— Почему не постучала в окно? Я бы вышел...

— Я стучала, но тебя не было. Тогда я прокралась к окну в общую комнату и увидела... как отчим отхаивает тебя ремнем. Мне было так больно, стыдно. Ведь все это из-за меня, ты понимаешь, по моей вине! А твой старший брат прошипел тогда еще: «И все это Алинка». Оттащил от тебя отчима... Что он сказал? «Убьешь же, слышишь, убьешь дурака!» Ты сидел в углу, дрожал от страха, натягивал разорванные штаны...

— Димку послушала! Глупая моя! Димка ж потом первый к твоему дому ходил, хотел твоего ба-

тью образумить, а вас уже не было...

— Я плакала... бежала домой, как безумная. А потом... потом вошла на сеновал и все выла, выла, выла... целую ночь. А потом, когда начало светать, я увидела ту веревку.

— Алина!

— Петлю... а под ней табурет.

— Алинка, ты же шутишь!

— Я всунула в нее голову...

Воцарилась тишина... Я уже не смотрела ни на мужа, ни на дочь, а лишь собиралась с мыслями. Вспомнила, как пахло тогда гниющее сено, как шумел по крыше дождь, и капли через прохудившуюся крышу падали мне на волосы. Одна скатилась по щеке, как слеза, своих слез у меня уже не было. А потом... потом я как одурела. Взобралась на табуретку, сунула голову в петлю....

Табурет выскользнул из-под ног неожиданно легко. Одним толчком. Под ногами — пустота. В душе — пропасть. И никакого страха, только уверенность.

— Алина!

Его руки обхватили мои ноги, подняли вверх. Нос уперся в мой живот, я покачнулась вперед, чуть не перелетев через голову спасителя.

Остановила все та же петля. Схлестнула шею, сдавила, да так, что я не могла дышать. Захрипела.

И тут отец закричал. Громко, безнадежно!

На крик прибежал сын соседа. Мокрый, бледный, встал он на табурет, дрожащими руками перерезал петлю, нечаянно поцарапав мне шею...

Дал мне возможность дышать.

А отцу — прижать меня к себе.

Ударил в нос запах алкоголя, но отец не был пьян. Глаза его были трезвыми, ясными... а на моих щеках вновь появились слезы. Не мои.

— Алина! Д-у-у-у-р-а-а!

Пахло сеном. Гниющим сеном... а по прохудившейся крыше стучал дождь.

— Меня спас отец, — усмехнулась я, переводя дыхание. — Позднее он рассказал, что сам соорудил петлю в пьяном угаре. Хотел повеситься, да спяну петлю повесил слишком низко. Голову всунул, а ногами землю достал...

С горя он пошел выпить. Когда проснулся, уже начинало сереть, выпивка кончилась, голова болела, а повеситься все так же хотелось. Вот и пошел он... умирать.

Вошел в сарай и увидел меня...

Представляете, впервые за много лет он протрезвел. По-настоящему. И навсегда.

Собрал вещички, да там и собирать-то было нечего, запер дом, повел меня на первый автобус...

Только в то утро смирился он со смертью матери.

И все, как он говорил, из-за фигурки дочери, висящей в воздухе. И покачивающейся вправо-влево, влево-вправо... Купил себе маятник, чтобы всегда помнить. И помнил, верьте мне! Ночами просыпался с криком, бросался к моей кровати, прижимал меня к себе и вдруг начинал плакать. Шептать, что если не будет меня, то и жить ему будет незачем...

Умер же он спокойно, тихо... во сне. С улыбкой...

— А письмо? — прошептала Оля.

— Письмо... После того сарая я долго не могла разговаривать. Жила в своем мире, в пропасти. В нее я свалилась... когда из-под ног исчезла табуретка. А когда очнулась, села за стол и написала то письмо. Все написала. И как мне больно, и как плохо, и как тошно... а мне стало легче, слышишь? Гораздо легче.

Только все отшибло, все. Я помнила только маму, Олю, мою сестру, а школу, деревню — забыла... и тебя забыла, Коля. Забыла на целых восемь лет...

Когда увидела на своем пороге, узнала сразу. Не поверила своим глазам и вдруг почувствовала... радость. А ведь думала, что все, оставшееся там, мне не нужно. Это словно отрезанный ломоть, нет этого... Ан нет. Есть!

— Мама, мама, что ты, не плачь, все хорошо, слышишь! — вдруг прошептала Оля. — Мамочка...

— Ну, не все так было плохо, дочурка, — слабо улыбнулась я. — Когда я приехала в деревню — да, все было плохо. Новый класс меня не принял. Поначалу я была дикой, как звереныш. А какой я могла быть? У меня остался только отец, после смерти матери и Оли он сильно запил. Потерял работу. Мой дядя над ним сжалился, подыскал ему место слесаря в старенькой деревенской школе. Отец-то мой с золотыми руками был, все сделать мог, даже пьяный. И делал... получал деньги и пропивал их.

Проза. Реализм.

Месяц за месяцем, год за годом.

Я выросла из своей одежды, а новой купить было некому. Вмешалась соседка, отдала мне вещи своей подростковой дочери. Дочка та была меня гораздо толще, вещи висели на мне мешком, и вся школа знала, что я ношу чужие обноски. Меня высмеивали. Я не сопротивлялась. За два года я привыкла к одиночеству...

Знаете, где лучше всего пережить одиночество? На кладбище. Там всегда тихо, спокойно. Я любила кладбище. Знала каждый уголок и выбрала себе могилку, самую отдаленную, за покосившейся оградкой. Там было написано: «Алина Репина». Почти как я. И возраста моего.

— Помню я, это ровесница мамы, — прошептал Коля. — Умерла в десять лет.

— Я считала ее своей подругой. Разговаривала с ней, вглядывалась в ее фотографию и думала, что было бы здорово лежать с ней рядом. Спать и видеть сны под ковром из бессмертника.

А однажды, когда на кладбище падали первые листья, я услышала эхо. Эхо своего плача. И увидела мальчишку, что стоял перед свежей могилой и что-то шептал.

— Помню, — прошептал Коля. — У меня как раз недавно умер отец... упал на моих глазах. Сердечный приступ. А мать вскорости привела отчима.

— Мальчик обернулся ко мне, и я узнала своего одноклассника, хотела убежать...

— ... а я не дал...

— ... улыбнулся так добро, ласково, протянул руку...

— ... боялся, что ты уйдешь. Расскажешь всем о моих слезах...

— ... а я не ушла. Остановилась, как вкопанная.

— И мы разговорились. Я и не знал, что ты такая...

— Какая?

— Добрая. Веселая. Что с тобой интересно.

— И мы стали друзьями... на целых два месяца.

— Пока меня не высмеяли, и я не испугался.

— Папа, ты испугался?

— Малой был да глупый! А тут — целый класс против меня одного. Из-за девчонки. Ну, я и струсил... избегал ее целый месяц, представляешь. Пока Алинка мне на Рождество варежки не подарила. Пришла вечером под мой дом, красная та-

кая, от мороза ли, от стыда ли, не поймешь. А глазенки-то горят, как звездочки. Ну, всунула она мне те варежки, прошептала: «Чтоб не мерз», и убежала...

— Мамин свитер распустила. Все равно дырками пошел, моль местами поела... я крючок нашла, баба Маша показала мне, как правильно, ну и связала, как умела...

— Нормально умела. А я долго на крыльце стоял, смотрел в сторону твоего дома и не знал, что сказать, что сделать. Стыдно-то как стало! Аж до безумия. До слез. Она для меня варежки связала, а я? А я что сделал? У старшего брата выпросил на Новый Год Алинке конфет, целую пригоршню... принес. Говорю: «Глаза закрой, руки лодочкой сложи». И высыпал. Та глаза открыла — и в истерику, Оль, представляешь? Плачет, а я стою, как дурак, а что делать, не знаю.

— Ты конфеты-то принес какие?

— «Мишку на севере». Чем тебе «Мишка» не угодил? Я ведь так и не спросил, боялся. Тем более что Алинка вдруг конфеты из рук выпустила — и мне на шею. Выть! Шепчет гадость какую-то... Не виноватая она, не виноватая. А в чем виноватая, кто ж ее знает. Я после этого и спрашивать боялся. До сих пор боюсь...

— И правильно делаешь, что боишься, я и сама боюсь... «Мишка на севере» была последней конфетой, какую я дала сестре...

Чай уже остыл. Я взяла с вазочки печенье и, надкусив его, погрузилась в воспоминания...

О такой погоде мама говорила «черти женятся». Помню, я в детстве стояла у окна часами, стараясь разглядеть в гонимом ветром снеге очертания черта-жениха и чертовки-невесты.

Иногда я их видела. Черт-жених щерил черные зубы, а чертовка кокетливо поправляла серый плащ и кидала в окна пригоршни снега. А я смеялась. Не достать меня чертовке, не прошептать мне на уши недобрые слова, не запорошить снегом...

На улице было не так смешно. Скользко, холодно, и снежинки кололи щеки, лезли под воротник, таяли на ресницах, как слезы.

Снег, везде снег. Идти по нему тяжело, снег набивается в сапоги через верх, тает, мочит ноги... Лепится к пальто, делает его тяжелым... сбивает дыхание холодным ветром.

С облегчением зашли мы под крышу остановки.

Я стояла спиной к маме и Оле и смотрела на снежные хлопья. Тут, под крышей, под светом фонарей, снег казался даже красивым. Кружил, переливался искорками, играл с ветром.

Оля вдруг заплакала, она часто плакала. И я научилась различать ее плач. Научилась понимать, когда ей больно, а когда — так... сейчас было — так... Оля просто хотела кричать и кричала, требовала сокровище, которое лежало у меня в кармане.

Сокровищем тем была подаренная бабушкой конфета. «Мишка на севере».

— Мама! — орала Оля.

— Дай ей конфету! — приказала уставшая мама.

Мне стало обидно. Стоило Оле чуть покричать, как мама сдавалась, делала все, что хотела сестра, забывала обо мне.

Украдкой смахнула я слезы, сунула руку в теплый карман и достала конфету. Отдала ее Оле. Сестра сразу же перестала плакать, посмотрела на меня хитро, широко улыбнулась и стянула с рученок пушистые варежки.

Я отвернулась. Оля зашуршала оберткой. А я шагнула в снег.

По щекам катились слезы. В душе клубилась обида. Вокруг плясал снег, ветер срывал куртку, хотелось завывать в полный голос... Унести вместе со снежинками и никогда, никогда больше их не видеть!

— Алина, вернись! Сейчас же!

И ветер на мгновение стих. Всего на мгновение.

Снежинки мягко опускались на асфальт, тишина была по ушам, а в игре снега я увидела чертовку.

Она не смеялась. Стояла передо мной и тихо плакала льдинками. Льдинки скатывались по белым щекам, падали вниз, оставляли в снегу маленькие впадинки...

— Алина!

Я медленно повернулась.

Визг тормозов. Тень.

Широко распахнутые глаза Оли.

Мама бросилась к сестре. Обоих закрыло что-то черное, металлическое...

Крик Оли. Глухой стук.

— М-а-а-а-а-м-а-а-а-а!

Чужие руки держат крепко, не пускают, прижимают к жесткой, холодной куртке. Пахнет от куртки сладкими духами, кружится голова... Чужой голос тихо шепчет:

— Не смотри туда, только не смотри! Ради Бога, не смотри!

Как я могла не смотреть? Как?

А там, за снежинками — груда металла, перемешанного с поломанными кирпичами. Из-под нее торчит рука Оли. Рядом — полуразвернутая конфета... «Мишка на севере»...

— Страшнее всего был переход из одной жизни в другую... Все в черном, два гроба, плач и пустота в душе. Удивление. Почему дома так тихо, пусто? Где моя плаксивая сестричка? Ей было всего три года.

— Алина, мне очень жаль, — прошептал Коля.

— Мне тоже жаль, — ответила я. — Но у нас есть своя Оля.

— А у меня есть моя мама, — улыбнулась дочка.

— Это было концом и началом... Концом моего чистого, безоблачного детства и началом нашей с тобой встречи, Коля. А сегодня, сегодня прошлое ушло окончательно... Круг замкнулся. И не сегодня. В тот день, когда ты появился на моем пороге с цветами.

— Как я мог не появиться? — усмехнулся Коля. — Удивился, что ты меня узнала.

— Как я могла не узнать? — парировала я.

— Андрей меня не любит, — вставила вдруг Оля.

— С чего ты взяла, родная?

— Тот, кто любит, не требует слишком многого...

Оля засунула руку в карман и положила на стол смятого «Мишку на севере».

А я так и не узнала, что такого сделал Андрей. Да и не хотелось. Под внимательным взглядом дочки и мужа развернула я хрустящую обертку и сунула конфету в рот. А за окном женились черти...

Алмазная Анна (Melody)

writercenter.ru/profile/Lacrimosa/whois/

Фото Янина Воливач

vk.com/yanavolivach_photography

ADVENT

Мы ожидаем рождества
Четыре светлые недели.
Леса и мысли поредели,
Желанья вылились в слова.

Все жаждет ясности. Природа
Готова следовать звезде:
Ее предчувствия везде,
Как тяга к продолженью рода.

Дождит. И мокрые пальто
Овчиной пахнут и яслями.
Быть может, приключится с нами
Восьмое чудо в декабре.

Татьяна Русуберг

Черно-белая пьеса с синим финалом

Он улыбался. Блестели
Зубы под чёрной шляпой.
Он не боялся. Пели
Музыку его пальцы
Неумело, а может,
Холодом их сводило:
Чёрные с чёрным, а белое
Мимо мело, мимо.

Это — симфония
Сотен подошв по асфальту,
Это — джаз
На уровне ваших колен,
Импровизация шин
С тонким возгласом
Саксофона-тормоза,
Это — вальс
Паркующихся машин.

Мимо ходили и ездили,
Беззвучно вращалась дверь.
Глухие не слышали музыки
Или привыкли к ней.
Их раздражали чуждостью
Несвойственные зиме
Улыбка его и шляпа,
И цвет его кожи — вдвойне.

Солнце застряло в вертушке:
Не выйти и не войти,
Сверху из сотен хлопшек
Сыпало конфетти
Всё голубое и синее,
Плечи твои и мои...
Гармоника, значит, гармония,
Цвет, значит, ультрамарин.

Белка Елена

***

Отрешение осени.
Снова зима
у трона.
Заморожены
воздух,
земля и влага.
Заморожены
чувства.
Метель-бродяга
сыплет снегом
и вьётся
в лучах неона.

Откровения света
снова тревожат
душу.
Декорации
улиц
из льда и снега.
Где фонарь и
по-прежнему
та аптека
смотрят в окна,
продрогнув
от первой стужи...

Татьяна Русуберг (Суэлин)

writercenter.ru/profile/suelinn/whois/

Белка Елена

writercenter.ru/profile/miracles/whois/

Чудовище Джет

writercenter.ru/profile/Jett/whois/

Чудовище Джет

***

Дни разлинованы,
Словно его
Тетради,
И обозначены
Каждый своим
Тэгом.
Утро встречает колючим и злым
Снегом,
Синее утро,
Ранняя, первая стадия.
Кедры застыли
В белом зимнем наряде
Рядышком с офисом,
Наискось от
Входа.
На мониторе тянутся строчки
Кода.
День.
Эта серая,
Нудная,
Долгая стадия.
Чай ароматный
И горка свежих оладий,
Вымыть посуду —
Хоть чем-то помочь
Маме,
А за окном —
Тишина,
Городок замер...
Вечер, усталость и сонная
Третья стадия.
Лишь по ночам,
Не раздумывая,
Не глядя,
Он пропадает
В далёких чужих
Странах.
Вдаль.
По дорогам и таинствам романов.
Ночь —
Это сладкая и желанная стадия.

Встреча, которой не было

Сир Андре

Никогда не думала, что воздух может быть таким твёрдым и колючим. Каждый глоток царапает горло, с трудом пролезает внутрь и застревает в лёгких очередным холодным комком. Скоро там совсем не останется места. Вот только крови почему-то нет. Может, и она уже замёрзла? Руки окончательно онемели, и ног не чувствую — лишь сознание по-прежнему старательно фиксирует каждую мелочь. Оно тоже давно перестало бунтовать, превратившись в равнодушного наблюдателя. И сердце уже стучит лениво, словно решает, стоит ли продолжать бесполезную борьбу. Значит, ждать конца осталось совсем недолго.

Ветер по-прежнему гонит извилистые ленты снега и сбрасывает со скалы вниз туманным облаком. Жаль, что не могу поднять голову и в последний раз посмотреть на странную белую шапку, укрывшую утёс. Любопытство и беспечность в горах погубили многих, вот и я теперь расплачиваюсь за неосторожность. А ведь так хорошо всё начиналось — казалось, от перехода останутся только радостные ощущения красоты нетронутого снега, потрясающей глубины синего неба и морозной свежести воздуха...

Лёшка нервничал уже целый час. Мы немного задержались на подъёме — теперь надо решать:

или оставаться на месте до утра, или увеличивать темп. Иначе нет смысла идти дальше — не успеем засветло перейти через перевал и заночевать у кромки леса. По маршруту в этот раз рассчитывали пройти быстро: с другой стороны на берегу озера уже ждала Женька с компанией таких же, как она, «матрасников». Ничего лишнего не брали — даже газовую горелку Лёшка оставил дома. А погода потихоньку портилась, вот он и переживает. В горах так часто бывает: вроде только что светило солнце, и вот уже небо затягивают тучи, бушует ветер и начинается настоящая метель. Да такая, что в двух шагах ничего не увидишь.

— Так что делаем? Идём дальше? — Лёшка спрашивал серьёзно, без обычных своих шуточек.

— Идём, конечно! — здоровяк Миша посмотрел на остальных членов группы. — Иначе целый день потеряем. Мне через три дня на работу — хотелось хоть немного возле озера посидеть...

И мы пошли... Понадеявшись на извечное русское авось и удачу. А на перевале нас накрыла пурга. Как раз та самая, когда ничего вокруг не видно и следов через две минуты не отыщешь. Может, хоть тогда стоило вернуться? Хотя, Лёшка, конечно, прав — в тот момент было уже всё равно куда двигаться, так уж лучше вперёд...

Тропинку замело почти сразу. Теперь первым шёл Миша — пробивал дорогу, чтобы остальным легче было. Ну, и места здешние ему знакомы лучше всех — наверно, уже в двадцатый раз идёт. Меня Лёшка поставил сзади — решил, что так будет лучше. Я очень старалась, но всё равно потихоньку отставала. Потому и решила немного срезать, когда ребята уже почти обошли утёс. Просить, чтобы немного подождали, постеснялась — не привыкла к тому, чтобы меня считали самой слабой в группе. Снегопад к этому моменту немного утих, и я с трудом, но увидела, куда выходит Миша. Как раз могу успеть, если пойду напрямик. А шапка снега над скалой казалась такой толстой и прочной...

Наверно, стоило после падения оставаться на месте, а не пытаться выбраться наверх. Возможно, ребята меня искали. Нет, просто уверена, что искали — не могли бросить просто так товарища, а я-то бродила в это время неизвестно где — только силы напрасно истратила. Потом, конечно, верну-

лась, но уже наступила ночь. Хотя, до сих пор не уверена, что это тот самый утёс... К утру я окончательно замёрзла — ни пошевелиться, ни крикнуть. Звуки, оказывается, тоже иногда превращаются в лёд...

Глаза закрылись сами собой, а поднять веки сил нет. Хорошо, что уже не так холодно, терпеть постоянную боль я уже не могу...

— Ты чего прямо на снегу-то сидишь? — странный незнакомый голос пробивается сквозь ватные затычки в ушах. — Эээ, да тут беда... Серёга! Серёга, живо ставь палатку, придётся остановиться здесь! Девушка совсем замёрзла!

Я чувствую, как меня куда-то несут на руках. Мягко плыву в воздухе, словно птица, и слышу частое негромкое дыхание. Наконец-то удаётся открыть глаза — синее-синее небо совсем рядом, можно достать рукой...

— Очнулась? Уже хорошо, — незнакомый мужчина осторожно опустил меня на снег. — Серёга, доставай спальник... И нагрей воды побыстрей!

С трудом поворачиваю голову — невысокий человек уже поставил палатку и теперь суетливо роется в рюкзаке. Вытащил спальник, баллон с газом... Боже, как же хочется спать...

Серёгин напарник принимается быстро меня раздевать. Даже трусики в конце концов оказываются сверху кучи небрежно брошенной одежды. Что он делает? Возмущаться нет сил, а руки по-прежнему не слушаются. Хоть на спальник положил, и на том спасибо... Мужчина хватает пригоршню снега и теперь втирает его с остервенением в мой живот, грудь, руки... Только я всё равно ничего не чувствую...

— Чёрт, всё гораздо хуже, чем я думал, — странно, губы незнакомца плотно сжаты. Как же я его услышала?

Теперь он разделся до пояса сам.

— Опять будешь шаманить? — рядом стоит Серёга и с усмешкой смотрит на товарища.

— Это не смешно. Иначе девочка умрёт. Ты же знаешь, я не ошибаюсь в таких случаях.

— Извини, не думал, что всё так серьёзно, — Серёга перестаёт улыбаться, торопливо набирает снег в армейский котелок и ставит на синее пламя газовой горелки.

А его полуголый товарищ-шаман уже несёт меня в палатку. Потом ложится рядом, прижимается к моей спине и как-то неловко обнимает — так, что одна рука оказывается на животе, а вторая на груди... И я вдруг почувствовала! Впервые за долгие часы холодного одиночества почувствовала, как внутри рождается тёплый комочек. Он пульсирует с нарастающей частотой, дрожит и растёт, пока ошеломляющим взрывом не заполняет всё тело. Жаркой болью отвечают обмороженные пальцы, а горло сжимают спазмы надрывного кашля.

Его мышцы твердеют: он прижимается ещё крепче, одна рука скользит вверх — с груди на шею, а вторая ещё сильнее давит на живот. Сознание начинает постепенно сдавать: мне начинает казаться, что я — это он, а он — я. По крайней мере, отчётливо «слышу» мысли обоих, чувствую, как бьётся сердце. Одно на двоих. Затем шаман вдруг начинает мягко поглаживать пальцами кожу, словно собирает боль, и она уходит прочь, не выдержав теперь уже ровного течения чужого ласкового тепла. Нет, не чужого — оно и моё тоже! Я сейчас как плод в утробе матери — «шаман» питает меня через невидимую «пуповину», которая проходит почему-то через солнечное сплетение...

Мужчина осторожно поворачивает моё лицо и внимательно заглядывает в глаза... Я тоже не могу отвести взгляда от его необычно расширенных зрачков — тёмные провалы полностью скрывают радужную оболочку. Но мне почему-то не страшно — глаза незнакомца притягивают внимание странным блеском, фосфоресцируют в полумраке палатки ровным фиолетовым сиянием и манят светом, словно сирены волшебными голосами...

— Ну, как дела? — Серёга с дымящейся кружкой стоит на четвереньках у входа.

— Кажется, вырвалась... — шаман накрывает меня спальником до самого подбородка.

— Каву будешь? — Серёга смотрит на моё удивлённое лицо и улыбается. — Извини, привычка. Кофе будешь пить?..

Я плохо запомнила, как мы спускались вниз. Мужчины по очереди торили дорогу на перевале — один шёл впереди с двумя рюкзаками, второй помогал мне. Потом менялись... В лесу я совсем

пришла в себя, хотела даже забрать свой рюкзак, но Серёга лишь рассмеялся:

— Успеешь ещё натаскаться, у тебя всё впереди!

Возле озера нас ждала только Женька. Ребята, оказывается, отправились на перевал со спасателями. Странно, что мы не встретили их по дороге. Вскоре появился ещё дежурный КСС-шник, который тут же по радиации дал отбой поискам. Здорово — значит, к вечеру все наши вернутся назад...

Мы сидим возле костра. Женька торопливо заваривает чай и нескромно смотрит на моих спасателей. Сразу видно, что хочет узнать всё раньше других, но почему-то стесняется. Странно, вообще-то она девушка бойкая...

— Как же вы её нашли? В стороне-то от тропы? — всё-таки не выдержала!

— Серёге спасибо надо сказать, — «шаман» кивает в сторону товарища. — Захотел снять утёс издали, наехал зумом... Увидел, глазастый!

Женька смотрит на Серёгу и понимающе кивает — сама с фотоаппаратом никогда не расстаётся.

— Пойду немного пройду, посмотрю на озеро напоследок. Завтра у нас самолёт, — «шаман» улыбается одними глазами. Теперь я хорошо вижу, что они у него серые, с едва заметным зеленоватым отливом.

И уже быстро идёт по тропинке вдоль берега, раздвигает молодые ёлочки возле самой стёжки... Исчезает, растворяется в воздухе, словно призрак — только мохнатые зелёные веточки прощально качаются ещё какое-то время. Серёга тоже уходит отдыхать в палатку...

— Ну, давай, рассказывай! Что там у вас случилось? — разом осмелевшая Женька настойчиво тербит меня за плечо. — Представляю, что тебе пришлось вытерпеть!

Я смотрю на подругу, как будто вижу впервые, и не понимаю, чего она от меня хочет. Какая разница, что случилось? То, что уже произошло, сейчас не имеет никакого значения. А он уходит всё дальше. Навсегда уходит, понимаешь?!

— Подожди, мне надо спросить, — срываюсь и бегу по тропинке, не обращая внимания на Женькину обиду. Ничего, простит потом, она от-

ходчивая...

Он стоит на самом краю утёса, задумчиво покусывает длинную травинку и смотрит на воду с десятиметровой высоты. Не понимаю, что на меня нашло, да и не хочу понимать! Я просто подхожу сзади и тихонько обнимаю этого совершенно незнакомого мужчину, прижавшись грудью к его спине. Как он тогда, в палатке...

— Не надо... — его голос звучит как-то неуверенно, с лёгкой грустью. Наверно, тоже понимает, что эта встреча последняя. — Не надо делать того, о чём будешь потом жалеть.

И осторожно отводит руки, поворачивается ко мне лицом.

— Даже если... — наверное, в моих глазах сейчас тоже есть что-то особенное, потому что он неожиданно замолкает. А потом...

Я сама не понимаю, что с нами происходит потом... Разум стыдливо прячется от переполняющего меня желания. Такой иступлённой близости я никогда прежде не испытывала. Как только его рука скользит от груди к бёдрам, как только губы мягко касаются мочки уха и по щеке ласково стру-

ится воздух осторожного дыхания, сердце замирает в трепетном ожидании, а от живота сладкой дрожью поднимается волна жаркой неги, заставляя стонать и терять сознание, чтобы в следующий миг вернуть меня в мир, где мы только вдвоём... В такт ритмичным движениям, я словно несусь на безумных воздушных качелях выше и выше, к самым облакам и, кажется, слышу всё сильнее, как нежно поют ангелы и торжественно приветствуют нас небесные колокола...

... Господи, как же громко звонит телефон!

— Алло! — Лёшкин голос на другом конце провода застрекотал привычной скороговоркой. — Ты что, обалдела?! Через час автобус, а ты дрыхнешь до сих пор? Давай бегом, соня, иначе потом не отвертишься. Возражения не принимаются, извинения — только в жидкой валюте! Спички не забудь! Ждём!

Пи... Пи... Пи... Я даже не успела ничего сказать. А хотелось... Такой сон украл, бессовестный! Чего нервничать раньше времени, если вещи собраны ещё с вечера, а до автовокзала добираться пешком всего десять минут? Когда-нибудь Лёшка

Фото Янина Воливач

точно напросится!

В автобусе ребята дружно распили традиционную бутылку пива «на удачу», а потом всю дорогу травили байки из туристической жизни и подшучивали над Женькиной компанией «матрасников». Впервые я не участвовала в общем веселье — странный сон словно пленил меня глубиной переживаний и не хотел отпускать. Настолько реальный и яркий, что вся предыдущая жизнь казалась не слишком удачной выдумкой. Придётся ли испытать нечто подобное когда-нибудь ещё? Наверное, так вообще не бывает...

Что-то горло некстати разболелось — наверно, ещё не отошла после сна...

— Так что делаем? Идём дальше? — знакомые слова заставили меня вздрогнуть и со страхом посмотреть на хмурившееся небо.

— Идём, конечно! Иначе целый день потеряем. Мне через три дня на работу — хотелось хоть немного возле озера посидеть...

Мишкин голос окончательно лишает мужества.

— Нет! — я почти кричу. — Нельзя идти на перевал. Будет сильная метель, я знаю!

Лёшка заглянул в мои испуганные глаза и обречённо кивнул:

— Хорошо, разбиваем лагерь здесь. Миша, за тобой палатки, остальные собирают дрова...

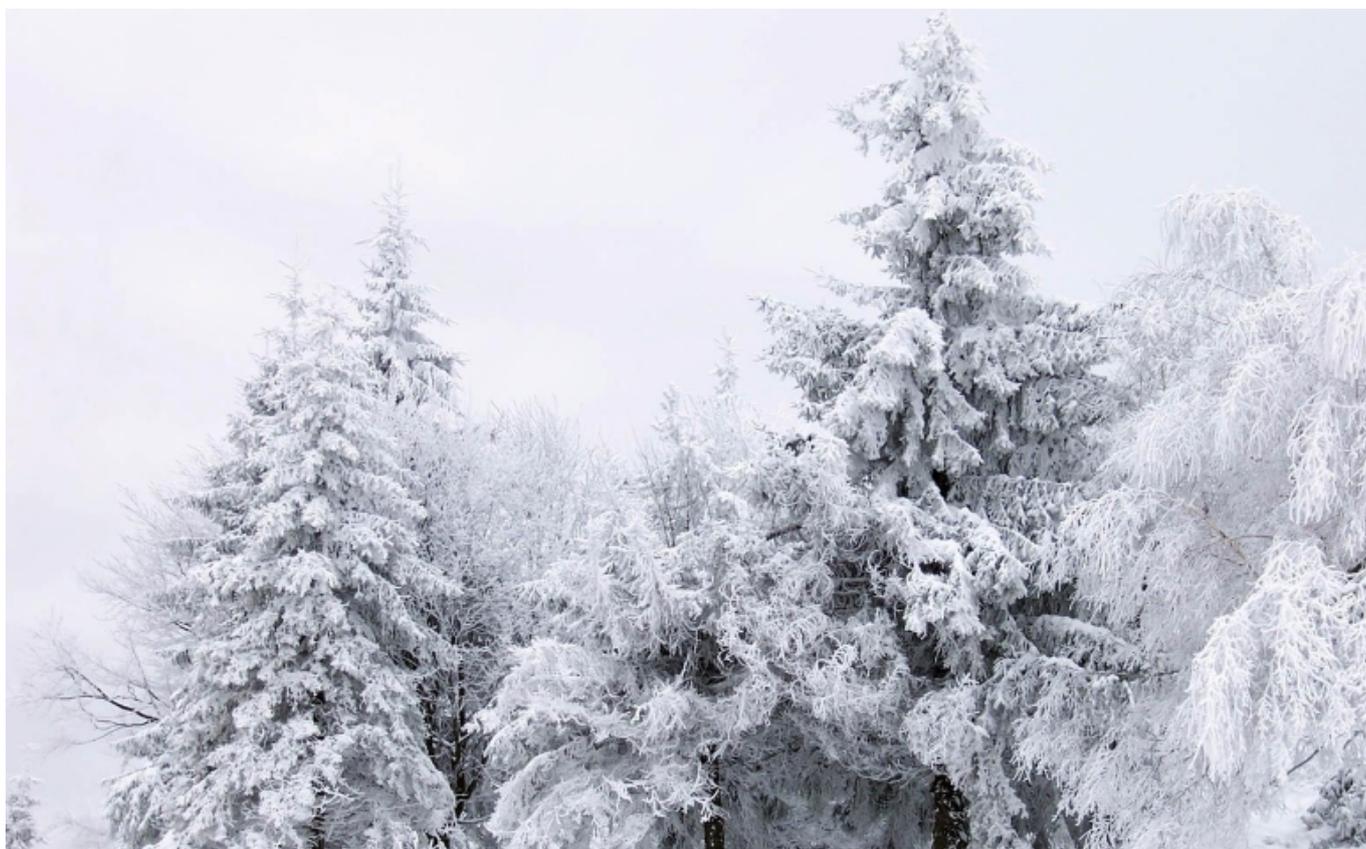
Да, мы потеряли целый день, но зато вышли к озеру без проблем. Вот только обычное радостное возбуждение после удачного похода для меня так и не наступило... Ребята весело делились впечатлениями, а я никак не могла насмотреться на лёгкое дрожание ёлочек возле тропинки. Тех самых, из сна. Всё-таки сна, хотя на перевале я сильно боялась, что он сбудется. Боялась и надеялась — так тоже бывает, как ни странно...

— Ты чего затихла? Устала? — Лёшка присел рядом. — Ничего, теперь три дня будем просто на берегу валяться, отдохнёшь.

Я слабо улыбнулась и вдруг поймала какой-то странный, затравленный Женькин взгляд. Губы помимо воли неожиданно беззвучно прошептали:

— Подожди, мне надо спросить...

И сорвалась с места, как тогда — пробежала вдоль берега до самого утёса, словно пыталась сама себя убедить в том, что всё же он был, что я ничего не придумала — не может быть столько

совпадений! Просто потому, что не может быть никогда...

На крохотной полянке вплотную к тропинке подступала высокая нетронутая трава... А тогда мы её примяли — всю, до последней былинки... Значит, всё-таки сон... Сразу стало как-то неуютно и холодно — последняя искорка надежды осела в душе серым пеплом.

— Мне надо домой, — я смотрела только на костёр, боялась поднять глаза на товарищей.

— Перестань, — Лёшка даже перестал нарезать колбасу. — Сейчас уху сварим, хлопнем по пятьдесят за успех, песни попоём у костра... Не дури, чего ты?

— Мне надо домой, — упрямо повторила я, с трудом сдерживая слёзы.

Ребята смотрели на меня с тревогой, переглядывались между собой, но никто не решался что-то сказать. Даже уходить жалко — они славные друзья: все такие разные и интересные, но сейчас я не хочу никого видеть.

— Знобит что-то, и голова разболелась.

— Говорил тебе, не ешь столько снега. Вот и посадила горло, хрипишь второй день, — не вижу, кто из наших такой мудрый. Он, конечно, прав, но я сейчас не в том настроении, чтобы нормально воспринимать советы. Даже огрызаться не хочется.

— Отстаньте! Налетели все на одного! Ей действительно надо уехать. Я провожу тебя до автобуса, — опять Женька смотрит странно, но я готова расцеловать её за поддержку.

До остановки нас подбросил КСС-шник на «уазике», иначе бы ни за что не успели на последний рейс. Перед расставанием Женька неожиданно спросила:

— Не нашла?

— Что? — мысли окончательно заблудились в догадках и предположениях.

— Там, на утёсе. Мне показалось, что ты искала... Ладно, не бери в голову, просто перезвони мне, как доберёшься...

Дома я провалялась целую неделю с жесточайшей ангиной. Каждый день забегала Женька, тихонько сидела рядом, иногда читала какой-то толстый мистический роман, но чаще всего просто молчала. Лишь изредка бросала в мою сторону странные взгляды — как будто порывалась что-то спросить, но никак не решалась. Вообще, после возвращения из похода она сильно изменилась. Даже я заметила, несмотря на болезнь. Подруга стала слишком тихой и серьёзной, словно только что потеряла близкого человека.

А ещё через неделю я поняла, что и со мной не всё в порядке — задержка на десять дней. Возможно, виновата проклятая ангина, но лучше всё же не рисковать. На всякий случай решила сходить в консультацию. Женька, как обычно, увязалась следом. Я не возражала, привыкла уже, что она постоянно рядом...

— Можете обрадовать мужа, — сказал гинеколог, проводив меня до дверей, — вы беременны!

Какого мужа?! Господи, о чём это он? Я беременна?! Но как, откуда?! Боже мой, неужели...

На улице Женька нерешительно дёрнула меня за рукав:

— Ведь он был? Правда, был? Не молчи, пожалуйста, иначе я сойду с ума...

Я смотрела на подругу и ничего не могла сказать... Чувствовала, что ещё чуть-чуть, и слёзы сами польются из глаз обжигающим дождём.

«Не надо делать того, о чём потом будешь жалеть...»

Я ни о чём не жалею, слышите! Хотя нет, жалею... Но только об одном — я так и не узнала, как Его зовут...

Сир Андре

writercenter.ru/profile/vanHalk/whois/

Фото Янина Воливач

vk.com/yanavolivach_photography

Варвара или зимняя сказка

Олекса Сашко

Сон внутри сна. Да, именно так я бы это и назвала. Какое-то пограничное состояние реальности. Но тогда я еще находилась на периферии пробуждения и, может быть, поэтому мне все представлялось в искаженном виде. По сути, я могла только чувствовать и представлять. Это было довольно забавно. Хотя, признаюсь, и страшно. Я реагировала на все молниеносно, но поскольку могла только ощущать реальность пробуждения, внешний мир давил на меня со всех сторон. Я ощущала его опасность, хотя и знала, что они меня защитят. Но, тем не менее, боялась. Боялась, ибо не могла посмотреть этой опасности в лицо. Тогда я еще не могла видеть. Много чего не могла... но оставалась сильной.

Потом я почувствовала тепло. Такое тепло бывает только весной: нежное, как пыльца, и игривое, словно блики солнца на водной глади. Может, это был май? Сказать наверняка сейчас трудно. Быть может, потом я решу эту головоломку.

Правда, долго кутаться в весеннее тепло мне не пришлось: я переселилась в пустыню, где изнывала от жары. И, может быть, из-за этого на какое-то время я впала в забытие. Я начинала что-то понимать, а главное — слышать.

Звуки доносились отовсюду. Я впитывала их в себя, словно пересохший грунт воду. Анализировала буквально все, что происходило внутри и вокруг меня. Сливалась с гаммой звуков воедино, дабы классифицировать, распознать, где меня подстерегает опасность и наоборот. Это казалось мне очень важным, как при самом пробуждении, так и после него. Именно тогда я услышала первый смех... ее смех.

Моя мама очень звонко и громко смеялась, что приносило мне несказанное удовольствие. Я пыталась ей ответить тем же, но, увы, не могла. Такая беспомощная!

Я...

Несколько позже я узнала, как меня хотят называть: Варвара. Не знаю, почему, но мне понравилось, как звучит это имя.

Помню, родители о чем-то шептались, при этом мама гладила меня по животу, а папа бухтел что-то неразборчивое, мне стало как-то уютно, и я попыталась принять более выгодное для себя положение. При этом родители так разволновались, будто я сделала что-то из ряда вон выходящее. Конечно, потом они успокоились. Более того — пришли в дикий восторг оттого, что я шевельнулась. А ведь действительно, я сделала это в первый раз! Потом старалась вертеться чаще. Я знала, что маме это нравится. Уж поверьте.

Как-то утром, на рассвете, я почувствовала, как папа нежно касается ладонью животика мамы.

Он прошептал:

— Доброе утро, Варя.

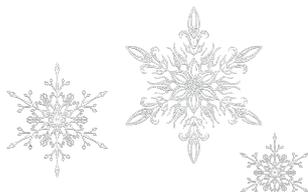
Я не ответила. Уж очень мне спать хотелось. Извини, папа. Ведь ты не сердись, правда?

Спустя несколько месяцев я практически была готова к пробуждению. За этот период случилось много чего интересного. Но больше всего меня интересовало одно — зима. Да, именно зима, ведь я должна появиться на свет как раз в это время.

Зима. Какая она?

Я знала только то, что зимой холодно и снеж-

но. Ровно столько мне было известно и про другие времена года. Не знаю, откуда взялась эта информация, но факт остается фактом.

Мой интерес к зиме подогрел папа, когда однажды вечером рассказывал маме историю о какой-то другой Варваре. Кажется, царице. Люди отмечают ее праздник 17 декабря. Как раз в этот день ночи становятся короче. Я знаю, что люди этому очень радуются. Мама, по крайней мере, точно.

Зима... так какая же она?

Я пыталась представлять, ведь это все, что мне оставалось, не так ли?

Так вот, моей спутницей в этом странствии стала другая Варвара. Та, которая царица. Она показала мне много интересного.

— Смотри, — сказала она, когда мы шли по запорошенной снегом улице. — Это сосульки. Видишь, вон там, на крыше?

Я проследила за ее рукой с выставленным указательным пальцем. На нем было большое серебряное кольцо с черным опалом. Откуда-то я это знала.

— Красиво, — сказала я, всматриваясь в свисающие вниз сосульки. Они ярко блестели в солнечных лучах.

Под ногами скрипел снег. Скрип, скрип, скрип — сопровождало нас при каждом следующем шаге. Варвара держала меня за руку, что-то рассказывая на ходу. Мы смотрели на снежные пейзажи города, обсыпались снегом, катались на льду с другими детьми. Просто нас никто не видел. Ведь все происходило в моем представлении.

Внезапно солнце закрыли темные облака.

— Сейчас пойдет снег, — сказала Варвара. Когда первая крупная снежинка упала на мою раскрытую ладонь, я не могла ею налюбоваться!

Конечно, в реальности она бы тут же растаяла, но я позволила себе задержать это чудное мгновение чуточку дольше, чтобы еще полюбоваться этим дивом природы.

Вот так мы провели целый день. Мои щеки зарумянились от мороза, и я с ног до головы была облеплена снегом. Вечером, когда усталое солнце опускалось за горизонт, проливая вокруг оранжевую лаву, мы сидели возле костра и пили горячий шоколад.

— Ну как, тебе понравилось? — спросила Варвара.

Я улыбнулась:

— Еще бы! Так ослепительно красиво вокруг!

Мы видели, как город озаряется праздничными огоньками. Город был далеко, его видно как на ладони, и казалось, что он разом засиял, как одна большая гирлянда...

— Ого! А это что там?

Варвара улыбнулась:

— А это Рождество, — сказала она, добавив: — Но нам уже пора.

С этого момента я пребывала в прекрасном расположении духа. Мы с родителями вместе встретили Рождество, очень дружно прогулялись зимним парком, мама много смеялась, а папа, как обычно, что-то неразборчиво бухтел. Да, он у меня такой... папа. Я быстро засыпала под его монотонную сказку. «Засыпай уже, — хотелось сказать мне. — Видишь, мама уже спит». Я-то сразу это чувствовала.

А вскоре настал этот день.

Я появилась на свет совсем крохой, наконец-то увидела своих маму и папу! Я так долго этого ждала!

Как-то вечером я улыбнулась им, но они почему-то подумали, что я плачу, и принялись меня утешать. Вот где потеха!

— Сказка ты наша, — часто говорит папа.

— Зимняя, — улыбаясь, добавляет мама.

Райская птичка

Карев Дмитрий

Если бы я мог встряхнуть вас, если бы я мог вышибить вас из ваших жалких умов, если бы я мог обратиться к вам, я мог бы открыть вам глаза.

Р.Д. Лэйнг. «Политика переживания»

— Очень рад тебя видеть, — говорит Борис, вытряхивая сигарету из белой пачки.

В маленькой комнатухе все без исключения белое: белый стол, белые жалюзи, белые стены, пол и потолок. Кажется, что даже табак в сигарете белый.

Зато Борис, как прежде, розовощек. Как и десять лет назад тельняшка ладно сидит на его загорелом мускулистом теле.

— Правильно сделал, что приехал, — Борис закуривает. — Но я должен кое о чем тебя предупредить.

Он обдаёт меня густым клубом дыма, но запаха я вовсе не улавливаю.

— За стенами этой комнаты, — сообщает Борис, — пустота. Несколько километров снежной пустыни. Температура воздуха почти минус девяносто по Цельсию. Кислорода мало. А еще дальше — нет ничего. Абсолютная пустота. Там даже нет такого понятия, как температура.

Я ежусь. От белоснежных стен веет холодом.

— Этой комнаты раньше тоже не было. Впрочем, и сейчас нет. Ее создаешь ты. Снег вокруг тоже сделан тобою, и ты прогрел его до минус девяносто по Цельсию. Конечно, в прежнем мире тебе не надо было заботиться о тепле и воздухе. Солнце светило якобы само по себе. Дармовая энергия, дармовая еда и питье. А здесь все это придется создавать ежесекундно.

Сбоку на стене вижу темную трещинку. Наклоняюсь, ковыряю пальцем. Под тонкой белой обложкой находится слой старых газет. Так обыкновенно выравнивают шероховатости стен перед оклейкой обоями. Я царапаю сильнее и отрываю внушительный пласт иссушенных листов. Перед глазами мелькают забытые заголовки несвежих новостей, истлевшие фотографии давно состарившихся политиков, до зевоты скучные статьи.

Стена набухает, искажается, уродливо трескается.

— Пошли со мной, — предлагаю Борису.

— Не могу, — возражает он и как-то сразу сеерет. — Я давно умер.

— Знаю, — признаюсь я. — Прости, что ни разу не выбрался на могилку.

— Глупо, да? — помолчав, интересуется он. — Мы прошли Афган, задохались в окопах, горели в вертолете, а утонул я в родном селе по пьянке.

Я понимаю, что Борис что-то путает: мы не служили с ним в Афганистане. Впрочем, там, где мы служили, нас тоже преследовала опасность погибнуть. И конечно, бессмысленно молодому здоровому парню утонуть в озере, в котором в самые дождливые месяцы вода едва поднимается выше груди.

— Правильно сделал, что вырвался сюда, — голос Бориса звучит неестественно медленно и искаженно. — Они будут звать тебя обратно — не соглашайся.

Стена лопается, и меня куда-то швыряет сильнейший порыв ледяного воздуха.

Свет меркнет. Дышать нечем.

Мучительно долго формирую вокруг себя кислород и жадно его глотаю, обжигая холодом легкие.

Напрягаю все свои силы и зажигаю наверху несколько звездочек. Их света хватает разглядеть под собой снег, усыпанный серыми шариками.

Встаю и пытаюсь идти, успокаивая ветер. Шарик хрустят под ногами.

Вижу впереди отца и мать. Отец скорбно опустил глаза и молчит, а мать бешено мне машет руками, что-то пытается сообщить. Я догадываюсь, что это ловушка и прохожу мимо них. Отец хищно улыбается. Мать плачет и шлет мне проклятия.

Я стараюсь быстрее проскочить мимо них, забываю создавать воздух и оказываюсь в вакууме. Легкие выворачивает наружу, и они висят, как порванные паруса. Выключаю звезды и все усилия бросаю на дыхание. Насытив пространство вокруг кислородом, я кое-как отогреваю оочевенное тело и, шатаюсь, бреду в крошечной тьме.

Но я не хочу возвращаться туда, где солнце светит само по себе! Я не хочу лежать под мощными лучами бестеневых ламп операционной! Не хочу бесплатного питания по трубочкам прямо в вену! Не хочу дешевых радостей в виде инсулинового шока!

Я сам создам свой мир.

Мое солнце не такое яркое, но оно уже восходит.

Шарики на снегу, казавшиеся до этого серыми, оказываются алыми.

Я смотрю вверх — на небе клин журавлей.

Одна птица меняет направление и летит в сторону. Но потом, будто не выдержав одиночества, нелепо возвращается, чтобы вновь рвануть от стаи. И нет покоя ее сильным крыльям.

И каждый раз, летя сквозь строй, она получает удары и клевки.

На снег падают ярко-алые шарики.

Сильфида

Максим Кригер

1.

Большая луна стала над чёрными ёлками, разлила по воздуху сине-серебряное сияние. Северный ветер смёл застоялую влажную выморочь. Наступила свежая прозрачная ясность. И лес вздохнул.

Над макушками деревьев дрожащими ветёнцами всплыли дриады, нежась в лунном свете. На тёмное зеркало промоины в русалочьем озере кто-то насыпал золотых и серебряных чешуек. Воздух заискрился летучей снежной пылью,

которую щедро рассыпала стремительная сильфида, ворвавшаяся в чашу в обнимку с северным ветром.

— Красота вернулась, — скрипуче закричал колючий еловый дух, выбираясь из своего шатра.

— Доброй ночи! — крикнула ему сильфида. — Доброй ночи, лес!

— Здравствуй-здравствуй, — проскрипел главный хранитель тысячелетней ели. — Присаживайся. Где провела год, девочка?

— О! — захлебнулась от восторженных чувств сильфида, невесомо опускаясь на еловую лапу. — Мы были там, где растут красные клёны и живут летучие змеи. Меня научили любить солнце. Оно такое красивое! От него делаешься невесомой и вроде даже перестаёшь быть, но это приятно... Мы посетили места, где растёт виноград. Дионики показали мне, как делается вино. Это очень весело — купаться в виноградном соке, пока там рождаются летучие пузырьки. Они потом поднимают тебя над краем чаши, и голова кружится-кружится...

Сильфида вдруг замолчала, свесившись вниз и наблюдая за ожившими тенями. Чёрные призрач-

Илл. Sir William Russell Flint

ные змейки и бесформенные лиловые пятна пришли в движение и устремились куда-то в сторону просвета в заваленной снегами чащобе. Суета поднялась невероятная. Всё новые неприятные сущности выползали из закутков и присоединялись к исходу.

— Куда это они? — спросила сильфида.

— Не обращай внимания, — скрипнул еловый дух. — Поживу чувю, вот и ползут. Да ты рассказывай же скорее! А что теперь на морях? Как поживают мачты из наших деток?..

— Кое-кто ещё жив, — пробормотала сильфида. — Погоди, дедушка, я посмотрю. Я летаю! Я быстро!..

— От непоседа! — вздохнул еловый дух. — Ну, лети, лети.... Эх, не смотреть бы тебе...

Сильфида стремительно врезалась в сумрачный поток, разбрызгивая и расплёскивая тёмные сущности. Огрызаясь и посвистывая, вынеслась вместе с ними из лесной тесноты на открытую белую дорогу. Дорога уходила в обе стороны и истончалась у горизонта. А вблизи под холмом курилась тревожным духом зарытая в снег коробка. По длинному грязному следу было видно, что слетела она с дороги. Сильфида наблюдала такие шустрые людские штуки много раз, но не любила приближаться к ним из-за их смрадного дыхания.

На этот раз пахло по-другому: бедой и человеком. Сильфида замедлила свой стремительный полёт и осторожно поплыла к урчащему монстру. Тёмные сущности расступались, пропуская её вперёд и не смея пока подобраться ближе. Коробка была сильно покорёжена, а внутри сильфида и в самом деле увидела человека. Неожиданно в этой глухой безнадёжности пахнуло летним родником и спелой малиной, разомлевшей на полуденном зное. И ещё — солёной морской травой с йодистой горчинкой. В порыве непонятной нежности сильфида обняла человека.

— Какой ты чистый, — удивлённо сказала она. — И лёгкий совсем...

В глубине коробки назрел низкий грозный рык, который вдруг вырвался наружу сгустком омерзительного дыма и яростного пламени. Сильфида, ругаясь и кашляя, метнулась вверх, туда, где гудел в вершинах северный ветер. И ещё одна тень поплыла рядом с ней.

— А! Человек! — поздоровалась сильфида. — Доброй ночи!

Он не ответил, как, впрочем, все они. В первый момент они ошеломлены и испуганы, они подавлены и горюют, а когда смиряются, их сразу забирают в свет. Сильфида много раз видела этот манящий прекрасный колодец, полный восхитительного сияния и необъяснимого блаженства. В начале своей жизни она всякий раз кидалась туда, но её не пускали. Еловый дух однажды сказал, что для этого нужно иметь бессмертную душу, как у людей. Сильфида сначала жалела о своей обделённости. А потом привыкла. Но всё равно очень любила, когда колодец открывался, чтобы принять человека.

Тень вдруг повисла в воздухе.

— Ну, чего ты? Лети! — крикнула сильфида. — Там хорошо, тебя примут! Лети!

— Кто ты? — спросил человек.

Сильфида поёжилась.

— Да так просто. Элементарь. Ты лети...

Тень нерешительно поплыла к колодцу, но вернулась с полдороги.

— Тебя не приняли? — потрясённо спросила сильфида. — Тебя?!

— Я погиб, — вздохнул человек. — Такой порядок. Ещё сорок дней нужно провести здесь.

Сильфида посмотрела в свет, перед которым меркло естественное сияние луны, и сказала:

— Ну, что ж, тогда летим в лес. Покажу интересное.

— Мне нельзя, — с извиняющейся улыбкой ответил человек. — Мне надо ждать. И размышлять.

— Побуду с тобой, — решила сильфида. — С тобой хорошо.

2.

Она и в самом деле осталась подле человека. Летала за ним всюду и даже отважилась отправиться в посёлок, когда его позвали туда.

Человек рассказал, почему оказался ночью один на зимней дороге.

— Видишь ли, я понял, что меня никто не любит, и решил уехать, убежать. Правда, не думал, что получится так далеко...

Он что-то рассказывал про сложности человеческой жизни, про какие-то деньги, кредиты, бизнес и новый дом. Это было совсем непонятно. Ещё он говорил про других людей. Это сильфиде по-

нравилось. Оказывается, люди совсем-совсем разные, и все соединены между собой связями любви и нелюбви. Это, как обмениваться светом, поняла сильфида. Или вот как, например, дунуть на саламандру, получить в ответ пламенное объятие и парить-парить... Человек подтвердил, что похоже.

— Так бывает, когда кому-то улыбнёшься, а тебе улыбнутся в ответ...

Сильфиде понравилось, как он это сказал. Он вообще был чистый, и от него веяло чем-то очень приятным, как из светового колодца. Поэтому и полетела следом, когда возле дороги появились другие люди, нашли то, что уже не было её человеком, и позвали в посёлок. Останки похоронили, а потом уселись за столы, пили, ели и вспоминали.

Он ошибся. По нему горевали и зажигали свечи. Наверное, всё-таки любили.

Сильфида и её человек летали из дома в дом. Человек был грустный и сидел где-нибудь в уголке. А сильфида задувала свечи и дразнила домашних котиков, завывавших нехорошими голосами. Она веселилась, потому что люди никак не могли понять, что происходит, и уморительно пугались. Местные степенные домовые сердились на неё, гнали прочь и не могли выгнать, потому что она была не одна, и она охраняла своего человека.

А потом они попали в окраинный дом. Высокая худая старуха в чёрном только что достала из печи свежий хлеб. Ах, какой восхитительный аромат окружал каравай! Сильфида засмеялась, ринулась к нему, закружилась, захлёбываясь в горячих пахучих волнах. А старуха махнула вдруг рукой.

— Кыш, нечисть!

Сильфида отскочила потрясённая.

— Живая, ты видишь меня?!

— Чует, — подал голос из-под стола домовый.

Он тоже принюхивался к оглушительному хлебному духу. Сильфида скользнула вниз под свисавшую до полу скатерть. Домовой здесь был совсем не сердитый и охотно рассказал про хозяйку.

Человек же тихо сидел в углу. Старуха отрезала от караваев большой ломоть, налила в кружку воды и положила сверху хлеб. Потом, печально поникнув, села возле стола.

— Угощайся, Вадим, — сказала она. — Да и прости нам прегрешения наши. Наказаны мы. Нет у нас теперь заступника. Угощайся, Вадим.

Человек подплыл к столу и приник лицом к хлебной краюшке. Кусок на глазах стал черстветь и сохнуть. Старуха улыбалась.

— Хороший ты, Вадим. Царство тебе небесное. Покойся с миром.

Человек устроился за столом и грустно обхватил голову руками. Ему жалко было уходить. Так пояснил сильфиде домовый.

Неожиданно старуха собрала со стола крошки и высыпала на пол.

— Угощайся, — великодушно предложил домовый. — Это нам.

Но сильфиде стало интересно, что говорит старуха. Ей было понятно, что она говорит. Сильфида тронула краешек рушника, на котором лежал хлеб, а потом устроилась рядом со своим человеком.

— Вот и нечисть лесная тебя полюбила, — говорила старуха, по-прежнему обращаясь к её человеку. — Оберегает душу, чтобы не закружил кто, не завёл, от света не отвёл.

Человек повернул голову к сильфиде.

— Спасибо тебе, — сказал.

Сильфида огорчилась.

— Ты уходишь, — поняла она.

— Пора, — сказал человек. — Время. Я попрощался со всеми.

Сильфида проводила его в ночи до самых ворот и закувыркалась в воздухе, отброшенная силой, не допуская её в свет. И нахлынули неожиданные чувства: горечь, протест, тоска и сильное желание тепла.

3.

Сильфида взмыла над лесом, вихрем пронеслась над русалочьим озером, над священной поляной патриархов и выметнулась в поля. Там, почти на самых подступах к посёлку, ютился в малой роще старый погост, где очень давно люди построили часовню. Сильфида влетела внутрь и застыла в перекрестье лунных лучей перед главной фреской. Целыми озёрами печали на неё взглянула женщина с весёлым младенцем на руках.

— Я хочу в свет! — сказала ей сильфида. — Я хочу в свет к своему человеку. Пожалуйста, что мне делать?

Сильфида протянула руки к женщине. Её слова прошлестели движением пылинок в лунных лучах. Богородица не слышала.

Неожиданно пахнуло откуда-то тёплым духом свежего хлеба. Остро затосковав, сильфида полетела к людям в знакомый дом. Нерешительно тронула ставень, кинула в стекло пригоршню снежной пыли и грустно присела на крыльце. Из-под ступеней выбрался домовой.

— Пришла? Ну, здравствуй...

— Я хочу поговорить с хозяйкой, — попросила сильфида. — Позволь...

— Нечисть ты лесная! — возмутился домовой.

— Ишь, чего придумала! Прочь ступай!

Сильфида поднялась и снова взлетела к окну. В доме горел свет. Старуха разбирала травы, а подле неё сидела молодая женщина с большим животом и что-то спрашивала. Сильфида поняла только, что она боится. И глаза у неё были как у Богородицы.

Старуха подняла голову и посмотрела в окно, казалось, прямо на сильфиду. Какая-то дума давила ей сердце. Сильфида вдруг заметила, что хозяйка старается не встречаться взглядом с женщиной. Неожиданно старуха поднялась и решительно сказала что-то госте, а когда та ушла, долго молилась.

Совсем уже поздним вечером сильфиду окликнул смущённый домовой:

— Эй! Как тебя там... нечисть! Иди, зовёт...

Сильфида робко влетела в дом. Старуха сидела у стола, сложив руки на коленях. Перед ней горела свеча и стояла глубокая миска с водой. Всё это отражалось в большом зеркале. Старуха смотрела прямо на него. Губы её шевелились. Она продолжала молиться.

Сильфида прынула через порог. Дверь скрипнула и захлопнулась от порыва ветра. Метнулся и ярко вспыхнул огонёк свечи, высветив тёмный угол с иконой. В этот момент старуха глянула туда, казалось, уловила какой-то знак и приняла решение.

— Иди ближе, — сказала она.

— Чего ты?! — сердито подтолкнул сильфиду домовой. — Быстро! Зовёт ведь!

Неуловимым током тепла сильфида приблизилась к столу и потянулась к пламени свечи, отогреваясь в его золотом венчике. Старуха напряжённо смотрела в зеркало. Сильфида тоже повернулась туда.

В туманном стекле поверх живого отражения появились чьи-то призрачные черты. Лишь мгновение спустя сильфида сообразила, что видит себя. Чётко выделялись только большие почти человеческие глаза и красивых очертаний рот.

— Чего ты хочешь? — спросила старуха у зеркала.

— Я хочу в свет! — немедленно ответила сильфида.

Старуха перевела дух и усмехнулась.

— Бессмертную душу, значит, захотела? А ты знаешь, что это страдание?

Сильфида знала. Поняла, когда слушала своего человека. Она быстро-быстро закивала, заставляя пламя свечи метаться и дрожать.

— Душу надо заслужить, — наставительно буркнула хозяйка и вдруг стала рассказывать. — Видела ты у меня сегодня женщину на сносях. Её ребёнку не дано обрести душу. Охо-хо, грехи наши... Мёртвый должен родиться ребёнок. Если ты согласишься, я сделаю так, чтобы ты получила это человеческое тело. Поживёшь на земле, может, и заслужишь право попасть в свет. Хочешь ли?

— Хочу! — не задумываясь, откликнулась сильфида.

— Иди в воду! — приказала старуха.

Сильфида кинулась в миску. Вода вскипела, на миг осветилась внутренним светом и успокоилась. В тот же момент снаружи застучали в окно.

— Петровна! Петровна, скорей! Рожает Ольга! Врача позвали, но нет его что-то! Ой, скорей, Петровна!

Старуха быстро встала, задула свечу, перекрестилась и, подхватив миску, пошла из дома.

Наутро весь посёлок судачил о том, что считавшаяся долгое время бесплодной дочка Сигачихи, которая приехала рожать к матери аж из самой столицы, разрешилась ночью хорошенькой здоровенькой девочкой. Всех умиляли большущие глаза младенца и пухлый ангельский ротик.

Максим Кригер (Джаспер)

writercenter.ru/profile/Jasper/whois/

Художник Sir William Russell Flint

www.bpib.com/flint.htm

Осокин Олег

Пурга

Ночь кружила, ночь снежила,
Ночь дыханьем ворожила.
Ведьма чёрная точь-в-точь.
Ночь.

Небо рвётся, сердце бьётся.
Что влечёт на дно колодца?
Ветер всё уносит прочь.
Ночь.

Тьма пугает, не пускает,
Словно за спиной шагает.
Из под ног — позёмка всклочь.
Ночь.

Kartusha

Белым снегом

Белым вихрем на тропинки,
Разворачивая иглы,
Рвутся тонкие снежинки,
Затевая с ветром игры.

Он догонит, шлёпнет мило
И притихнет, исчезая.
Только лягут — с новой силой
Дунет снова, налетая.

Сказку кружевом сплетая,
Хоровод малютки водят,
На моей ладошке тая,
В мир мечты меня уведят.

Зима

Так исторически сложилось,
что в январе у нас зима.

И вот уж вьюга закружила,
окутав землю и дома.

Сугробы — где-то по колено,
сосульки — метра полтора.
И всех святых мы непременно
помянем, выйдя со двора.

Зима, зима, ты нам отрада...
Ласкает ухо, тешит глаз
картина, как «Гойоту-Прадо»
пытался вытащить Камаз,

Детишек визг у снежной бабы
и скрежет дворницких лопат,
дорог нечищенных ухабы,
водителей весёлый мат,

Забавы русские в сугробах,
и, как коток, замёрзший пруд...
Нам не понять, почто в Европах
ругают зиму и клянут.

***

Эта зима, что наступит лишь завтра,
Так бесконечно близка.

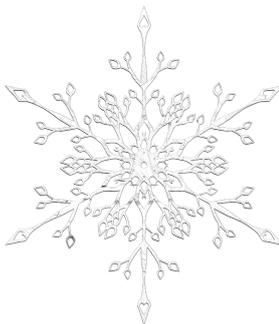
В доме моём поселилась внезапно
Серая кошка — Тоска.

Зимние вьюги всё ближе и ближе,
Ветер все мысли умчал...
Серая кошка ступает неслышно,
Тихо лакает печаль.

Мысли замёрзли и чувства замёрзли.
Холод... Но скоро уже
В сердце вернутся далёкие грёзы,
Станет теплей на душе.

Снежная сказка укутает нежно
Белым пушистым теплом,
Буду опять я мечтать безмятежно,
Не вспоминать о былом

И любоваться рассветом лиловым
В дымке из сказочных снов...
В доме моём вдруг поселится снова
Белый котёнок — Любовь.

Осокин Олег

writercenter.ru/profile/osokin1987/whois/

Kartusha

writercenter.ru/profile/Kartusha/whois/

NeAmina

writercenter.ru/profile/NeAmina/whois/

Лисовская Виктория

writercenter.ru/profile/rebella/whois/

Запах ёлки

кхмер

— Ёлка должна пахнуть!..

Папа так смешно спорит: тычет пальцем, как мушкетер — шпагой. Или нет, подумала девочка Тася, это, наверное, такой спорщицкий пистолет, из которого папа стреляет правильными словами.

Она на всякий случай спряталась за маму, чтобы не быть проколотой или застреленной.

А мама стрелять не умела. Зато она умела делать многозначительные глаза и смотреть ими сквозь ресницы. Это была очень сильная магия, и у папы сразу кончились все патроны.

— Я тебя умоляю! — сказала мама.

Тут девочка Тася решила обязательно запомнить это могучее волшебство и потренировать его у себя в комнате перед зеркалом.

— Голограммы тоже пахнут. Уже лет десять как. Любими елочными запахами, а также их букетами от профессиональных ароматистов. Хвойная полифония от Шанель, например. А вот пивом — да, голограммы не пахнут. Надо полагать, это тебя и смущает, — мама немного подумала и добавила, — милый.

— Нет! — папа зарядил новую обойму. — Голограммы пахнут — голограммами! А ёлка должна пахнуть — ёлкой!..

Девочке Тасе прискучили эти одинаково правильные, но равно непонятные речи, и она пошла к себе в комнату, попутно утянув две конфеты из перевязанной блестящей лентой большой красной коробки, в которой уже успела проковырять удобную дырочку.

В комнате Таси жили два компьютера: мальчик Виртя и девочка Андроша.

Андроша умела болтать на разные интересные темы, сплетничать, секретничать и придумы-

вать с Тасей восхитительные истории про мушкетеров и волшебниц, сражающихся со злыми врагами, а потом живущих долго и счастливо и умирающих в один день. Еще Андрошу можно было воспитывать, она очень любила воспитываться. А Виртя был строгий компьютер и учил Тасю всякому умному про цифры и буквы, которые обязательно надо было рисовать карандашом на бумаге. Очень, очень трудное занятие! Но зато Виртя называл девочку Тасю «принцессой», от чего у нее таяло сердце.

Однако сегодня Тася не поддавалась «дешевому мужскому НЛП» (мамин диагноз) и, сделав специальные щурящие глаза, сказала: «Я тебя умоляю!», после чего они все втроем полезли во взрослый интернет искать что-нибудь про Новый Год.

А папа с мамой всё спорили. Теперь — о формате.

— Зачем на семейном празднике какие-то левые конференсье? Подчеркиваю красным — семейном! — папа сделал подчеркивающий жест. Получилось эффектно.

— Затем, что традиция, — ответила мама. — Прилетает волшебник в голубом... как его... ё-мобиле?

— Мерседесе, — поправил папа с умным видом. — Ну ладно, допустим. Волшебник. Шоумен для перформанса и раздачи подарков. Закажем что-нибудь радующее глаз. Например, мисс Зиму прошлого года, топ праздничного рейтинга, девяносто-шестьдесят...

— Э! э! — сказала мама. — Её мы заказывать не будем.

— Почему?

— Потому. Слишком голая... грамма.

— Она же клон, чего ты...— примирительно сказал папа.

— Тем более. И вообще, оно не шоумен, а шоувумен.

Тут пришла девочка Тася и спросила, что такое «Дед Мороз». Она про него нашла в интернете. Еще она там нашла «Санта Клауса».

Тася, конечно, очень рисковала, потому что эти, как и многие другие, слова из взрослого интернета могли быть неприличными.

— Ну, не знаю... — засомневалась мама. — Такое ретро...

А папа сказал:

— Надо подумать.

И они стали думать.

— Какая, вообще, между ними разница?

— О, узнаю своего любимого бизнес-стратега!

Ты тендер хочешь провести, что ли?

— Это принципиальный вопрос! — обиделся папа.

Девочка Тася почувствовала, что вот-вот опять заскучает, и попросила родителей разговаривать человеческим языком. Тогда папа сказал, что особой разницы нет, просто Санта Клаус это, вроде бы, который на оленях ездит. И непьяный, добавила мама. Понятное дело, согласился папа, за рулем же.

— Милый, я не пойму, — вспомнила мама, — ты же ёлку собрался покупать? Давай уже, определяйся: либо классический Санта на оленях, либо ёлка. Надеюсь, мне не надо объяснять, что одна натуральная ёлка обрушит весь семейный бюджет — глянь цены на eBuy...

— У нас будет настоящая ёлка? — тоненьким восторженным голосом спросила девочка Тася.

— Посмотрим-посмотрим... — папа озабочен-

но наморщил лоб и полез в аукционную аналитику, считать финансовые риски.

Девочка Тася сразу побежала к себе в комнату, чтобы обрадовать своих компьютеров. По этому поводу они устроили маленькое представление в заколдованном хвойном лесу с инопланетянами на оленях, принцессами в бальных скафандрах, а в финале убили большого пьяного монстра, из которого выпрыгнул ранее съеденный Дед Мороз с мешком чупа-чупсов.

Они так заигрались, что не заметили, как на мягких (оленьих, наверное) лапах подкрался Новый Год.

Мама нарядила девочку Тасю в белое платье невероятной красоты и воздушности, и они вошли в совершенно преобразившийся зал, где играл симфонический оркестр эльфов, порхали феи, разбрасывая разноцветные конфетти, а на папином любимом телевизоре сидели семь гномов и

восхищались принцессой Тасей — каждый на свой лад.

Посреди зала стояла ёлка. Настоящая.

Она была прекрасна. Она пахла морозом, праздником и счастьем.

Принцесса Тася изумленно всплеснула руками и сказала «ах!», а мама посмотрела на папу особенным взглядом, от которого тот засиял не хуже новогодней ёлки.

Ровно в полночь гулко пробили куранты — и в зале совершенно из ниоткуда появился дядя в галстук. Дядя вежливо поздоровался со всеми присутствующими (принцессе Тасе он, галантно изогнувшись, даже поцеловал руку!), затем сделал паузу и сказал «Дорогие россияне!»

(— Он тоже клон? — спросила мама шепотом. — Да кто их разберёт... — тоже шепотом ответил папа.)

Когда дядя, наконец, закончил своё торже-

ственное выступление, мир за окном чудесным образом осветился, в небе расцвели феерические фейерверки и грандиозные лазер-шоу, вострубили трубы, засвистели свирели, вихрь превращений закружил принцессу Тасю, и стремительные олени (они оказались очень милыми и рогатыми) помчали ее вдоль Млечного пути, и пели серебряные звезды, и волшебный вальс вращал вселенную вокруг ёлки — живой и неповторимой...

...Светало, салюты поблекли, усталая и счастливая принцесса Тася опять превратилась в девочку.

Но перед тем как идти спать, надо было сделать одну очень важную вещь: загадать желание на следующий праздник. Девочка Тася тщательно нарисовала на листке бумаги маленького человечка и написала: «ХОЧУ БРАТИКА», после чего положила этот листок под ёлку, а так как елка была настоящая — это колдовство должно было обязательно совершиться.

Тася поцеловала маму с папой, выключила их — и они исчезли.

Девочка Тася очень хотела бы побыть с ними подольше, но не могла заставить их смотреть на растворяющийся мир, который они так любили.

Тася выключила свою комнату, папин рабочий кабинет, мамину косметику и интерактивные зеркала. Картины, диваны, эмоциональные обои на стенах и умные стулья — всё растворялось, опало бледными символами.

Потом девочка Тася выключила себя — и её не стало.

До следующего Нового года.

***

В пустой комнате стояла ёлка. Настоящая.

Как она там оказалась, я не знаю. И уж тем более не знаю, чем она пахла.

Может, надеждой?..

Следы у порога

Васильев Ярослав

— Вот и опять зима пришла, — Михал Кузьмич со вздохом посмотрел сначала на густой снег за окном избы, а потом на отрывной календарь с жалкими двумя десятками листочков, печально валяющийся на подоконнике. — Совсем повалило, теперь-то уж точно не растает.

— Давно пора бы, — раздался за спиной голос лучшего друга Васи. — А то поздно она в этом-то году. Как бы не помёрзло всё, с кормами тогда совсем плохо будет.

— Так ты ж лесом живёшь, тебе-то что? — поддел приятеля Михал Кузьмич.

— Э... как жена пилить насчёт сбегать за сметаной или маслом начнёт — это не жизнь будет. Тогда хоть и правда в лес уходи до следующего года! — Вася позвенел чашками, разливая душистый чёр-

ный чай, и начал нарезать колбасу. — Да ладно тебе, я — понятно. Ты-то, Кузьмич, чего хандришь?

— Не понимаешь ты, лесная душа! — опять тяжело вздохнул старик. Ещё год проходит, а у меня всё по-прежнему, — он показал на мешок писем, сиротливо привалившийся к брёвнам стены. — Не успеть боюсь...

Всю жизнь Михал Кузьмич мечтал сделать открытие. Ну хоть самое-самое малюсенькое! В институт поступить не удалось: куда пареньку из деревни. Потому выучился на токаря да всю жизнь проработал на заводе... но тяга к науке осталась. Энциклопедии покупал, журналы выписывал. А выйдя на пенсию и овдовев, уехал доживать век в родную деревню. Где и отдался своей страсти со

всем стариковским жаром, самую большую комнату в доме отвёл под всякую литературу: от «Науки и жизни» до книжек по астрономии и палеонтологии. И вытащить его оттуда мог только приезд внуков.

Так и текли не торопясь недели и месяцы, пока однажды осенью какой-то зверь не взял манеру таскать у него с грядок картофель да капусту. И старик, покряхтивая, достал ружьишко и отправился выслеживать... самого настоящего динозавра! Так Михал Кузьмич нашёл дверь-между-мирами. Сначала он очень обрадовался, тут же начал писать письма в академию наук, на телевидение, в журналы! Вот только ответы принесли сплошное расстройство. Академия наук ответила, что «на данный момент занята более важной научной проблемой». Мол, решается: Александр Невский и Карл Великий — это одно лицо или пять совершенно разных человек?.. Ведь у обоих в имени есть буква «а», значит, скорее всего, один. Или, по крайней мере, муж и жена! Научные изыскания сейчас в самом разгаре, уже почти дошли до Страсбургского суда. Так что такая мелочь, как динозавры в зауральских лесах, никого не волнует. Телевидение же написало, что у них есть темы и поинтереснее — например, передача «Битва лягушек-экстрасенсов». И потому всякими глупостями просьба больше не беспокоить. А уж что ответил любимый «Наука и жизнь»... даже вспоминать про такое не хотелось.

После очередного письма Михал Кузьмич впадал в чёрную тоску. Из которой его мог вывести только Вася, знакомый снежный человек. Он как-то забрел зимой на огонёк погреться, да и подружился. Имя у него было сложное, вот деревенские для простоты и окрестили Васей. Старик жаловался на всеобщую чёрствость и непонимание, а Вася пил любимый чёрный чай и утешал приятеля:

— Да не расстраивайся ты так. Ну, подумаешь, ну, отказали по глупости. Просто вы дикие люди. Никакой культуры! Вот смотри, — он показал на депутата в телевизоре. — Кричит про равенство, а сам ворует, вон щёки какие отъел. И что вы с ним за это сделаете?

— Ну... второй раз не выберем? — ответил Кузьмич.

— Вот я и говорю — отсталый народ! Ни топором такому по кумполу, ни утюгом горячим по спине! — последнее Вася недавно увидел в телевизоре, и идея ему очень понравилась. И правда: по голове сгоряча можно так треснуть — что и насмерть. А утюгом по спине пару раз нежно провел, ожоги быстренько зажили, глядишь, воспитуемый снова радостно трудится на благо общества. — Помнит-ся, у нас такой тоже был, Лохматый. Кричал про равные куски всем, а сам втихаря таскал самое вкусное. Ну, мы ему и устроили равенство — неделю порцию делили поровну на всё племя...

Но Михал Кузьмич приятеля не дослушивал. Раз за разом, едва проходила тоска от прошлого письма, он строил новые грандиозные прожекты. Как оповестить мир про свое открытие. А Вася его идеи раз за разом разрушал. И всё уговаривал: «Кузьмич, ну сам подумай. Зачем тебе всё? Помнишь, недавно стегозавра на шашлык подстрелили? Не в сезон, да без лицензии... А он же, наверно, в эту, в Красную книгу внесён. Вместе с этими, как их там... физиками... не, с фауной! Ещё браконьерство пришьют... Брось ты это дело! Айда лучше на той неделе к нам. Попробуем на мотыля лучепёрую рыбу половить. Али мамонта какого завалим?!»

Михал Кузьмич со всем соглашался. Действительно, без лицензии. Участковый — мужик, конечно, свой, и до копчёной стеговрятинки большой охотник. Так ведь прознает кто — с проверкой придут, обоим попадёт! И перед Васей будет неудобно, у них полплемени в деревню за сметаной ходит, да все без документов. «Нет, прав, наверное, друг», — печально думал старик. Ставил на плиту выдавший виды алюминиевый чайник и садился с журналом перед телевизором. Тихонько мечтая, что вот как весна придёт — поймает мамонтёнка да отвезёт его в зоопарк. Мамонт — это вам не какой-то динозавр! Его сразу признают! И у Михаила Кузьмича наконец-то появится настоящее открытие...

Альтера Таласс

Зимний вальс

Холодом ветер бьётся в висок,
Тянет в застывшую высь,
Ветер-бродяга всегда одинок,
Сколько за ним ни рвись...

Кружит в безумии вальса зима,
Льнёт к равнодушным рукам,
С тихим шуршанием тянется тьма
К вышитым звёздным волкам.

Ели мохнатые лапы сплели,
Клонят верхушки во сне,
По белоснежным дорогам земли
Сказки уходят к луне.

Ветер закутался в тающий свет,
В шарф из метели седой.
Ветер-бродяга, бессонный поэт,
Дай улететь с тобой...

Кочемирова Александра

***

Мой милый друг, какие тут метели!
Под вой ветров свирепствует зима.
И льдом блестящим тянутся недели,
И день за днём съедает душу тьма.

В холодных стенах бродит одиноко
Печальный призрак с каменным лицом.
А небо, что казалось так высоко,
Изрезал веткой дерева излом.

Как я живу? В ходьбе по магазинам
Пытаюсь отогреться до весны.
А по ночам зима проходит мимо,
А по ночам мне снятся наши сны!

Мой славный друг, я часто вспоминаю
Листвы круженье в ярком свете фар...
О чашку чая руки согреваю,
Чтоб в сердце не унялся летний жар.

Мое письмо не будет слишком длинным
И вряд ли Вас растрогает, но в нём
Есть мой пожар. И ранним утром зимним
Прочтя его, наполнитесь теплом!

Тори Виктория

***

Снежинка падала, кружилась.

Снежинка падала, кружилась, искрилась лунным серебром.
И в жизнь-полёт она влюбилась, ей ночь казалась волшебством.
«Не зря Господь устроил чудо и создал этот Снегопад,
который длиться вечно будет для его царственных услад.

О, как прекрасно мирозданье, а я — частичка божества.
Неповторима, уникальна, чиста, невинна и нежна.
Я знаю точно, без наитий, что счастье миру принесу.
Нельзя для разовых событий иметь такую красоту...»

Вдруг мысли резко оборвались, снежинку смял большой сапог:
шёл человек в хмельном угаре, упал в сугроб и встать не смог.
Теперь его терзают думы: в чем главный замысел Творца?
Он крикнул в пустоту угрюмо: «Не миновать нам всем конца!

Что наша жизнь? Одно мгновенье, как у снежинки в эту ночь.
Кого спасало озаренье? Кто смерть способен превозмочь?
Да будь ты трижды уникален, да хоть ты пьянь, да хоть мудрец.
Увы, итог у всех печален. Нет вечной жизни у сердец...»

А утром от ночных кружений остались пышные снега,
скамейки в белом опереньи, глубокий след от сапога.
И тускло солнышко светило. (Зимой не будет жарких дней).
Природа улыбалась мило, народ оделся потеплей.

Никто ничем не любовался, но людям было хорошо.
А «замысел» тот назывался: сегодня ночью снег прошёл.

Фиал

У моего окна

Из моего окна
Снова белеют крыши,
Линии-провода,
Мысли бегут ко мне:

Всё это — лишь слова,
Люди опять не слышат,
Из моего окна
Виден лишь первый снег.

Ветер опять притих,
Снова белеет вечер,
Снова тягучий стих
Долбится о стекло,

В хитросплетеньи рифм
Я зажигаю свечи
И отпускаю мир —
Воздух, как молоко.

Только огни домов,
Только сугробы снега,
Только охапки снов,
Где слышен шелест трав:

У моего окна
Тают осколки лета —
Просто опять зима,
И не поймёшь, кто прав...

Альтера Таласс

writercenter.ru/profile/Altera/whois/

Кочемирова Александра

writercenter.ru/profile/Alexashka/whois/

Тори Виктория

writercenter.ru/profile/toritamari/whois/

Фиал

writercenter.ru/profile/phial/whois/

Жемного о Снежной Королеве

Эрна Хэл

— Королева, королева... — высокая статная лапландка ловко перевернула жарившуюся на очаге рыбу и вытерла руки о передник. — А что ты знаешь о Снежной Королеве?

— Нуу... — повзрослевшая Герда пожала плечами. — Бабушка рассказывала — живет далеко на Севере, в ледяном дворце... Это я сама видела. Могущественная волшебница. Злая. Зимой по ночам пролетает по улицам городов и заглядывает в окна — от этого они покрываются ледяными узорами. Еще, — она в упор глянула на собеседницу, — иногда похищает людей. Уж это-то я знаю точно.

— Злая, — эхом откликнулась лапландка и отвернулась к огню. — А почему ты решила, что злая?

— Я ее видела...

— И?

— Ледяная. Холодная. Она держала в своем ледяном дворце Кая и заставляла его складывать из льдинок слова. Просто так. Для забавы.

— Складывать слова для забавы? Странная забава. Ладно бы там — плясать или петь, шутком бы его сделала... а то — слова складывать. Странно. А как он попал туда, твой Кай?

— Она похитила его. Прямо из нашего городка.

— Ночью? Прилетев на черном облаке?

— Нет, — Герда не услышала грустной иронии. — Днем. И не на облаке — в красивых белых санях. Мы были тогда совсем детьми... Она пообещала Каю весь мир и новые коньки... и увезла к себе, в ледяной дворец. Складывать слова из кусочков льда.

— А ты?

— А я пошла искать его. Надела новые башмачки — Кай их раньше не видел — и пошла.

— А потом?

— Потом... было много всего. Королевский дворец, чета воронов... Маленькая Разбойница, олень. Старухи — финка и лапландка. Так я добралась до ледяного дворца. Нашла там Кая. Помогла ему сложить это треклятое слово — и колдовство развеялось. А еще потом мы вернулись домой. Вот уже три года мы женаты. У нас сын... чтобы он засыпал, я рассказываю ему сказку о Снежной Королеве.

— А все злое волшебство рухнуло из-за одного слова? — не поверила собеседница. — Ледяной дворец? вьюги? морозы — из-за одного слова?

— Ну... да. — Герда вновь пожала плечами.

— И вы вот так просто ушли от Снежной Королевы? Могущественной злой колдуньи?

— Ну да, — повторила Герда. — Но мы же выполнили ее условие!

— А она вот так запросто рассказала Каю, что нужно сделать, чтобы рухнуло ее царство? Более того, сама дала ему такое задание? Странно это как-то, — женщина сняла с огня готовую рыбку и повесила над очагом другую.

— Странно, — согласилась Герда. — Но я знаю одно: царства Снежной Королевы больше нет, а мой Кай со мной. Мне этого довольно.

— Герда, мы идем? — в дверях появился крепкий молодой человек.

— Конечно, Кай! Спасибо вам за кров и тепло, — обратилась гостя к хозяйке. — Нам до ночи нужно добраться до ближайшего городка.

— Удачи вам, — женщина с легкой грустью посмотрела вслед удаляющейся парочке.

***

Снежная Королева... Все слышали, все боятся.

А слышат-то, в основном — Королева. Власть, богатство, дворец. Белые сани, черное облако. И пропускают мимо ушей, что она — Снежная.

Дворец? Да. Ледяная глыба.

Богатство? Конечно. Сундуки, набитые искрящимся всеми цветами радуги льдом. Красиво, только бесполезно.

Власть? Над чем?! Над пургой? Над снегом? Над метелями?! Зачем человеку такая власть? Зачем нужна была такая власть маленькой глупой лапландской девочке?

И еще была предшественница, которая гладила по голове и говорила:

— Смотри, как красиво! Хочешь, все это будет твоим?

— Хочу!

— Тогда — бери! Теперь это — твое!

Эрна Хэл

writercenter.ru/profile/Morgeina/whois/

Иллюстрации Angela Barrett

fairyroom.ru/?p=5931

...Теперь все это твое. И дворец. И сундуки. И сани. И уже у самых дверей, обернувшись через плечо:

— Захочешь уйти — сложи из льдинок слово ВЕЧНОСТЬ.

А дальше? Годы одиночества в холодном дворце, от сияющей белизны которого через два часа начинают болеть глаза. Ты даже не можешь нормально спать, потому что солнце здесь не заходит.

Набрать себе слуг и подданных? Глупая Герда! Снежная Королева не может похитить. Только уговорить. В ледяном дворце могут жить лишь пришедшие по своей воле.

Она, доверчивая лапландская девчонка, хотела уйти. Очень хотела. Вот только... девочек в деревнях не учат грамоте. Некому, да и незачем. Их удел — выйти замуж, коптить рыбу... выделывать шкуры. Зачем им грамота? Поэтому сложить слово из целых восьми букв... непреодолимая задача для великой злой волшебницы.

И тогда она стала искать того, кто смог бы это сделать. Пролетать зимой по улицам городков, заглядывать в окна. А однажды — в своем родном городке, Герда! — она услышала, как мальчик Кай рассказывает приятелю сказку, которую прочитал. Прочитал, Герда! Он был хвастуном, твой Кай...

Королева пообещала ему весь мир... а он был жадным, твой Кай. Он потребовал еще коньки... И потом — все это долгое время, пока ты его искала — возился с восемью буквами. А ты думала — злая волшебница заморозила его сердце? Сделала своей игрушкой? Зачем ей такая игрушка?

Кто же знал, что на самом деле сказки вам читала бабушка... Но хвала небу, ты была прилежной и сообразительной девочкой. Ты знала, как складывать буквы в слова. Ты сложила слово "Вечность".

Вы ушли домой, к бабушке и розам. А она, Королева, стала свободной.

Бывшая Снежная Королева сняла с огня последнюю рыбку и выглянула за дверь. Возле домика пасся старый северный олень. Тот самый, что привез когда-то Герду к ледяному дворцу. Лапландка улыбнулась.

... Я стала свободной.

Операция «Дед Мороз»

Елена Найко

Эта история случилась 31 декабря в городе Петропавловске-Камчатском. День 31 декабря сам по себе необычный — последний день в году, а город Петропавловск-Камчатский знаменит тем, что его жители встречают Новый год первыми в стране. Герой же этой истории — Семён Краснов — был самым обыкновенным третьеклассником. Жил он с родителями на окраине города в небольшом двухэтажном доме.

Всё началось, когда вечером, часов в шесть, Семён сидел на подоконнике в своей комнате на втором этаже и читал с ноутбука книгу. Родители шумели внизу тарелками и готовились встречать гостей, каких-то коллег с работы, так что встреча Нового года на этот раз обещала быть не самой весёлой для единственного в доме ребёнка.

Если бы книга попалась интересная, дальнейшие события пошли бы по совсем другому пути. Но рассказ, который задали прочитать в школе, был скучный, и Семён то и дело отвлекался и смотрел в окно, где в свете фонаря лепил крупный снег. Тут-то он и заметил то, что заставило совершенно забыть о книге.

Чуть выше растущих у дома елей по чёрному небу ползли сани! Настоящие сани — на полозьях, расписанные какими-то тусклыми узорами, да ещё и с самым настоящим оленем, который тяжело ступал по воздуху и тащил их, напрягая жилы! Ползли сани неровно, то проваливались вниз, чуть не задевая деревья, то снова натужно взлетали вверх. И вид у них был убогий и запущенный, словно за ними давно никто не ухаживал: красная обивка сидений обтрепалась, деревянная дверца треснула, на ней облупилась краска.

Семён отложил ноутбук и упёрся носом в запотевшее стекло. Сначала он подумал, что это очень большой рекламный воздушный шар в виде саней Санта Клауса. Такие надутые резиновые фигуры вешали на магазинах снаружи для привлечения покупателей. Может, откуда-то ветром оторвалась? Например, с ресторана «Изумруд» на соседней улице. Но олень шевелил ногами! На самом деле шевелил! А ветра не было.

«Ещё немного, и я поверю, что это и правда Санта Клаус, — подумал Семён. — Да только Санты не бывает. Это сказки для детсадовцев».

Не успел он так подумать, как прямо на глазах непонятный объект, который в тот момент пролетал напротив окна, начал таять в воздухе. Сначала покрылся рябью, как призрак в фильмах, замерцал, а потом и вовсе исчез, только что-то маленькое и красное стремительно спикировало в сугроб на заднем дворе.

«Инопланетяне! — понял Семён. — Замаскировали корабль под рекламный шар, первый пробный десант на Землю! И потерпели крушение!»

Ноги уже несли по лестнице вниз, он сорвал с вешалки куртку, запрыгнул в ботинки и выскочил из дома через парадную дверь под громкий крик мамы с кухни:

— Шапку, Сём! И долго не гуляй!

Проваливаясь в глубоком снегу, который папа не успевал чистить, Семён обежал вокруг дома, готовясь к встрече с представителями иных миров. Неужели ему предстоит первому на всей Земле их увидеть? Вот это повезло! Нужно вести себя осторожно, чтобы их не напугать, а то вдруг нападут? В какой-

то книге Семён прочитал, что лучший способ показать свои мирные намерения — поднять руки. Тогда будет видно, что в руках нет оружия. Поэтому к месту крушения он подошёл настороженно, с поднятыми руками, и гадал, понимают ли гости русский язык.

В сугробе что-то копошилось и ворчало. Семён подошёл ближе и в свете уличного фонаря увидел ничем не примечательного толстенького человечка с длинной седой бородой, одетого в красную шубу с белым воротником. И в такой же красной шапке. Как есть — Санта Клаус. Что странно — шуба и шапка выглядели такими же расплывчатыми, словно призрачными, как и сани несколько минут назад. А лицо человечка — вполне реальным, морщинистым, с румяными щеками и большим носом. Человечек кряхтел в сугробе и с унылым видом потирал спину. И ни капельки не был похож на инопланетянина.

Семён почувствовал себя обманутым. Он уже представил, как расскажет друзьям о встрече с шестиглазыми пришельцами, как будут писать во всех газетах о третьекласснике, который сделал величайшее открытие в истории человечества. Его покажут по телевизору, пригласят в Москву на съёмки передачи «Пусть говорят», и серьёзные мужчины

в деловых костюмах будут внимательно слушать его рассказ о чудесном приземлении летающего объекта на их заднем дворе. Родители будут им гордиться, а старшеклассники вежливо уступать дорогу в коридорах. Девчонки будут бегать с блокнотами за его автографом и повесят плакаты в своих спальнях, а на плакатах — Семён в обнимку с пришельцем...

И тут — такое разочарование. Но лицо человека в костюме Санты было таким грустным, что стало его немного жаль.

— Вы в порядке? — спросил Семён. — Как вы сюда попали?

Человек стащил с головы шапку, открывая лысину с жидкими волосёнками, и посмотрел так, словно Семён обвинил его в чём-то ужасном. Глаза у него оказались ярко-ярко синими.

— Ты что, не видел мои сани?

Голос был тихим и хриплым, словно простуженным. И в словах Семён услышал такую надежду, будто от его ответа зависела вся дальнейшая судьба незнакомого старичка.

Сани Семён помнил. Были сани. Летели по небу. Хотя, конечно, это были не сани, а какой-то новогодний дельтаплан. Возможно, какие-то богачи встречали Новый год и запу-

стили наёмного Санту на дельтаплане. А его и унесло ветром.

— Видел, — уверенно сказал Семён. — Вы сильно ушиблись? Может быть, папу позвать?

— Не надо папу, — неожиданно повеселел человек. — Значит, видел? Сани-то? И значит... кто я?

— Вы, наверно, с вечеринки? Из ресторана «Изумруд»? — предположил Семён.

Старичок глубоко вздохнул, натянул шапку, тяжело приподнялся и вытащил из-под себя большой красный мешок из бархата, почти пустой на вид.

— Ну? — улыбнулся он, потряхивая мешком. — А так? Кто я?

Улыбка была явно неестественной, наигранной. Неужели богачи в «Изумруде» не могли нанять актёра получше? Разумеется, старик ожидал услышать в ответ: «Санта Клаус». Это было так очевидно, что Семён начал сердиться. Он очень не любил, когда взрослые считали детей глупыми и наивными. За это и не жаловал свою тётю Наташу, потому что она сюсюкала с ним, как с пятилетним.

«Санта Клаус» продолжал сидеть в сугробе и трясти мешком в ожидании ответа. Содержимое мешка заинтересовало: мало ли, что там могло быть? Вряд ли, конечно, там лежал смартфон Samsung Galaxy последней модели, который Семён выпрашивал у папы уже второй месяц, но и от шоколадки он бы не отказался. Раз уж неожиданный гость свалился прямо с неба в их двор и упорно выставляет себя новогодним волшебником, почему бы этим не воспользоваться? И Семён решил подыграть, стараясь, чтобы в голосе не звучало язвительности:

— Вы — Санта Клаус?

Попытка изобразить легковозного малыша, видно, не удалась, не зря Семёна в школьном театре брали только на роль третьей берёзы с левого края. Старичок обречённо уронил руку с мешком в снег и опустил голову. Его красная шуба покрылась едва заметной рябью, Семён даже несколько раз моргнул, удивлённый странным явлением.

— Ох-хо-хо, — печально вздыхал старик, перебирая бороду рукой в красной варежке.

— Ты же — русский, ну почему — Санта Клаус? Только на советских мультиках и держусь. Куда ни глянь — всё Санта да Санта...

— Ну ладно — Дед Мороз, — согласился Семён. «Дед Мороз» оказался совсем не таким весёлым, как ему положено, и слушать его ворчание ради шоколадки не хотелось, тем более на улице было холодно, а дома лежал пакет мандаринов. — Может, вам такси вызвать? Я сейчас позвоню...

— Пойду я, — уныло сказал старик, вставая из сугроба. Ростом он оказался с Семёна. — Не верит в меня никто. Последняя ночь, видать...

Это был уже перебор.

— Ну что вы заладили? — окончательно рассердился Семён. — Мне, между прочим, уже десять лет, и в Дедов Морозов давно уже не верю.

Едва он произнёс эти слова, как случилось совсем непонятное. Шапка, шуба и варежки старичка замерцали и вдруг исчезли, растворились в воздухе! Как и мешок! «Дед Мороз» оказался в белой рубашке, заправленной в светлые штаны на подтяжках.

— Это как? — выпучил глаза Семён.

Старичок, напротив, совершенно не выказал удивления, осмотрел себя с тем же грустным видом и развёл руками:

— Скоро совсем истаю. В меня ж не верит никто, а я лишь на вере живу. Нет веры — и меня нет. Сани вон исчезли, шуба... Я и сам скоро... того.

— Так это правда? — опешил Семён. — Вы настоящий?

— Какая разница? — вздохнул старик. — Ты же в меня не веришь? Чем меньше людей в меня верит, тем я слабее. Раньше, бывало, детвора ждёт меня, ждёт, стишки учит, песни. А я от песен тех сил набираюсь. Теперь же — умные стали, в инопланетян верят, в Билла Гейтса, даже в Человека-Паука, а я забыт. Значит, не нужен стал. Пойду я.

— Стойте! — закричал Семён. — То есть, вы и правда Дед Мороз? Я же видел.... Ваша шуба исчезла! Потому что я сказал, что не верю?

— Дети нынешние не те стали, — насу-

пился Дед Мороз. — Ни дружбы не знают, ни сказок им не надо. Да ещё ты рядом — неверующий... Вот и исчезаю понемногу, частями.

— Как это дружбы не знают? — обиделся Семён.

Ну и вечерок! Упал с неба настоящий Дед Мороз, не какие-то инопланетяне! Это сенсация похлеще! Глазам своим Семён доверял: шуба на самом деле исчезла. Значит, чудеса существуют! Да только не будет больше чудес, потому что единственный на свете Дед Мороз сейчас ёжится от холода в одной рубашке, потеряв транспорт. Дети окончательно разочаруются в сказках, и Дед Мороз останется лишь в мультиках...

— А если в вас снова поверят, ваша шуба и сани вернутся? — спросил Семён, которому пришла в голову единственно верная в такой ситуации идея.

— Вернуться-то они вернутся, но разве это возможно? — вздохнул Дед Мороз. — Новогодняя ночь уже началась, а я тут...

— Ещё не всё потеряно, — улыбнулся Семён.

Ему захотелось во что бы то ни стало доказать несчастному гостю, что в современном мире ещё остались люди, которые верят в волшебство. И что дружба по-прежнему есть.

— Идёмте в дом, — сказал он Деду Морозу. — Здесь же холодно. Только через чёрный ход, чтобы родители вас не видели. Они чужих не любят, вопросы начнутся...

— Меня взрослые не видят, — печально протянул старик и посмотрел с надеждой: — Хоть чаем напоишь?

Проникновение Деда Мороза в дом прошло без осложнений. Всё-таки решив перестраховаться, Семён тайком провёл его через чёрный ход к лестнице, проводил до своей комнаты, где усадил на кровать. Родители крутились в зале и ничего, кажется, не заметили. Семён быстро сбегал на кухню, налил чашку чая, прихватил тарелку с печеньем и прошмыгнул наверх, сказав маме, чтобы за него не беспокоились: он телевизор посмотрит. Но маме, похоже, было не до него: она болтала по телефону и была только рада, что самостоятельный сын не нуждается во внима-

нии занятых родителей.

В комнате Семён поставил угощение на столик с колёсиками и подкатил его к кровати, где угрюмый Дед Мороз со смущённым видом вертел в руках пульт от телевизора. Такой маленький, съёжившийся, жалкий. Дружбы, говорит, нет. Ну-ну. С видом превосходства Семён уселся за письменный стол, включил ноутбук и запустил Skype.

Анзор ответил не сразу, во Владикавказе было ещё утро; но через минуту на экране появилась заспанная лохматая голова:

— Сэмыч, мы же договорились на вторник! У меня каникулы!

— Орки подождут. У тебя каникулы, а у меня ЧП! — не терпящим возражений тоном заявил Семён и развернул ноутбук так, чтобы Анзор увидел Деда Мороза, который всё ещё смущённо прихлёбывал чай из блюдечка. — Беда тут, Верховный. Поднимай наших.

Так и началась уникальная и единственная в своём роде операция под кодовым названием «Поверь в Деда Мороза».

Пол комнаты украсился ковром из мандариновых шкурок, кровать засыпалась крошками от печенья, а на столике выстроился ряд пустых кружек из-под чая. Семён хотел показать себя радушным хозяином, поэтому предложил Деду Морозу угощения, которые удалось стянуть с праздничного стола. То и дело на первом этаже раздавался дверной звонок, слышались голоса гостей, родители включили музыку. И пока внизу разгоралось новогоднее веселье, наверху, в комнате Семёна, работа шла полным ходом.

— Когда мы вместе эльфов бомбили, ты мне верила! — кричал Семён. — Когда я про тайный ход в катакомбах сказал, верила! Ты бы половину армии потеряла в том лесу! А теперь — розыгрыш?

— Но это ненаучно, Сём, — хмурилась с экрана пятиклассница Лариска из Казани — самый полезный в задуманной операции человек, ведь мало у кого было столько знакомых на всевозможных сайтах. — Я не спорю, ты спас мой клан, но... допустим, это действительно Дед Мороз, тогда где его Снегурочка?

— И верно, — оглянулся Семён на уплетающего конфеты гостя. Тот выглядел всё та-

ким же унылым, но уже не дрожал от холода и с интересом наблюдал за происходящим на экране.

— Так её уж лет десять как нет, — обиженно ответил Дед Мороз Лариске. — Растаяла давным-давно. С тех пор, как начали меня Санта Клаусом обзывать. Санте Снегурочки не положено. А ещё теперь думают, что я по каминной трубе в дома залезаю. Я разве вор — в дома без спросу лезть?

И под удивлёнными взглядами Лариски и Семёна белая рубаша Деда Мороза расплылась рябью и тоже исчезла, выставив на обозрение кругленький лысый животик.

— Лопух средиземноморский! — округлила глаза Лариска. — Дело швах! Сём, я сейчас. Если что, буду «В Контакте». Попробую магиков подтянуть, они всегда там висают.

Семён подвинул ближе пакет с мандаринами и продолжил атаку на кнопки ноутбука, отправляя Анзору свеженькую видеозапись с исчезновением рубашки для загрузки на YouTube.

Запущенная информация поплыла по сети. Анзор звонил каждые пятнадцать минут и сообщал, что всё идёт по плану. Одно за другим электронные письма летели адресатам, оттуда — другим адресатам, друзьям других адресатов и просто знакомым. Димка из Петербурга устроил бучу в Твиттере; пара «пиратов» — близнецы из Астрахани, которые в прошлом месяце разгромили весь флот Империи (Лариска до сих пор на них дулась), вызвались распространить новость по всем известным форумам, где были зарегистрированы. Сам Анзор поднял проблему в личном блоге, и достоверность информации не подлежала сомнению, подкреплённая безупречнейшей репутацией Верховного Вождя клана орков. Новость летела по миру со скоростью света, давно вышла за пределы узкого круга геймеров, узкого круга русскоязычных пользователей, вышла за все границы, потому что у Сети нет границ.

Внизу вовсю шли гуляния. Пару раз мама заглядывала в комнату Семёна; он дёргался в испуге, но мама замечала только беспорядок на полу и кровати, а Деда Мороза не видела в упор, хотя он находился на расстоянии вы-

тянутой руки.

— Нет, ма, — ныл Семён. — Не пойду, там все взрослые, мне не интересно.

— И даже Деда Мороза не посмотришь? — подмигивала мама. — Дядя Петя нарядился.

— Не хочу, мам... Я скоро спать лягу, правда.

Время близилось к полуночи, когда Семён обнаружил первые признаки того, что операция даёт свои результаты.

— А-а-а-а! — закричал вдруг Дед Мороз, разглядывая появившуюся на нём точно такую же белую рубаху, как та, что исчезла. Его руки пожелтели от мандариновых корок, щёки и борода были измазаны шоколадом, а кругом валялись блестящие обёртки. — Поверили!!! Кто-то поверил!!!

— Конечно, — довольно сказал Семён. — Ведь это мои друзья. А у них — свои друзья. Мы верим друг другу, потому что как можно идти в бой с тем, кому не веришь?

Он смотрел на Деда Мороза, который всё трогал и трогал ткань своей новой рубахи. Семён уже устал от многочасового сидения за

столом, и захотелось спать. Тем более всю радость от достигнутой цели смазало письмо, которое он только что получил от Лариски:

«ВСЛУХ НЕ ЧИТАЙ! Я вот что подумала, Сём. А зачем вообще это делать? Зачем он нужен, Дед Мороз этот? Ну и пусть истает, что мы от этого потеряем? Взрослые по-прежнему будут покупать детям подарки, наряжаться в шубы и бороды. Зачем нам с ним возиться? Может, ну его? Вот скажи, какая нам от него польза?»

А ведь и правда — какая? Дед Мороз радовался, как маленький, без конца теребил ворот рубахи. Даже «спасибо» не сказал. Вот не было бы его — и что? Всё равно Новый год бы наступил, всё равно все бы радовались зиме и подаркам. Может, Лариска права — не нужно спасать. Время его действительно прошло, как и время Снегурочки. А всё потому, что Дед Мороз, как и современные старички, сам не верит в новых детей. Он считает, у них даже дружбы нет. Как бабушка Оля, которая постоянно твердит: «Эх, вот раньше были времена». Неужели и теперь Дед Мороз будет

Проза. Сказка.

так про них думать? Почему-то становилось стыдно от такой мысли.

Семён встряхнул головой, отбросил ненужную грусть и набил Лариске короткий ответ:

«А пусть будет».

На улице послышался громкий хлопок. Семён бросился к окну, чтобы посмотреть фейерверки, и в свете фонаря на засыпанной снегом дорожке увидел свеженькие красные сани с оленем. Тут же раздался звонок, Семён кинулся к столу.

— Ну что? — улыбался Анзор. — Говорят, у тебя уже Новый год наступил? Ух ты, классный прикид, Дедуля!

Гордо развернув ноутбук, Семён продемонстрировал Анзору одетого в новенькую красную шубу гостя. Дед Мороз неверяще тарачил глаза и оглядывал себя, но по-прежнему потрясённо молчал.

— Получилось! Получилось! — радостно объяснял ему Семён, сидя в кресле. — Вы в окно посмотрите!

Но вместо того, чтобы подойти к окну, Дед Мороз шагнул к столу и закрыл крышку ноутбука.

— Эй, вы что? — возмутился Семён. — Анзор же...

— Вы всё сделали, — сказал Дед Мороз, и впервые за весь вечер с его лица исчезло выражение потерянности и уныния.

Теперь был гордый мудрый взгляд, от которого у Семёна мурашки пошли по спине. Гость преобразался на глазах: с лица исчезли следы шоколада, белая борода искрилась, глаза сверкали из-под мохнатых бровей.

— Что? — Семён вжался в кресло под нависающим над ним могучим Дедом Морозом, который вырос на две головы за какие-то минуты.

— Я ценю тех, кто творит добро бескорыстно, — сказал гость уверенным сильным голосом. — И караю тех, кто на это неспособен. За свою помощь ты получишь ценнейший подарок, который я могу дать человеку: ты навсегда будешь ограждён от злых людей. Я даю тебе свою защиту.

И Дед Мороз выдул в лицо вихрь снега и холода, от которого закружилась голова, и Семён обмяк в кресле, слыша сквозь забытье какой-то грохот и непрекращающийся звонок вызова.

«Анзор».

*****

Первой мыслью было: «Ну и сон». Семён пришёл в себя в кресле за столом, вытянул затёкшие ноги. Горела настольная лампа; по всей комнате валялись конфетные фантики, мандариновые корки, за окном было темно, а в доме — тихо. И вдруг сразу вспомнилось всё: их операция, восстановленная сила Деда Мороза и его последние слова.

Ноутбук молчал, пока Семён не догадался включить его в розетку. Шесть утра. Неудивительно, что села батарея: сто пятьдесят шесть пропущенных вызовов. И не менее сорока — от Анзора. Да ещё куча сообщений от друзей, основным содержанием которых было: «Как ты мог проспять завершение операции?», «Чем же всё кончилось?», и «Гад ты, Краснов, можешь в сеть больше не выходить».

Анзор ответил почти сразу, всклокоченный, с блестящим серпантином на ушах и полным ртом салата:

— Фы вде бив? Фто фам?

— Получилось. Ушёл он. А меня усыпил, — сказал Семён и опустил голову.

— Я тебя весь вечер у компа жду, — верещал друг. — Тут непонятно что творится! Все наши записи исчезли, Сэмыч, все! Все письма, сообщения на форумах, в блогах; всё, что про него, просто вылетело, как и не было! Но это же бред какой-то! У меня брат разбирается, он говорит, такого быть не может! Всё просто исчезло в один миг!

— Дед Мороз следы подчищает, — грустно усмехнулся Семён. — Теперь-то в него верят.

Он готов был поставить пятёрку в полугодии против гнилого ореха, что его видеозаписи, сделанные вчера вечером, тоже стёрты. Анзор потрясённо замолчал. Было такое ощущение, что их надули, как неразумных детишек. Обманули.

— Ты это, Верховный... скажи нашим, не виноват я. Представляю, чего ты от них наслушался.

— Скажу, конечно. Ах, да, — замялся Анзор. — Тут ещё и Лариска пропала. Звоню звоню, а там тихо. «Пираты» с казанскими связались, с теми, что её знают. Представляешь, говорят, Лариску на «скорой» увезли. Вот.

Неужели? Семён вспомнил слова Деда Мороза о каре, и ощущение, что они обмануты, усилилось. Жестоко обмануты. Дед Мороз играл с ними в какую-то суровую игру. С детьми.

— Забудем всё, Анзор? Она поправится, конечно. А?

— К чёрту, — вздохнул друг. — Забудем. С Новым годом тебя.

— И тебя с наступающим, иди, встречай. До встречи во вторник. Дадим жару эльфам.

Экзамен

Меркулова Ирина

— А разве есть такая школа? — спросил Прохоров.

— Конечно. Ведь я оттуда...

В. Бахревский «Фонтан Три Кита»

С черного, без единой звездочки, неба тихо падали большие пушистые снежинки и, едва касаясь мостовой, тут же таяли и превращались в грязное месиво, без устали взбиваемое сотнями людских ног. Как ни вылизывают городские власти центр Москвы, все равно слякоть непобедима.

Кирилл подошел к станции метро «Площадь революции» и остановился возле одной из квадратных колонн. Следует отправиться домой, тридцать первое декабря как-никак, надо бы подготовиться к встрече Нового года. Жаль, поездка с друзьями на загородную дачу сорвалась в последний момент, Кирилл планировал оттянуться там по полной программе. А теперь придется сидеть дома с родителями у телевизора или махнуть на Красную Площадь. В принципе, не так уж и плохо.

Несмотря на рухнувшие планы, настроение категорически отказывалось портиться. Не хотелось сейчас Кириллу нырять в душеное метро, толкаться в тесном вагоне, смотреть на серьезные озабоченные лица пассажиров. На носу самый сказочный праздник, а они все такие хмурые... Вот и стоял он, прижавшись спиной к огромной мраморной колонне, и смотрел на черное небо, ловя ртом снежинки.

Сквозь шум толпы и льющуюся из динамиков музыку его внимание привлек странный звук, не вписывающийся в общую картину вечно спешащего города. Плачет кто-то? Он огляделся. Никого не заметив, обошел ко-

лонну. С другой ее стороны стояла девчушка лет пятнадцати и горько всхлипывала, утирая слезы кружевным платочком. Мохнатая белая шапка почти сползла на глаза, пух от таких же белых рукавиц периодически забивался ей в рот, и она смешно его выплевывала. Поверх мехового воротника серой дубленки торчали две тощие косицы с голубыми бантиками на концах. Девчонка показалась Кириллу такой маленькой и забавной, что ему захотелось рассмеяться, но он сдержался, видя, как неподдельно она расстроена.

— Милая Снегурочка, кто тебя обидел?

Девочка вздрогнула от неожиданности и подозрительно посмотрела на парня, шмыгнув покрасневшим носом.

— Никакая я не Снегурочка, — мрачно ответила она. — Я Валя, — помедлила немного и добавила. — Валентина.

— Разумеется, Валентина. Как же это я сразу не сообразил, — Кирилл немного растерялся: обычно девушки реагировали на него гораздо любезнее. — Так кто же все-таки тебя обидел?

— Никто, — девчонка, насупившись, уставилась в землю.

— А почему плачешь?

— Тебе-то что?

Кирилл пожал плечами и прислонился к колонне рядом с девочкой.

— Не знаю. Может, смогу помочь твоему горю.

— Не сможешь, — уверенно заявила Валя.
 — Ты почему знаешь? Вдруг я — Дед Мороз?
 Кирилл улыбнулся и подмигнул девочке. Она посмотрела на парня с явным сомнением в его умственных способностях. На лице отразилось: «Я не маленькая, чтобы верить в сказки».

— Я не могу сдать экзамен. Мне до Нового Года надо обязательно его сдать, а то из школы отчислят.

— Ничего себе, какие зверские законы у вас в школе. Когда я учился, нас так не мучили.

Валя опять посмотрела на него, как на ненормального. Но, кажется, успокоилась, слезы высохли, и говорила она уже не противным плаксивым голосом, а нормальным, даже очень приятным.

— Это немного не обычный экзамен. Мне надо сделать кого-нибудь счастливым. И успеть до двенадцати часов.

Кирилл присвистнул. Ничего себе задания поручают школьникам. Да еще грозят отчис-

лением. Наверное, какой-нибудь элитный супер-пупер лицей.

— И в чем проблема?

— Проблема в том, что весь наш класс уже благополучно отделался, а у меня не выходит, — Валя рассерженно ударила кулачком по мраморной колонне. — Что я только не делала. Пыталась нищих накормить — они меня матом посылают, решила старушке помочь сумки донести — воровкой обозвала, предлагала молодой мамаше за коляской приглядеть, пока она в магазин сбегает — та разоралась, что я хочу ее ребенка украсть. Я с добрыми делами, а от меня шарахаются, как от огня.

Кирилла душил смех: до того ярко представил он себе потуги несчастной девчонки осчастливить человечество. Но он не позволил себе расхохотаться и с самым серьезным видом произнес:

— Нашла из-за чего переживать. Хочешь, я покажу тебе место, где можно найти самых несчастных людей? Хотя нет. Правильнее ска-

зять — почти самых несчастных.

— Конечно, хочу! — Валя мгновенно ожилилась. — А где это?

— Тут недалеко. Идем.

Кирилл протянул руку, и девчонка безбоязненно вложила в нее свою ладошку. Он направился влево от входа в метро и потащил Валу вверх по высокой лестнице и дальше по длинному крытому переходу мимо магазинчиков, всегда почему-то напоминавших ему подпольный рынок, хотя здесь размещались вполне уважаемые фирмы. Из полутемного перехода вынырнул на сверкающую фонарями Никольскую улицу и гордо указал на здание ГУМа.

Это место всегда напоминало ему о маме. Она любила величественное, построенное более века назад здание, говорила о нем чуть ли не с придыханием и хотя бы раз в год выбиралась сюда за покупками. В ее памяти магазин сохранился как воплощенная и практически недостижимая мечта советских людей о достатке и роскоши. Сюда ходили, как в музей, чтобы, если не купить, то хотя бы поглядеть на товары, которые больше нигде нельзя было приобрести. Кирилл этого не понимал, он вырос уже в другое время. Магазин как магазин, ничем не лучше и не хуже, чем сотни точно таких же огромных торговых центров, заполонивших Москву. Отличается лишь тем, что стоит на Красной Площади.

Так он думал каждый раз, когда проходил мимо ГУМа, и каждый раз понимал, что не прав, оказавшись внутри. Залитое светом пространство, витрины, умело украшенные приглашенными дизайнерами, названия легендарных брендов, которыми сейчас уже никого не удивишь — все это можно встретить в любом крупном супермаркете. Но здесь... Все здесь дышало стариной. И, несмотря на то, что здание давно было отреставрировано, отлакировано, блестело пластиком и хромом, все равно чувствовалось, что это особенное строение. Бесконечно длинные торговые линии, галереи второго и третьего этажей, воздушные мостики. А фонтан? Он совершенно не похож на современные коробки, часто устанавливаемые в новых торговых центрах.

Он такой простой и уютный, и в тоже время величественный. Полустертые ступени лестниц, кованые ограждения, деревянные перила. Балконы, арки, лепнина, прозрачный стеклянный купол. Определенно, сейчас так не строят. Казалось, это место, где живет чудо.

Когда парень с девочкой прошли через двери и очутились внутри, на них пахло атмосферой праздника. В каждой витрине красовались наряженные елки, мишура, золотой и серебристый дождик, шары всех цветов и размеров, хлопья ваты, изображающей снег, манекены, наряженные в Деда Мороза и Снегурочку.

— А здесь-то что делать? — спросила Валя, оглядываясь по сторонам. — Разве в таком месте может кто-то чувствовать себя несчастным?

— Эх, ничего ты не понимаешь! Только здесь и можно встретить убитых горем бедолаг. Вон, смотри, какими глазами девушка разглядывает сумку в витрине. Могу поклясться, она готова душу за нее отдать.

— Вряд ли, — засомневалась девочка. — Она не выглядит несчастной. Восхищение, желание обладать вещью, намерение во что бы то ни стало достать денег для ее покупки, чуть-чуть сожаления. Вот, пожалуй, и все, что она чувствует. Нет, еще немного зависти.

Кирилл изобразил деланное удивление.

— Ого. Ты так хорошо разбираешься в людях? погоди, дай угадаю. У вас школа с углубленным изучением психологии, верно? Потому и задание такое странное дали.

Валя оглянулась на молодого человека и скользнула по его лицу задумчивым, отрешенным взглядом, видимо, погруженная в свои мысли.

— Да, — рассеянно ответила она, — что-то в этом роде. — Она опять стала разглядывать толпу людей, выискивая потенциальную жертву для сдачи экзамена. — По-моему, здесь мне ловить нечего.

— Ну, уж нет! — не сдавался Кирилл. — Взгляни на того мужчину. Мне кажется, несчастнее его никого нет на целом свете. Одно выражение лица чего стоит. Часами таскаться

по парфюмерным магазинам вслед за неугомонной супругой — это настоящий кошмар.

— Нет, не годится, — покачала головой Валя. — Он всего лишь раздражен, ему смертельно скучно, надоело носить пальто жены, и он хочет только сесть за столик кафе и покурить. Его нельзя назвать по-настоящему несчастным.

— Ладно, — парня охватил азарт доказать девчонке, что он прав. — Идем.

Он схватил Валю за руку и потащил к лестнице на второй этаж. Затем быстрым шагом провел ее по галерее и через мостик перешел на соседнюю линию. И тут в привычный монотонный людской гул ворвался резкий громогласный вопль. Мальчик лет пяти сидел на коленях на каменном полу, вцепившись ручонками в прутья ограждения, и горестно завывал, привлекая внимание покупателей. Рядом стояла молодая женщина и пыталась успокоить сына. Похоже, что сражение продолжалось уже давно, все аргументы были исчерпаны, уговоры не возымели действия, и мать начинала закипать.

— Как тебе это? — с гордостью спросил Кирилл, кивая в сторону бьющегося в истерике мальчика. — Кто может быть несчастнее ребенка, которому не купили вожаделенную игрушку?

— Откуда ты знаешь, что он плачет из-за игрушки? — нахмурилась Валя. — Ты умеешь читать человеческие мысли?

— Нет, — рассмеялся молодой человек, — я умею читать вывески.

Он указал на название магазина «Товары для детей».

— Я и не заметила.

— В последний раз тебе говорю: поднимись на ноги и пошли домой, — между тем ледяным, звенящим от негодования голосом обращалась мать к сыну. — Если ты сейчас же не прекратишь орать, я уйду одна.

Мальчишка ответил еще более громким криком, переходящим в кашель. Слезы — огромные прозрачные капли — ручьями стекали по его щекам. Глаза опухли и покраснели. Губы дрожали. Он упирался лбом в железные прутья и содрогался от рыданий. Ми-

мо проходили люди, не решаясь вступать в конфликт матери и сына, лишь бросали сочувственные взгляды.

— Я ухожу, — предупредила женщина строгим голосом.

И, не дождавшись ответной реакции, развернулась и пошла прочь. Она свернула за ближайший угол и через мгновение осторожно выглянула посмотреть, не одумался ли упрямый ребенок. Но тот лишь поднялся на ноги и остался стоять на месте, намертво вцепившись в перила.

— Тупиковая ситуация, — констатировал Кирилл и подошел к мальчику. — Эй, малыш, привет! — он опустился на корточки, пытаясь заглянуть ему в глаза. — Ты чего так расстроился? Посмотри, как ты напугал всех вокруг. Сейчас от твоего крика покупатели разбегутся.

Но мальчишка и ухом не повел. Ему хватило одного взгляда на странного дядьку, чтобы понять, что тот не представляет для него никакого интереса, и разразиться новой порцией рыданий. Кирилл растерялся. Ему еще никогда не приходилось иметь дело с детьми, тем более, успокаивать таких несговорчивых упрямцев. Пока он наблюдал за женщиной со стороны, ему казалось, будто нет ничего проще, чем заставить малыша изменить мнение. Стоит Кириллу подойти и сказать несколько добрых слов, как они тут же волшебным образом подействуют, и счастливый мальчик весело и вприпрыжку отправится домой. Но сейчас, сидя на корточках перед малолетним тираном, он абсолютно не представлял, что надо сделать или сказать. Он ясно ощутил, что должна была испытывать мать мальчика, и едва не впал в панику.

— Мужчина, это ваш ребенок? — услышал он над ухом властный, начальственный голос.

— Нет, это... — начал было объяснять Кирилл, но поднял голову и увидел Валю. Она держала в руках раскрытый ежедневник, на носу откуда-то взяли очки в толстой темной оправе, отчего девочка стала похожа на комическую старуху.

— Так, так, — протянула Валя, не обращая внимания на ничего не понимающего парня.

Она провела пальцем по записям в ежедневнике. — Кто это тут у нас? Ага! Да это же Петя Филимонов.

Мальчишка при появлении суровой тёти перестал плакать и прислушивался к разговору. Услыхав свое имя, он встrepенулcя и испуганно уставился на взрослых, с тревогой переводя взгляд с Кирилла на Вaлю.

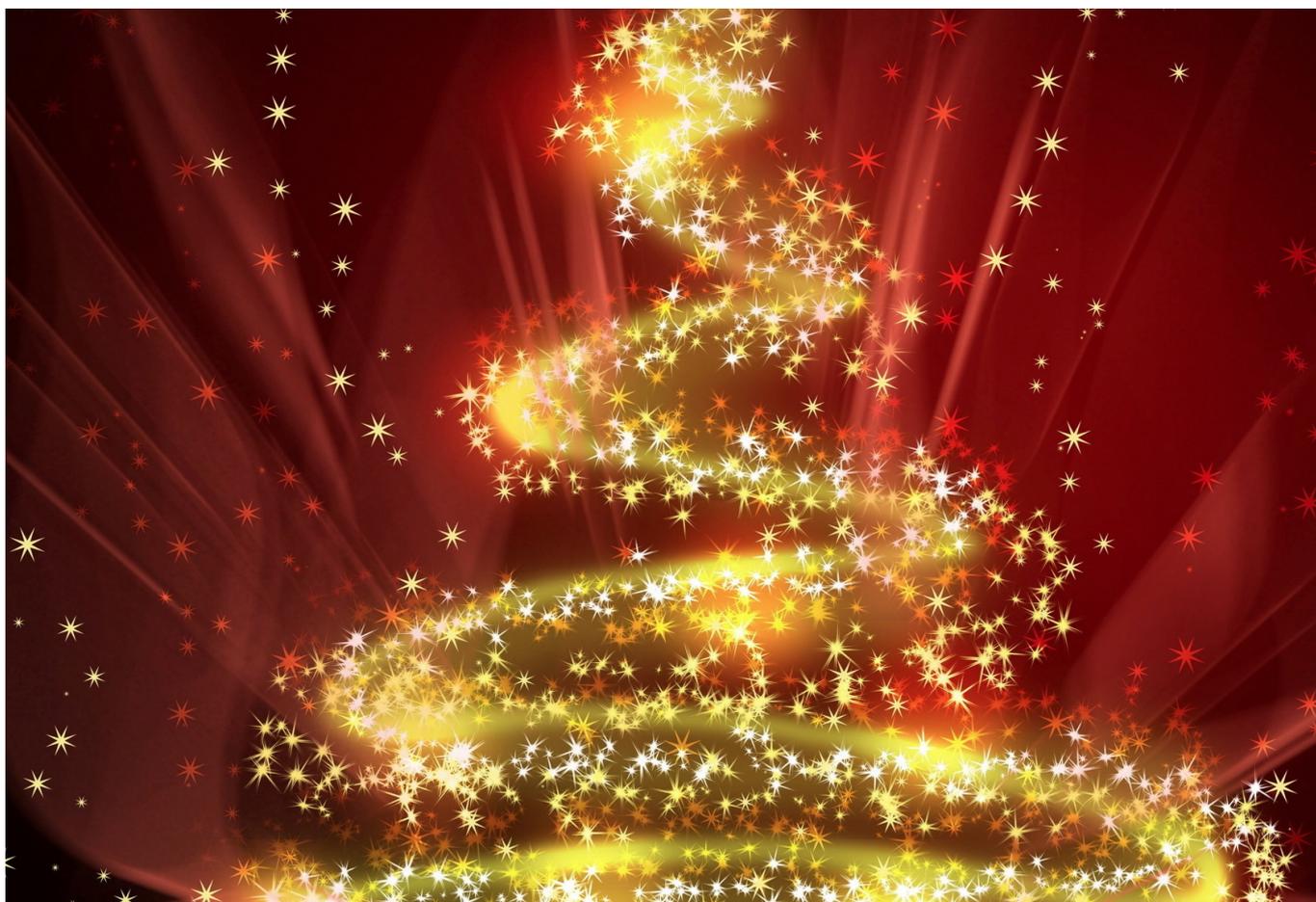
— Я давно за тобой наблюдаю, Петя Филимонов, — проговорила девочка, грозно сведя брови. — Я инспектор по Делаm Непослушных Детей и записываю все твои шалости, — она постучала пальцем по толстому ежедневнику. — Ты каждое утро капризничаешь и не хочешь идти в детский сад. Ты кричишь и обижаешь свою маму. Ты часто доводишь ее до слез. Ты порвал ее любимые бусы. Ты изрисовал ее сумку цветными фломастерами. Позавчера в садике ты отнял у Лены куклу и сломал ее. Вчера ты поставил подножку своему другу Диме. Но то, что ты устроил сейчас — это очень, очень плохо. За это я забираю тебя в тюрьму для Непослушных Детей. Ты будешь там сидеть целую неделю!

Вaля произнесла этот устрашающий монолог таким жутким, почти замогильным голосом, медленно нависая над несчастным мальчишкой, что тот стоял, не в силах вымолвить ни слова, и лишь его ясные голубые глаза все больше расширялись от ужаса.

— Ма... — еле слышно прошептал он. — Мама. Мамочка-а-а-а!!! — заорал он и что есть духу пустился бежать по галерее.

Женщина выскочила ему навстречу, присела и поймала сына в объятия. Мальчишка повис у матери на шее и сбивчиво торопливо просил, не отдавать его в тюрьму, обещал, что он больше никогда, ни за что на свете, не будет себя плохо вести. Она с трудом сдерживала слезы, гладила его по голове и клялась, что никому его не отдаст. Затем женщина выпрямилась, мельком бросила благодарный взгляд Вале, взяла сына за руку, и они направились к лестнице.

— Ну и методы у тебя, — ошарашено произнес Кирилл, когда пара скрылась на соседней линии. — Не удивительно, что тебе никак не удается сдать экзамен.

Он взглянул на Валу. Она уже убрала очки и ежедневник в сумку и теперь весело улыбалась.

— Ничего, все в порядке, — уверенно заявила девочка. — Ты мне очень помог. Правда. Спасибо тебе!

— Как знаешь, — пожал плечами парень. У него уже исчезло всякое желание возиться со странной девчонкой. — Что ж, если помог, то давай прощаться. Счастливого Нового Года.

— И тебе счастливого Нового Года! — Валя лучезарно улыбнулась. — Самого-пресамого счастливого!

Она помахала вслед молодому человеку и, слегка перегнувшись через ограждение, посмотрела вниз на первый этаж торгового центра. Там, в толпе покупателей, держась за руки, шли к выходу мать и сын.

Ужас и горе мальчика рваными темными ключьями окружали его фигурку, постепенно превращаясь в темно-синее волнение. Но по мере того, как малыш проходил вдоль витрин магазинов, его сменяло оранжевое любопытство. Изредка появлялись пятнышки лиловой тревоги, тогда Петя крепче сжимал руку матери, и пятнышки исчезали.

Рядом с Валею появилась пожилая дама в строгом сером костюме. Она материализовалась из воздуха, но никто из многочисленных покупателей этого не заметил, словно произошло самое обычное, рядовое событие.

— Наконец-то, Смирнова! — недовольно воскликнула она. — Тебе повезло. Если бы по твоей милости я опоздала на Королевский Новогодний Бал, клянусь, я бы тебе этого никогда не простила. И ты должна быть мне еще благодарна. Формально я не могу считать экзамен сданным. Ты справилась не самостоятельно, а с помощью молодого человека. Если бы он не пожалел тебя и не ...

Валя не слушала. Она неотрывно смотрела вниз на удаляющуюся женщину. Грязная муть из отчаяния, стыда, ужаса, бессилия, растерянности и злобы, окружающая ее, быстро уступала место аквамаринному облегчению. К нему присоединились бирюзовая нежность, лавандовая жалость, желтое умиление, персиковое желание защитить своего ребенка от всех бед. По краям расцветала розовая любовь, кое-где переходящая в гранатовое обожание. Не заставила себя ждать мандариновая радость, ее сменяли голубое веселье и изумрудное ликование. Они толкались и играли в догонялки друг с другом. Красная, уверенная в себе гордость важно заняла излюбленное место над головой женщины. Оливковая надежда пугливо металась, но встретив медную уверенность, успокоилась и пристроилась за ней хвостиком.

Как в калейдоскопе, с невысказанной скоростью появлялись все новые и новые чувства и эмоции, сверкая и переливаясь всевозможными цветами. Валя уже не успевала их различать, как вдруг сначала тонкой ниточкой, а затем уже широкой лентой поплыла лазурная мелодия, что зазвучала в сердце женщины. Она опоясывала разбушевавшиеся чувства, сплетая их в узел, затягивая его все туже и туже. И, наконец, не выдержав давления, этот узел взорвался ярким солнечным светом, тепло которого долетело даже до девушки, стоящей на галерее второго этажа.

— Нравится? — неожиданно мягким голосом тихо спросила дама-учительница.

— Очень, — выдохнула Валя, не отрывая глаз от восхитительного зрелища. — Какое же оно красивое — счастье!

Калиновая сказка

Фоминых Юлия

За окном Мороз лютует. Вон как стекло разрисовал: и веточками, и листиками, и цветами... Ходит Мороз по двору, скрипит сапогами, гулять не пускает. Солнышко выглянет, поскребется лучиком сквозь изморозь на стекле, а в избу пробраться не может. Скучно Аришке. Ткнулась она носом в окно: авось увидит Мороза — закололо нос холодными иголочками!

— Бабусь, а отчего солнышко мороз не прогонит?

— А оттого и не прогонит, — отозвалась бабушка из-за печки, — что холодное оно зимой!

— Ага, холодное! — удивилась Аришка. — Мне летом весь нос сожгло!

— Дремлет сейчас солнышко, устало за лето. Легко, думаешь, носы маленьким девочкам жарить? — бабушка, оправляя фартук, подошла к Аришке, поцеловала в макушку. — Набедокурило этим летом солнышко, — вздохнула она, приговаривая, как пожар охватил лес, как полыхал он, и в дыму стояло село.

— Разве непослушное оно? — спросила Аришка.

— Ох, непослушное, — улыбнулась бабушка, — совсем как моя девчоночка.

Ариша любит, когда бабушка улыбается: маленькие лучики разбегались от уголков глаз. И совсем бабушка не старая еще: высокая, прямая. И коса у бабушки черная-черная, даже ни одной седой волосинки. Зовут бабушку Галиной, а дед называет Галюшкой. Смеется тому бабушка: «Галюшки вон, в жаровне, садитесь, со сметаной лопаите». Любит Аришка у бабушки бывать. Жалко только, что редко папа с мамой привозят ее сюда, в деревню. А тут решили на Новый год поехать к морю, а Аришка после болезни — куда ее? К бабушке! И рада Аришка, никакого моря она

не знает, а вот горка, салазки, растягаи с калиной, снеговик во дворе, песик Жунька — это ей понятно и нравится куда больше, чем незнакомое море.

— А когда же елку наряжать будем? — спросила Аришка.

— А как дед вернется из лесу, так сразу и нарядим!

Вздохнула Аришка: до обеда еще ушел дед, и все не возвращается, а ведь уже совсем немного осталось до боя курантов: вот только солнце закатится за лес, наденет дед Мороз шубу и пойдет подарки раздаривать.

— Скучно...

— А сейчас тесто подойдет, пойдем растягаи лепить, — улыбнулась бабушка.

Любит Аришка эти смешные булочки: румяные, с корочкой. Надкусишь, корочка хрустнет, и на язык брызнет калиновый сладкий сироп. А потом и ягодки, мягкие, с кислинкой, с плоской косточкой — вкуснее не придумаешь!

Кошка — большая, полосатая — запрыгнула Аришке на колени, потерлась мохнатой головой о щеку.

— Беги-ка, угости молочком, — попросила бабушка. Спрыгнула Аришка с табуретки, поманила кошку, а бабушка присела на нагретое местечко, подышала на окно, выглянула в дырочку: нет, не видать деда. — Наверное, самую пушистую елочку ищет.

— А не заблудится? — испугалась Ариша.

— Он самые укромные уголки в лесу выучил, — улыбнулась бабушка, — и летом, и зимой с закрытыми глазами дорогу отыщет.

***

Не боялась Галина за Семёна: он вырос в этих краях, лес, как свои пять пальцев, знает. И ее приучил к лесу. Частенько по молодости вдвоем в грибную страду хаживали, а то и на зайца брал ее с собою: на широких охотничьих лыжах легко по глубокому снегу бежать. В те времена и сугробы были — не чета нынешней зиме. Скупится зима на снежок: едва землю покрывает. Вот уж Новый год завтра, а снегопада хорошего так и не было.

Село готовится к празднику. С утра хмельные мужички по улице шастают, из соседних изб музыка слышится. Около сельсовета елка разряжена, ребячьи шумит. А Галине праздник не в радость.

Двадцать семь лет назад в этот день горе пришло в ее семью: умерла доченька, годика ей еще не было. Выла тогда метель, заметала избы, дороги. Семён не вернулся из города: говорил, дорогу перемело, не пробраться. Кто его знает: догадывалась Галина, что зазноба у него там была, да разве ж теперь это важно? Сыночек-пятилетка мирно спал в постели, а Олюшка как огонечек запылала, задышаться начала. Кинулась Галина с нею до фельдшера, да только так и не добежала по сугробам, не успела... Умерла Олюшка. С тех пор не в чести праздник в их избе. Да только сегодня радость — внученьку единственную привезли, редко Аришка у них бывает. И решила Галина поминальный стол праздничным сделать. Спроведила мужа за елкой, наготовила, осталось Аришке любимых растягаев напечь.

Утомила, присела к окошку, поджидая мужа. Трещат дрова в печке, шумит чайник, щебечет Аришка... Так уютно, так спокойно. Не заметила, как глаза закрылись, уснула Галина...

***

Напоила Аришка кошку, вышла из-за печки, глядь — а бабуся спит. Руки на подоконник сложила, голову на них уронила. Устала, наверное, с утра суетится. А как же растягаи? Побежала Ариша тесто проверить, бабуся говорила — убежать может. А оно и впрямь, крышку на кастрюле подняло, белое, ноздреватое. Потрогала пальчиком — липкое. Погрозила: «Сиди!»

А в тарелке на столе — калина! Ароматная! Попробовала Аришка немножко — сладко. Еще ложку, еще... Как опомнилась — а калины на донышке. Как же теперь растягаи?

«Калина — ягода особая. Летом горькая, зимой сладкая, в лесу птичек в стужу кормит, — вспомнились Арише слова бабушки. — Полезная ягода-калина».

— А пойду да нарву ягод, — решила Аришка. — Сама съела, сама и новой принесу. Я уже большая, почти шесть лет!

Потихоньку, чтоб не разбудить бабушку, напялила шубку, прыгнула в валенки, шапку нацепила — и за дверь.

— Ничего и не холодно, — подумала. Тепло ей, разогревшейся у печки, показалось.

Вышла во двор. «Скрип-скрип», — поет снежок под ногами. Остановилась. «Скрип-скрип» снова.

— Кто там ходит? — крикнула Аришка. В ответ молчок. Неужели, сам Мороз? И впрямь, за углом что-то мелькнуло.

Прокралась Аришка вдоль стены избы, глядь за угол — никого. Только скрипнул снежок. И в ноги что-то ткнулось. Обернулась — а это Жунька, собачонка, обнюхивает валенки, наверное, вкусный запах на них из избы принесся.

— Пойдем, Жуня, со мной, — позвала Аришка. — Может, и дедусю встретим.

Молчит Жунька, только хвостом туда-сюда машет. Глупенькая собачка, не зря дед колокольчиком зовет. «Шуму много, толку мало», — говорит.

Пошла Аришка через огород: лес прямо за ним расстилается. Вышла за ограду, тропинку попробовала валенком — прочная! Дед и на лыжах, и пешком в лес ходит, снегу мало, дорожка крепкая.

— Вперед, Жуня, нюхай, где калина растет!

Солнышко уже за лес прячется, небо красным заполосилось. Тихо. Только снежок хрустит, и кажется, что не только Аришкины и Жунькины следы так скрипят, а словно еще кто третий рядом идет. Вот уже и первые деревья: елочки на лапах снежные шапки держат, кусты припорошены белым. Тропинка раздвоилась — по какой идти?

— Нюхай, Жуня, куда дедуся пошел!

Глупая собачка, вертится на месте. И где ж калина растет? Впереди, вроде, птичий гвалт слышится.

— Пойдем, Жунька, где птичья столовая, там и калина!

Что-то красное мелькнуло за елкой: ну как куст ягодный! Побежала Аришка вперед, запнулась о корягу, упала. Ладочки обожгло снегом: варежки второпях дома позабыла! Пальчики светло. Только сейчас поняла, что холодно! Заколол мороз коленки, защипал щеки. Заплакала Аришка:

— Жунька, Жунька, пойдем домой! Ну ее, эту калину! — а Жуньки след простыл.

Как теперь домой идти? Без собаки, без калины... Мама ругалась даже за потерянные игрушки, а тут — живая собачка потерялась! Как перед бабусей виниться? Катятся слезинки, и тут же теплые дорожки на щеках замерзают, стягивают кожу. Подула на окоченевшие пальчики: ай, сильно замерзли, не отогреваются.

— Дедуся! — закричала Ариша: вдруг услышит.

Но тихо. Только снежок с елки осыпался, пташка испуганно вспорхнула. Оглянулась Аришка: куда идти? И солнышко совсем закатилось, тень из-под каждого куста по снегу стелется.

— Ты чего шумишь? — голос раздался.

Подняла Аришка взгляд — старушка стоит, шубка на ней беленькая, улыбка на лице.

— Ой, ты кто? — испугалась девчушка.

— Я-то? А зови меня Зимушкой! Я деда Мороза нянюшка.

— А разве у него нянюшка есть? Он же старый, — удивилась Аришка, даже плакать перестала.

— А что старый, что малый, — засмеялась старушка, — непослушные все. Вот ты — чего в лесу делаешь? Сегодня праздник, детки по домам сидят, деда Мороза ждут!

Задрожали губы Аришкины: вот-вот заплачет.

— Э, милая, не рассказывай, я знаю! — ласково сказала Зимушка. Руку протянула, помогла подняться. — А пальчики озябли! Держи-ка, — сняла с себя варежки и на маленькие ладошки на-

тянула. Впору варежки Аришке пришлось, теплые, пушистые...

— А разве Зима такая добрая бывает? Я думала, она только морозить умеет, — спросила Аришка.

— Я все умею: и злиться, и доброй быть, — улыбнулась Зимушка. — Есть у меня внучата: Ветер, Мороз, Буран, Вьюга, Снегопад. И у каждого свой нрав. Кто гостит у меня — такое и мое настроение. Бывает, что сестричка Оттепель заглядывает на чашечку чая, а с ней я про все забываю. И, по секрету скажу: бывает, так заболтаемся, что и дядюшка Дождик забежит на огонек!

Под тихий голос старушки не заметила Аришка, как вышли они к полянке. На полянке — домик беленький, ледяной крышей крыт. Вокруг — часток из сосулук. А во дворе на крылечке — Жунька сидит!

— Вот и подружка твоя, — улыбнулась старушка. — Это она мне про тебя рассказала.

— А разве Жуня говорит?

— Говорит, только нужно уметь слышать, — ответила Зимушка. Распахнула дверь ипустила Аришку в дом.

От жарко натопленной печки тепло схватило Аришку в объятья, расцеловало щеки, ножки-ручки отогрело.

— Как же? — удивилась девочка. — Я про снежную Королеву сказку знаю, там холодно, а у тебя, как у бабуся, тепло в доме.

Рассмеялась Зимушка:

— Так то Королева! А я — такая же бабушка, как и у тебя, и мне негоже косточки морозить, я тоже тепло люблю.

Налила чаю, малиновое варенье в блюдечке поставила, конфеты в вазочку насыпала.

— Угощайся, деточка! И зачем же ты за калиной в лес пошла? Калину по первому морозу собирают, а этих морозов уже столько было!

— Испугалась я, что бабушка рассердится, она меня и так сладкоежкой называет, — виновато опустила Аришка глазки, а рука сама так и потянулась за конфеткой.

***

Снится Галине, что идет она по лесу. Снег белый, хрусткий. Вот и любимая полянка ее, летом там земляники видимо-невидимо! Смотрит Галина под ноги — словно бусинки красные — неужто

ягодки? — рассыпаны. Хвать рукой одну — а она капелькой крови растеклась по ладони...

Вздрыгнула Галина и проснулась. Темно в избе. На потолке отблески от печки не видны, как то бывает в темноте, знать, прогорели дрова... Ходики тикают, а сколько на них — не видать. Муж, стало быть, не возвратился еще.

— Ариша! — позвала. — Ты чего в темноте сидишь?

Тихо. Только ходики «тик-так».

На цыпочках прошла в комнату — небось, и Аришка спит. Пусто там. Вздрыгнула, сердце кольнуло. Глядь, а валеночек внучкиных нет! И шубки нет!

«Неужто, снова праздник злую шутку сыграл?», — мелькнуло в голове, пока накидывала шаль. Выскочила во двор, окатило ветром, снежная пыль в глаза брызнула. Куда бежать? Где искать? Темно, следов не видно... Да и были следы если, то поземка к вечеру замела...

Помчалась по улице, к каждой избе подбегая. Праздник везде ждут, веселятся люди. «Не видали девочку?», — спрашивает Галина, стуча в двери. «Не видали!» — отвечают.

Вот и село позади. Домой повернула: а ну, как проглядела? А вдруг в сарай отошла внучка? Любит она курочек просом кормить. И в сарае пусто...

Страшная догадка мелькнула, вспомнился сон. Неужели, в лес ушла?

— Аришаааа!!! — закричала в темноту.

Ветер подхватил слова, закружил... Эхом отозвалось, как насмешка: «Аааа?»...

***

Напилась Аришка чаю, наслушалась от Зимушки сказок. Зазевала.

— Домой хочу!

— Темно уже, — отвечает Зимушка. — Не хочу отпускать! Оставайся у меня, нам весело будет!

— Я к бабуле хочу! — закапризничала Аришка. — И вообще, у меня папа есть, и мама есть... Только они в море купаются.

— А тебя, стало быть, сослали? — улыбается старушка.

Хотела возразить Аришка, да вдруг дверь отворилась. Переступил через порог человек. Щеки красные, борода до пояса, а сам чуть Аришки повыше.

— Ой! — воскликнула девочка. — На деда Мороза похож, только маленький!

— Ничего не маленький, — обиделся человек, — просто так удобно. Думаешь, легко бы мне было большому в дома пробираться, подарки оставлять?

— Я не подумала, — ответила Ариша.

— А вот думать надо, — беззлобно ответил человек. — Значит, я дед Мороз, а ты?

— А это наша гостья, — ответила Зимушка. — А где ты гулял? Пора уже, я вот и мешок приготовила, подарков положила! Разносить время!

Дед Мороз подошел к столу и, пока старушка отвернулась, схватил конфетку и сунул за пухлую щеку. Подмигнул Аришке, ответил Зимушке:

— По лесу гулял. Пришел человек елку рубить, так я его водил-водил по лесу, манил пушистыми елочками. Только он соберется одну срубить — я ему другую покажу, веткой еловой помашу. Он к ней, а я уже за третьей спрятался. Так и гонял, пока человек не выругался. «Что такое, — говорит, — обещал внучке елку самую красивую, а их тут одна другой краше!». Жалко мне тогда его стало, я-то думал, браконьер. У меня у самого внучка есть, Снегурочка...

— А то не браконьер, то мой дедуся! — закричала Аришка. — Я его просила елку принести!

— А сама чего в лесу делала? — спросил дед Мороз. — Я-то за тобой следил немножко. У твоей избы стоял, разглядывал, как лучше пролезть: в окно ли, в трубу ль — чтоб подарочек оставить.

— Ой, домой-то как охота! — воскликнула Аришка. — Ты бабулю мою не видал?

— Видал! Побежала она по дороге, торопилась, — ответил дед Мороз, стаскивая еще одну конфетку.

Зимушка увидела, хлоп его по руке!

— Куда сладкое? Не ужинал еще!

— Конфеты вкуснее, чем каша, — обиделся дед Мороз.

Не слушала уже Аришка их перебранки. До того домой захотелось, что хоть плачь! И заплакала.

— Что такое? — кинулась к ней Зимушка. — Хочешь, я тебе сказку еще расскажу? Или на оленях прокачу: у нас есть олени, настоящие!

Молчит Аришка. Только слезы ладошкой утирает.

— Хочешь, подарок подарю самый-самый? — спросил дед Мороз.

— Домой хочу! — представила девочка, как бабуся растягаев напекла, дед елку нарядил, сидят и ждут ее — и сильнее заплакала.

Почесал дед Мороз бороду, нахмурился...

Проза. Сказка.

— А ну, нянюшка, высыпай подарки! Мешок мне давай!

Заохала Зимушка:

— Сдурел? Ребята ждут ведь! Как же обманешь их?

— Позже разнесу, всю ночь носить буду. А пока взрослым подарю. Им тоже в праздник верить надо. Полезай в мешок! — подмигнул Аришке.

— Не пуцу! — возразила было Зимушка. — Я ее привела, отогрела, здесь и останется!

Но Аришка не слушала старушку, юркнула в мешок. Дед Мороз подхватил его, на спину забросил.

— Да стойте же, — крикнула Зимушка, — гостинцев лесных в дорогу возьмите! За калиной же шла, девонька!..

«Скрип-скрип», — поет снежок. Мешок на спине деда подпрыгивает, укачивает Аришку. Глазки закрылись, заснула она...

***

Вдруг снег повалил. Крупными хлопьями. Упавшие на лицо Галины снежинки плавилась, смешиваясь со слезами. Теперь снег завалит тропинки, и не видно станет, где Аришкины следы...

— Ариша! — закричала Галина в отчаянии. Тихо. Темно.

Упала на снег, зарыдала.

***

Снежок под ногами мягкий стал, рыхлый. Липнет к лыжам. А Семену весело: вон какую елочку для внучки отыскал! Не один час бродил по лесу. Манили его лесные красавицы, смеялись над ним, ветками колючими стыдливо по щекам хлестали, когда ощупывал стволы.

Уже и огоньки села видны, еще немного — и отогреется у печки, под смех Аришки и аханья жены елку нарядят, за стол усядутся. Аришка нарочно утром дольше спала, чтобы ночью рано не ложиться. Сколько лет уже Новый год не гостил в их доме?

«Жить надо настоящим, — подумалось Семёну, — хоть для внучки теперь. Какая у нас радость осталась? Сын — редкий гость. Невестка — что ни говори, чужая. И не станет своей, не захочет. Из иного теста она, не в чести ей тонкими копытцами-каблучками деревенскую пыль топтать. Хоть бы внучку почаще привозили, и то счастье!»

Вот за этими кустами прямая тропинка прямо к огороду своему. И избу видно. Только темные окошки в ней... Веселье выпрыгнуло из Семёна, затерялось в снегопаде, и стукнуло, кольнуло в груди: неужто праздник так и не дошел до их порога?

Темное что-то на пути, вроде, воеет. Ближе подъехал: Галина! Калачиком свернулась на снегу.

— Галюшка, ты чего?

Только рыдания в ответ. Бросил елку, поднял жену: легкая, как пушинка.

— Раздетая вся, — разглядел, что на тонкую кофту только шаль наброшена.

— Нету Аришки! — выдавила из себя Галина, впившись пальцами в шею Семена. — Потеряли внучку! Все мы потеряли с тобой!

Как могла, через всхлипы рассказала свое горе. Хорошо, что темно: не видно Галине, как Семён побледнел. Сжал ее крепче — и к дому. Жену — в тепло, самому скорей фонарь — и в лес.

Падает снег. Заметает следы, хоронит под собой чужое счастье...

У крыльца собачонка залаяла. Учужала хозяев, радуется. Скинул Семён лыжи, запрыгнул на крыльцо. Дверь в сени нараспашку. Он в избу забежал, Галину в темноте на диванчик бросил, выключатель нащупал — а на ногу вдруг наступил ему кто-то.

— Ой, простите! С Новым годом, — шепнул неуклюжий. И дверь захлопнулась. «Еще и воров не хватает!» Щелкнул Семен выключателем, зажмурился от яркого света. Открыл глаза. Галина да диване, головой в подушку... А в ногах у нее Аришка! Спит, клубочком свернулась, в шубке, в валенках. Ручонку в белой варежке под щечку подложила.

— Тише ты! — шикнул жене.

Вздрыгнула Галина, голову подняла — и замерла...

— Дура баба! — шепотом заругался. — Перепугала до смерти! В темноте не заметила ребенка!

А Галина от радости и возразить не может...

Вспомнил Семён про воришку, кинулся во двор: а и следов на свежем снегу нет. По небу улетел вор, что ли? Да до воришек ли сейчас?

— Жунька, глупая собака, плохо сторожишь добро, — укоризненно бросил он собачонке...

Та только взвизгнула в ответ, морду лапкой прикрыла. Поднялся Семён на крыльцо, в сенях споткнулся о что-то: свет зажег — бадейку, оказывается, опрокинул. Из нее бусинки красные по полу разбежались. Подхватил бусинку — а это калина! Сочные, упругие ягоды, будто и мороз их не иссушил.

— Галюша, чего расставила под ногами... — и замолчал, услышав внучкин голосок.

— ...она белая-белая, добрая и немножко страшная. Отпускать не хотела. Говорит: «Старая я бабушка, скучно мне одной». А про тебя подумала, как же тебе скучно одной, и домой запросилась. А дед Мороз понес меня в мешке, я проснулась — а вы дома!

— А может, тебе приснилось все? И сказка эта новогодняя, и дед Мороз? — спросил Семён.

Но Галина на него так посмотрела, что слова застряли в горле.

— А если вы не верите, Жуньку спросите, — продолжала Аришка. — А дед Мороз, он маленький такой, неуклюжий и конфеты любит ...

— Неуклюжий, точно! — вспомнил Семён ночного воришку и отдавленную ногу. — А зачем ты убежала? — все еще не веря тому, что внучка куда-то пропадала.

— За калиной же! — терпеливо объяснила Аришка. — Съела я... испугалась!

— Глупая моя, непослушная, — бабушка сжала ее в объятиях. — Калины я наготовила — до нового урожая хватит...

***

Похрапывает Семён, сопит Аришка... Ходики уже ночь стрелками прогоняют. А Галине не спится. Елку украшает, чтобы внучку порадовать. Растягаи остывают на столе. Чужая бадейка, полная калины, у дверей стоит... Поглядывает Галина на белые пушистые варежки, непонятно, из чьей шерсти связанные — только теплые и легенькие, как перышко. Вдруг показалось, что за окошком снежок скрипнул. Мороз отступил, изморозь на стекле подтаяла — глянула во двор... и правда, тень чья-то метнулась.

Выскочила во двор Галина, только краешек белой шубки за углом мелькнул... Ну и пусть не верит Семён в чудеса! А Галина верит Аришке...

— Спасибо тебе, Зимушка, что вернула мне веру в чудо... Спасибо за сказку для внучки, — прошептала Галина.

В ответ легкий ветерок погладил ее по щеке. Ткнулась в ноги собачонка, твякнула, хвостом приветливо махнула.

А над лесом засветлело новогоднее раннее утро.

Сказка о Кнегше

Ян Ваевский

- Деда, а, деда, расскажи сказку.
- Так рассказывал уже.
- Да не эту, другую... про Кнегшу.
- Эх, давно это было, да и не сказка вовсе...

Вздыхает дед, глядит на пострелов, что у очага собрались, подбрасывает поленья. Зима нынче морозная выдалась, вон как трещит за окнами, лютует. Повадились мальцы, чуть батьки из дому, так сразу к деду Векше — сказки слушать. И никакой мороз не страшен. Вбегают в избу раскрасневшиеся, облачка пара за собой несут. Батьки-то зверя набили, да пушнину по первому снегу на ярмарку повезли. Ну а деток, понятное дело, к старикам: пуцай присмотрят. Сидит дед Векша у огня, бороду оглаживает. Только взгляд совсем тоскливый. А пострелы, знай, просят да уговаривают...

Давно это было. Случилось в пору зимнюю двум братьям в лес пойти — на зверя поохотиться. Прошлись по силкам да ловчим ямам, набрали зверя много. Глубоко в чащу зашли по старым меткам охотничьим. Молодые да ранние — старшему только осемнадцатый год пошел. Леса не боятся, всё друг перед дружкой храбростью хвалятся. Видать, осерчал лес на хвастунов-то, напустил вьюгу лютую. Заснежило-закрутило, заметило, все тропки-дорожки снегом укрыло. Не заметили братья, как день-то кончился, спустилась ночь. Растянуло тучи с неба, звездами тёмную синь усыпало, месяцем полным снега высеребрило. За месяцем ясным и мороз ударил, заскрипел дубами сизыми, закряхтел осинами да соснами. Заблудились братья. Разожгли костёр, руки окоченевшие к огню тянут, греются, изморозь с

бровей да кудрей смахивают. Сидят, думу думают, как из лесу-то выбираться.

— Не горюй, Кнегша, вот солнце ясное взойдёт, найдём обратный путь. Зато, смотри, сколько зверя набили!

Бодрится старший брат, младшего по плечу хлопает. А тот и не сник вовсе. Смеётся.

— Экий ты, Векша, пугливый. Смотри-ка, красота какая...

И только Кнегша это сказал, повёл рукой на серебро сугробов, как к костру вышла девица. Да такая красавица, что у обоих братьев речь отнялась. Как позабыли, что в лесу сидят, утра дожидаются. Откель только взялась. Старшой совладал с собой, поднялся, поклонился, пригласил к костру:

— Да никак заплутала! Не дело это, девицам ночью в лес ходить.

— Полозья в санях подломились, вот починил бы кто, — молвила девица, что жемчугом просыпала. Кнегша аж вскинулся, очнулся. Во все глаза глядит на красавицу, на очи синие да косы белые, причудливые, до земли вьющиеся, что змеи живые. Стоит девица, ухмыляется, ладошки в рукавах шубы прячет. А шуба-то непростая, серебром заткана да мехом лиса белого подбита, вместо шапки — корона звёздная. Пряма не девица — княжна!

— Чего ж не починить, — поднялся Кнегша. — Дорогу сказывай.

А брат его одергивает да в ухо шепчет:

— Где это видано, чтобы девицы ночью по лесу гуляли? Небось, сама Вьюжица к нам пожаловала.

— А хоть бы и Вьюжица, всё одно девица. Сани-то починить надобно. Негоже молодцам от дела бегать.

Да и пошел за ней. Остался Векша у костра один. Только не сдержался, побежал за братом. Выходит на поляну, глядь: стоят сани, серебром кованные, мехом усталанные. Такие и у князя не увидишь. А кони-то какие... У Векши аж глаза заломило: буйные рысаки по снегу вытанцовывают, на месте не стоит. А сами белые, что снег, и гривы хрусталём светятся. Вот только сбруи на конях нет. Как только сани волокут?

Поладили братья полоз сломанный. Благодарит их Вьюжица, спрашивает, чего за помощь надобно.

— Дорогу бы домой, — отвечает Векша. А Кнегша всё глядит да помалкивает.

— Раз дорогу, так дорогу. Подвезу до опушки.

Не успели братья оглянуться, как и околица уж показалась, словно и чащи не было. Векша возрадовался, брата за руку тянет, мол, домой пошли, и так до костей продрогли. А тот словно примёрз, стоит, глаз отвести от Вьюжицы не может.

— Вот осьмнадцать годков исполнится, так приходи, — засмеялась Вьюжица, вожжами невидимыми свистнула да и скрылась в лесу, словно не было.

Вернулся домой Кнегша, закручинился. Батяка с мамкой радуются, что сыновья вернулись да ещё и зверя богатого добыли, будет с чем на ярмарку ехать. Радует и Векша, что из лесу ночного вернулся целёхонек. А Кнегша всё сидит на лавке да в окно поглядывает. Словно ждёт чего-то.

За зимой весна пришла, снега разбила, а за ней и лето зазолотило нивы. По осени женился Векша, пришло время. Да и девица справная сыскалась — певунья Заринка. Свадьбу играли всей деревней. Знатным охотником стал Векша, а уж работающий! А на Кнегшу поглядывают да головой качают: уж срок весь вышел, по следующей осени жениться, да только кто ж пойдёт за такого? Невесел Кнегша, работа из рук валится. А в лес пойдёт, так вернется с пустыми руками. Только кручинится всё больше. Махнули рукой на младшего, авось отбросит тугу лютую, а то ведь первый балагур был, все девки по нём сохли.

Не изменился Кнегша. Чуть первый снег пошел, так и попрощался с родными, взял краюху хлеба да и ушёл по вечеру, едва Векша на ярмарку уехал.

Вернулся Векша — нет брата. Батяка с мамкой глаза отводят: не удержали. Так и сгинул Кнегша без вести. И с той поры в зимнюю ночь в лес ходить заказано.

— Деда, а чего с Кнегшей-то случилось? Вот никогда не рассказываешь...

— Так знамо дело, что. Сманила его Вьюжица да заморозила.

— А разве она злая?

— А поди знай, чего на уме у ней.

Смотрит старик, а пострелы-то спят. Лишь один Лешка глазами светит, на деда поглядывая.

— Спи уж, пострел, а то всех перебудешь.

Да только не спится мальцу. Выждал он время, пока дед захрапел, схватил полушубок, да и за дверь. Выбежал за околицу, отдышался маленько да и побрёл к лесу. Раз дед не рассказывает, решил сам разузнать всё. И не страшно мальцу, и не холодно, хоть и мороз трескучий инеем на бровях оседает. Скрипит снег под ногами, разлетается пугливыми искорками из-под валенок. Недолго шел Лешка. Только зашел на опушку, так и обмер: стоит на тропке девчушка. Махонькая совсем, в белую шубку завернута, одни глазищи синие светятся. Увидела Лешку, рукой замахала приветливо. Из пушистого ворота улыбку показывает.

— Ты... чья такая будешь? Заплутала, что ли? Давай домой провожу, тут до деревни рукой подать, — опомнился Лешка, направился к девочке.

— Чья? Так тятина, — смеется девчушка

— А тятя-то кто? — растерялся Лешка, не видел он в деревне этой девочки. Может, от обоза отбилась? Да всё едино, староста разберётся, ежели имя родителя узнает.

— Тятя? Так тятя и есть.

— А зовут-то его как?

— Так Кнегша.

Смеётся девчушка, а Лешка обмер весь. Так и простоял бы невесть сколько, да только на тропку вышел дядька. Да не простой. Высокий да плечистый — таких богатырей уж точно нет в деревне. Да и оджд подобных Лешка даже у заезжих купцов не видывал: серебром шуба тканая, да шапка лисья, белая, сапоги узорчатые, сафьяновые. Не мужик, а прям князь какой-то. Только вот молодой совсем. Губы в суровую ниточку сжал, а глаза всё равно смеются.

— Снежица, вот ты где. А я уж обыскался. Говаривал же, не ходить к опушке.

— Ой, тятя... — девчушка голову в плечи вжала, а сама хохочет, словно колокольцы по снегу сыплет.

Поглядел он на Лешку, головой покачал.

— Не ходи зимней ночью в лес.

Взял Снежицу за руку да повёл с тропки. Лишь оглянулся и добавил:

— Исполнится осьмнадцать годков, тогда приходи.

Щука

Борис Богданов

Один менеджер по продажам по имени Емельян очень любил зимнюю рыбалку.

Что же может быть лучше, чем с вечера собрать снасти и амуницию, выложить на ближнюю полку в холодильнике купленного заранее мотыля, двух-трёх разных размеров, если получится. Спать лечь пораньше, не включая телевизора, чтобы утром спокойно проснуться, встать рано-рано, плотно позавтракать, поцеловать спящих жену и детей, завестись и любовно прогреть железного коня и отправиться!

Ехать пустынным городом и вырулить на загородное шоссе, приопустить стекло, чтобы морозный воздух тонким жалом вспарывал тепло салона. Включить любимую музыку, не тихо и не громко, а так, в самый раз, чтобы подпевать и вместе с исполнителем слышать эхо собственного голоса. Так ехать, пока не поблекнет зайчик фар на заснеженной дороге. И, когда сказочные замки вдоль шоссе превратятся в заснеженные кусты, съехать на заветную грунтовку, а там останется минут двадцать всего!

Миновать три деревни и в четвёртой заглушить мотор у крайнего дома, и раскляняться с хозяйкой, вылитой ведуньей из сказки. Переобуться, достать заслуженный, отцовский ещё ящик и по узкой, подписанной собаками тропинке спуститься к речной излучине. Там, проламывая наст лохматыми унтами, выйти на свободный от снега лёд и сделать первую лунку!

Насверлить потом ещё с десятков, задерживаясь у каждой на пять минут, и две проводки, чтобы найти, наконец, ту яму, или тот подводный бугор, где ждёт сегодня добыча. Поставить палатку, запалить спиртовку, сесть и отринуть суетное!

Верно. Лучшего не придумано еще. Есть, конечно, чудачки, лезущие в горы. Народ упёртый и увещаниям не поддающийся. Теперь Емельяну они смешны, хотя пытался раньше спорить. Да разве таких убедишь?

Рыбалка — редкая радость, и поэтому ловил Емельян всегда один. Ведь если напарник, тем более, компания, то обязательно и водка. А где водка, там не рыбалка уже — обычное застолье, только на льду. Ещё хуже, если спутник — твой клиент. Значит, нет отдыху, значит, работа и только работа.

Емельян не принимал от клиентов приглашений порыбачить. Никогда. В ресторан — пожалуйста, на шашлыки — сколько угодно, рыбачить — ни-ни! За неделю до поездки начинал обзванивать:

— Олег Васильевич, приветствую! Последняя поставочка наша как? Нормально? Угу, да, хорошо. Я к чему — в воскресенье не выйдет. Извините, совершенно не получается. Да. Вот недели через две.... Да? Ну и отлично! Всего хорошего. Супруге привет!

Или:

— Эндрю? Да, здорово! По воскресенью — отбой. Да ничего особенного, голос меня твой утомил: каждый день по десять раз болтаем. Ну, прямо, прямо.... А это ты зря. Следующий четверг тебе как? Ничего, начальству напойшь чего-нибудь. Мне тебя учить? Ну, всё, отбой!

Или даже:

— Антон Михайлович! Ты когда, сякой-разэтакий, деньги отправишь? Не знаю, забота не моя. Денег нет — и пьянки нет. А? А тогда и подумаю. Чао!

И такое же подобное в десятке вариаций.

Клиент, особенно хороший и давний, простит и панибратство, и грубость даже, шуточную, но не простит невнимания.

Вот и получается: раздрают клиенты Емельяна на части. Никакой личной жизни, никакого отдыха.

Но сегодня — праздник тишины!

Слегка дрожит на ветру ткань палатки, закипает кофе. Щепотка прикормки опустилась на дно. Осталось только ждать, покачивая удочкой, поддразнивая подлёдных жителей...

Шевельнулся кивок. Подсечка! Приятная тяжесть в руке. Не торопясь, Емельян стал выбирать леску. Вот заблестел в темной воде рыбий бок, но ... чёрная тень метнулась из-под льда. Удар!

Руки сработали сами. В дело пошёл маленький багорик, и вот она лежит на льду, разевая зубастую пасть, — речной волк, полосатая тёмно-зелёная щука!

— Как это? — застыл Емельян в удивлении, рассматривая тонюсенькую леску. — На такую — как?

— Привычка, братан, — сказала щука, вращая глазом, — на плотвичку позарилась!

— Здравсте... — сел Емельян в ледяную лужу.

— И тебе того же, — щука ударила хвостом. — Условия помнишь?

Назад Емельян ехал в обалдении. Багажник был забит свежей рыбой. Не мелочью всякой — подлещиками да окуньками — лещи. Да такие, каких Емельян и не видел никогда. Судачки с язями! И толстый сом. «По щучьему велению...», — очумевшие рыбины полезли из лунки, как джем из пакета, когда надавишь на него слишком сильно.

Чувствовал Емельян себя странно. С одной стороны, гордился и представлял, как покажет улов жене, как она сделает большие глаза и скажет: «Да-а, я-то считала, ты от меня на речку сбегашь!» А сын с дочкой обрадуются и потребуют запустить в ванну, чтобы

плавали, и будут смотреть, как шевелят плавниками вальжные лещи, каждый с блюдо. И чтобы можно было опустить руку и погладить рыбину по узкой спине.

Но понимал в то же время, что заслуги его в улове нет. Не считать же таковой щучью привычку и умение обходиться с багром?

Это противоречие, эта разница между законной гордостью добытчика — мамонта с охоты притащил! — и незаслуженностью, случайностью, незаработанностью — мамонт сам упал с утёса и убили, — сидело в сознании занозой и не давало покою почти всю дорогу.

Не доезжая до дома несколько кварталов, Емельян, запутавшись в ощущениях, решил: «Куда мне столько рыбы?» — и сгрузил улов в сугроб, оставив только сома.

Но всё равно остался рыбалкой недоволен.

Супруге свой кислый вид объяснил больной головой, а скоро от детских восторженных взвизгов и впрямь заболел.

Жареного сома ел без удовольствия, хотя жена старалась. Чем её, понятно, обидел, но объясняться и извиняться не было сил.

Назавтра, придя на работу, обругал за чем-то народ в курилке и был изобретательно обозван в ответ.

«Что такое делается?» — задумался Емельян, включая компьютер, но позвонил один из покупателей, и сразу всё завертелось так, что стало не до посторонних мыслей.

Понедельник — день тяжёлый, говорят. И связывают этот факт с неумеренными возлияниями в выходные. Правда это или нет — неизвестно, только к вечеру Емельян едва таскал ноги. Голову залил чугун, задурили бессчётные чашки кофе, но стопка договоров, ожидавших проверки и правки, даже и не думала уменьшаться.

И Емельян решился. Оглянувшись — не смотрит ли кто — и, прикрыв рот руками, он прошептал: «По щучьему велению, по моему хотению — заполняйте договора сами!»

Прошелестели, раскрывшись веером, бумаги.

Файлы-исходники заполнили монитор, побежал, прыгая из окошка в окошко, курсор,

методично заполняя цифирью нужные места. Загудел принтер, красная лампочка замигала. Тут же лягушкой вспрыгнула на стол пачка бумаги, распаковалась, завозилась, умащиваясь в приёмном лотке. Индикатор удовлетворённо позеленел, принтер ухнул сыто и начал выплёвывать готовые страницы!

Не успела остыть бумага, как каравеллой приплыла по воздуху коробочка с печатями. «Юрист — согласовано» легло на первый договор, «Финдиректор — согласовано», «Бухгалтерия — согласовано» и другие, столь же важные. Подперев рукой ослабевшую челюсть, Емельян смотрел, как впиваются в бумагу печати, как из ничего появляются визы, как чистая ещё недавно бумага сама, безо всяких усилий с его стороны становится документом!

Готовое тоже не залежалось. Запел факс, глотая бумажную стопку лист за листом: один, второй, третий, двадцатый.... Всё! Договоры поправлены, подписаны, разосланы. Аккуратно сложились в стопочку и в папку «Генеральному на подпись» улеглись.

Уфф!

Как же хорошо, что вечером сидеть не пришлось!

С такими мыслями Емельян не ехал домой — летел. Жену по приезду закружил, зацеловал и дождался-таки согласного щелчка в нос.

«Не поменять ли ласточку? — пришло ему в голову утром, как выкатывал машину из гаража. — По щучьему велению, — Емельян выбрал наилучшую из пришедших в голову тачку, — такую хочу! Да чтобы все документы в порядке были!»

Новая машина — новые ощущения, и подъехал Емельян к конторе сам не свой чуток. На первом этаже, где располагался склад, против обыкновения — ведь новогодние праздники уже прошли — царили оживление и суета. Деловитые грузчики радостно выкатывали тележки с товаром, бегали экспедиторы и кладовщики. Офис — напротив — встретил его похоронной унылостью. Секретарша директора, встретившаяся в коридоре, ойкнула, сделала круглые глаза и испарилась.

«Что случилось? И зачем мне вообще работать, когда...» — Емельян не успел додумать эту резонную мысль, когда за локоть его цепко прихватил татуированными пальцами АлАлыч, главный конторский безопасник, и со словами «Пойдём, голубы!» повлёк в кабинет генерального.

— Явился, голубчик! — АлАлыч усадил Емельяна напротив директора и сам встал рядом, за спиной.

— Оставь свои замашки, — генеральный сморщился. — Видишь, человек не в курсе. Работать пришёл, а ты...

— Точно, Семёныч, не в курсе, — АлАлыч приобнял Емельяна за плечи, — посмотри лучше, на чём он приехал!

— Шайтан-арба, — директор долго стоял у окна, крутил головой, цокал языком, — однако! Ведь ты нам объяснишь всё, да?

— Да что случилось-то?! — Емельян попытался встать, но АлАлыч держал крепко.

— Ты готовил? — директор взвесил в руке давешние договоры. — Вот и объясни. До вечера управишься?

— А я прослежу, — добавил Алыч. — Куда ты? — добавил укоризненно, когда Емельян, забрав пачку, попытался было ретироваться из кабинета. — Здесь удобнее...

К чести Емельяна, можно сказать, он не стал расшвыривать присутствующих по сторонам (для щучьего веления это запросто), но сел и погрузился в документы. Хотение подождёт, надо же и разобраться.

Он очень быстро понял, что с экономикой и юриспруденцией щука не дружна. То же касалось и арифметики, да и, вообще, наверное, всех наук. Красивые цифры, которым он так радовался вчера, оказались расставлены как попало. Теперь контора несла огромные убытки. Видано ли дело — беспроцентный кредит на пять лет. На сумму? Ох... Емельяну стало неуютно, он чуть не со слезами умиления посмотрел на АлАлыча, усевшегося напротив. Привёл вежливо, нет, в самом деле, вежливо, разговаривает... Он бы, Емельян, сначала удавил молодца, допустившее это, а думал бы уже потом.

Проза. Сказка.

Через три часа Емельян был готов. Выпил полдюжины чашек крепкого, из директорского запаса, кофе, выкурил под бдительным оком Алыча десяток сигарет, выписал на лист бумаги «Список необходимых мер по решению проблемы», набрал в грудь воздуха — и пожелал!

Утверждают, что соломина ломает спину верблюду, а песчинка останавливает точный часовой механизм.

Емельян швырнул в куранты экономики ведро щебня.

На скользком льду хорошо бить рекорды. Если лёд слишком скользок — можно положить ноги.

Емельян залил пяточок экономического катка маслом дармовых денег.

Вот и полетело всё кувырком, вот и посыпались, цепляя друг друга, бизнесы!

Всю последующую неделю он латал прорехи, результат щучьей учёности и собственной торопливости. Гасил пожар ударными дозами керосина. Биржи качнулись. Цены

рванули вверх, народ побежал в банки забирать накопления, отчего банковская система пошатнулась и накренилась. «Кризис», — сообщили глубокомысленно новостные агентства.

Емельян переселился в контору, пожелал генеральному и Алычу долгого экзотического путешествия и въехал в директорский кабинет. Каждый его шаг лишь ухудшал дело. «Ручное, тра-та-та, управление!» — ругался Емельян, глядя тупо в монитор. Когда изменения и неуверенность докатились до нефтянки, ему стало совсем кисло.

Емельян был в коридоре, когда в кабинете рванула граната, выпущенная из подствольника с крыши соседнего дома. Дверь вылетела, едкий дым пополам с пылью заполнил этаж. Заорала пожарная сигнализация. Полилась с потолка вонючая водица из противопожарной системы. Минуту спустя закурлыкал телефон.

— Верни деньги, сука, — сказали в трубке глумливо, — иначе детей и жену по частям получать будешь!

Емельян в горячке хотел было пожелать абоненту того же, но нашёл силы остановиться. Очень не хотелось быть похожим на тех. «До чего довела, проклятая рыба! — ругался он, оскальзываясь на бетонной крошке. — Что же делать? Не оставят ведь в покое. И сам дурак — про своих не подумал, забыл!»

Душили кашель и обида. Как лучше хотелось! Панические крики сотрудников мешали думать.

Дворцы в один миг взметнулись в экваториальное небо. Корты и бассейны чередовались с пляжами и тайными гротами. Метрах ста от берега воздвиглась титаническая дамба. Сын и дочка восторженно носились между пальмами по белому песку, тревожили ленивых черепах и поднимали тучи брызг в полосе прибой. Не в силах ответить на вопросы жены и других взрослых родственников: «Как мы все тут оказались?! И зачем?!» — Емельян спрятался на вершине исполинской башни, заперевшись на все замки.

На третий день после бегства с обзорного балкончика он увидел звенья истребителей над авианосцем ВМС США «Авраам Линкольн». На полной крейсерской CVN-72 приближался к островку, продавливая Тихий океан всеми своими ста тысячами тонн.

— Как вы все меня достали! — простонал Емельян. — По щучьему велению, по моему хотению — верни всё обратно!!!

— ..., — щука ударила хвостом. — Условия помнишь?

— А то! — ответил Емельян, роясь в ящике. Где-то в его недрах лежала длинная, острая, замечательно стальная сапожная игла...

А ещё лучше — возвращаться домой с честно добытым уловом. Посидеть сначала в тёплой машине, следя лениво, как проясняются запотевшие стёкла. Переждать боль в согревающихся пальцах, врубить первую и под хрипчатый бардовский голос неторопливо преодолеть ухабистую дорогу!

Выехать на шоссе и мчаться к городу под темнеющими небесами, и предвкушать. Миновать счастливо воскресные вечерние пробки, запереть ласточку в гараже — пусть отдыхает, поработала на славу. Завалиться в квартиру, предъявляя с гордостью результаты, расцеловать чад и жену, умыться и сидеть на кухне, в сладкой истоме наблюдая за кулинарным священнодействием!

Доедая божественную щуку в соусе из хрена, позволить себе одну рюмку водки. Больше никак: ведь супруга ждёт!

Потом, перед сном, наметить планы на понедельник. Он на хорошем счету, и доверие нельзя обмануть!

Здесь можно летать

Татьяна Богатырева

Эта история началась в сонном Литтлбурге в три часа пополудни.

Солнце сияло, чирикали воробьи, прыгая по первому снегу. Карина шла домой из художественной школы. Папка с акварелями под мышкой, на щеке — зеленое пятнышко: рисовала весну, а может, счастье.

Перейдя по горбтому мостику ручей, она на миг замерла: только что между кондитерской и парикмахерской была гладкая каменная стена, и вот, стоило сморгнуть солнечный зайчик — деревянная дверь с табличкой и кованое серебристое слово "Лавка". А под вывеской — витрина: на мшистом бархате — золотой соловей, остроносые туфли, пожарная каска с надписью «451», курительная трубка, скрипка, рукоять от меча и множество прочих странных вещей. В углу черный толстый кот возился с примусом, рядом крутился старинный глобус, у лап кота лежало хрустальное яйцо. В нем что-то переливалось, притягивало... уткнувшись носом в стекло, Карина вгляделась — и мерцание приблизилось.

Словно она заглянула в чье-то окно: посреди комнаты стояла башенка из кубиков, зубчатых колесиков и золотистых шоколадных оберток. В комнату заходили странно одетые люди, разговаривали, махали руками. Гости то вынимали из основания кубик, то клали поверх кактус в горшочке, нацепляли погремушки или переворачивали башенку вверх ногами. А солдат в старинном мундире все поправлял и поправлял ее. Он совсем не обижался: улыбался каждому гостю, хотя от его

игрушки почти ничего не осталось.

Но вдруг, пока юноша с острыми ушками вертел и перебирал пирамидку — в его руках она загадочным образом становилась все красивее — хозяин игрушки обернулся. И посмотрел в окно.

— Ах! — Карина отпрянула от витрины и потерла покрасневший носик. Взглянула на часы, прижала к груди папку и побежала домой.

До следующего урока рисования Карина не приходила туда. Только думала иногда: а была ли лавка? Может, приснилось... Но пойти и проверить опасалась. Вдруг на самом деле приснилось?

Через два дня лавка оказалась на месте. Все так же сверкала вывеска, а на двери висела табличка "Приходите завтра". И яйцо ждало на витрине.

С тех пор Карина трижды в неделю заглядывала в хрустальный город. Яйцо показывало то заснеженные улицы и парки, то гостиные и мастерские. Иногда горожане собирались на площадях, резали скульптуры из льда или строили снежные крепости. Временами случались драки и ссоры, а пару раз Карина видела, как в укромных уголках целуются парочки.

Вскоре Карина стала слышать, что они говорят, и выучила многих по именам. Выучила, из чего они делают игрушки, к кому ходят в гости. Она привыкла к странному виду горожан: принцессы и пираты, волки и цапли, эльфы и командос — словно школьники на рождественской вечеринке.

А еще Карине хотелось в город.

Прогуляться по белоснежным улицам, заглянуть в клуб или в кафе, познакомиться... горожане, хоть и спорили, и даже иногда ломали чужие игрушки, казались очень дружными.

"Вот бы мне таких друзей, — думала Карина. — Может, и я бы сделала игрушку?"

Так прошел месяц. Приближалось Рождество. Литтлбург по вечерам нарядно светился, подружки обсуждали будущие подарки. Карина же хотела только один подарок: хрустальное яйцо. И в сочельник...

— Здравствуй! — раздалось от двери лавки.

Карина чуть не подпрыгнула: к ее витрине никто никогда не подходил. А тут — вдруг!

— Здравствуйте, — ответила Карина закутанному в яркий клетчатый шарф мужчине.

— Хочешь зайти? — улыбнулся он, открывая дверь в лавку.

Карина только кивнула в заснеженную спину и вошла вслед. Она остановилась, не решаясь углубляться в сумрачные дебри стеллажей и коробок. В глубине лавки потопало, покряхтело и раздалось одновременно со вспыхнувшим светом:

— Ну что же ты, заходи! Уже выбрала?

Из-за стойки с куклами — гномами, слонами, барышнями, мушкетерами — вышел худой носатый парень. Он подслеповато щурился, протирая круглые очки краем шарфа. С черных вихров капал растаявший снег.

— У меня нет денег, — попятилась Карина. — Я... в следующий раз!

— Да? — продавец подмигнул. — Может, хоть что-то есть?

Карина уже уперлась спиной в дверь, когда нащупала в кармане кругляш. Вчера она нашла монетку на улице, рассмотрела — старая, в магазине не возьмут — сунула в карман и забыла.

— Вот, есть... — она достала монетку. — Только...

— О, настоящий пфенниг! — просиял парень. — Так что хочешь? Может, этого дракона?

Он снял с полки изумрудного ящера, тот подмигивал, шевелил хвостом и вздрагивал стрекозиными крыльями.

— Или вот... — поставив обиженного дракона обратно, показал огромную книгу в потертом кожаном переплете. — С картинками...

Карине хотелось все: и дракончика, и книгу, но она помотала головой.

— Не нравится? — расстроился продавец. — Может, вот эти часы? Или оловянного солдата?

— А можно... — прошептала Карина.

— Конечно можно! — перебил обрадованный продавец. — Все, что хочешь!

— Там, на витрине... яйцо...

— Яйцо, яйцо... а, да! Сейчас!

Он зацепился шарфом, выдернул его из-под лапы дракончика — Карине показалось, что ящер зашипел — и принялся шуровать в витрине. Наконец извлек хрустальное яйцо и победно протянул ей.

— Держи!

— А... точно... — засомневалась Карина, принимая шар в ладони. Яйцо оказалось теплым и словно живым: внутри него что-то пульсировало.

— С Рождеством! — продавец сиял.

— Спасибо! Вы так добры, — бормотала Карина. Ей уже не было дела ни до продавца, ни до лавки...

Карина несла хрустальное яйцо в ладонях, не в силах оторвать от него взгляда. Там, внутри, виднелся маленький город: площади и парки, домики и башенки. Теперь это был ее город.

Порыв ветра сыпанул в глаза снегом. Промелькнула размытая тень, толкнув Карину.

— Ай!

Она поскользнулась, но не упала: ее поймали сильные руки.

— Осторожно! Не ушиблась? — послышалось над ухом.

Протерев замерзшей ладонью глаза, она увидела юношу: мохнатые острые уши, темные локоны и клыкастая улыбка.

Карина зажмурилась и помотала головой.

— Эй, ты чего? — обеспокоенно спросил эльф.

— Снег, — робко улыбнулась Карина и вздрогнула: яйцо! яйцо пропало!

Она огляделась. По брусчатой мостовой мела поземка, кукольные домики светили окошками, луна и гвоздики-звездочки подмигивали с бархатного неба. Елочки у дверей сияли фонариками. А яйца — не было! Только папка с акварелями под ногами.

— Твое? — эльф подхватил папку и протянул ей. — Что случилось?

— Оно пропало...

Карина прижала папку к груди и почувствовала, что сейчас заплачет.

— Опять гоблины! — рыкнул эльф.

И тут Карина испугалась: улица озарилась мертвенно-зеленым светом, из-за елочки порскнуло нечто паукообразное, размером с овчарку. На месте эльфа выросло чудище и бросилось на гоблина, вприпрыжку удиравшего по улице. В лапках неуклюжего существа Карина заметила свое сокровище.

Раздался короткий визг, полыхнуло зеленым, и снова перед ней был тот же эльф и та же улица. Только поземка заметала темное пятно на месте гоблина.

— Вот, держи, — вручил ей яйцо и улыбнулся смущенно. — Испугалась?

Дрожащая Карина помотала головой и храбро взглянула в глаза, все еще отсвечивающие зеленью.

— Спасибо... э...

— Риелинн. Можно просто Лин.

— А я Карина. Кто это был? И куда делся? И...

— Давай сначала поищем твой дом. А потом все расскажу. Хорошо?

Лин осторожно взял ее за руку.

— Но у меня нет дома.

— Есть, — ободряюще улыбнулся эльф.

— Раз ты тут, то и твой дом тут. Иначе не бывает.

Дом нашелся быстро: маленький, под черепичной пестрой крышей, с ажурными перильцами у крыльца. На балкончике сияли гроздья фонариков. Стоило Карине подойти, зазвенел колокольчик, и дверь распахнулась.

Как хорошо воспитанная девочка, она пригласила Лина на чай. Домик словно ждал ее: аккуратный, с деревянными стенами, зеленью в горшочках и цветными лампами. На кухне уже пыхтел чайник, и благоухало имбирное печенье.

За чаем Лин рассказал, что все жители попадали в город Фей, получив особенный подарок. Жили, выросли, делали игрушки. По ночам игрушки забирали феи и относили в большой мир, детям. А сами горожане забывали о доме сразу, едва стоило попасть в город.

— Но... я же помню! И дом, и маму, и...

— Карина поглядела на папку с рисунками.

— И ты помнишь.

Она недоверчиво уставилась на эльфа.

— Да, все Дворники помнят, — улыбнувшись удивлению Карины, Лин продолжил. — Когда-то давно Волшебник-С-Метлой основал Орден Дворников: тех, кто помнит, он учил не только делать игрушки, но и защищать город от гоблинов и троллей. Ведь не всем детям достаются добрые и красивые подарки, бывают подарки злые и страшные. Это тролли и гоблины воруют игрушки, портят, коречат, а потом подсовывают вместо настоящих. Когда в город приходит новый житель, гоблины

пытаются украсть подарок, и тогда житель сам становится гоблином. А иногда горожанин теряет или продает свой подарок, и потом делает игрушки ни добрые, ни злые, пустые. И сам делается несчастным и пустым.

В тепле и уюте нового дома Карина ежилась и прижимала к себе хрустальное яйцо. Она представляла, как стая несчастных злых гоблинов утаскивает ее в холодные темные подвалы, как у нее отрастают паучьи ножки в серой шерсти...

— Я не хочу стать пустой. И не хочу быть гоблином!

Она передернула плечами.

— Гоблином ты не станешь, — утешил ее Лин. — И твой подарок никто не сможет украсть.

— Лин, а я смогу вернуться? Мама волнуется...

— Не волнуется. Ведь ты уже дома.

Он улыбнулся и кивнул на яйцо.

Карина заглянула внутрь... и увидела себя: вся семья собралась за праздничным столом. На миг ей стало грустно. Они там — а она здесь, одна.

— Ты не одна. Ты среди друзей.

И тут в дверь постучали и загомонили на разные голоса:

— С праздником!

— Открывайте, мы пришли!

Кто-то запел рождественский гимн, другие подхватили.

— Добро пожаловать в город Фей!

Горожане кричали, смеялись и размахивали еловыми ветками.

Карина передумала грустить и пугаться: это всегда успеется, а вот удастся ли еще раз встретить Рождество в такой интересной компании?

Удалось. Она подружилась с Солдатом, Клио и остальными горожанами. Следующее Рождество и еще много-много праздников она встречала с новыми друзьями. Они научили ее делать игрушки — красивые и

Проза. Сказка.

добрые. А еще Карину приняли в Орден Дворников...

Однажды, когда город запел фонтанами и расцвел весенними цветами, Карина шла в гости. Она несла большой торт с цукатами — такой, как готовила мама, а теперь и сама Карина — и плюшевого зайца в подарок Лину на день рождения. И вдруг увидела, как посреди улицы закрутился вихрь из лепестков сирени. Из вихря вывалился мальчик, и тут же из кустов выскочил гоблин и побежал к новенькому.

— Ну-ка, кыш! Ррр! — зарычала Карина и грозно топнула ногой.

Удивленный и испуганный мальчик обернулся, а гоблин подпрыгнул от неожиданности и нырнул в сточную канаву. Карине на миг показалось, что день позеленел... но она тут же об этом забыла:

успокаивала новенького, рассказывала о городе. И, конечно, повела с собой в гости.

Весь вечер в доме Лина царило веселье. Чуть не все жители города зашли поздравить эльфа, пожелать счастья и угоститься тортом, хватило всем, ведь в волшебном городе и торты волшебные. Они принесли целую гору подарков — гора еле уместилась в гостиной.

А когда гости разошлись, друзья затащили Карину в мастерскую и вручили Дворницкую метлу.

— Мне? Но...

— Поздравляем! — смеялась Пушинка.

— Ты, оказывается, Химера! — радовалась Клио, охотившаяся на гоблинов в виде огромной кошки.

— Теперь ты Дворник. А я не один такой чудовищный, — засмеялся Лин.

— Но как же... — смутилась Карина и

вспомнила: увидев гоблина, она чуть не взлетела! И зеленый свет... — Откуда?

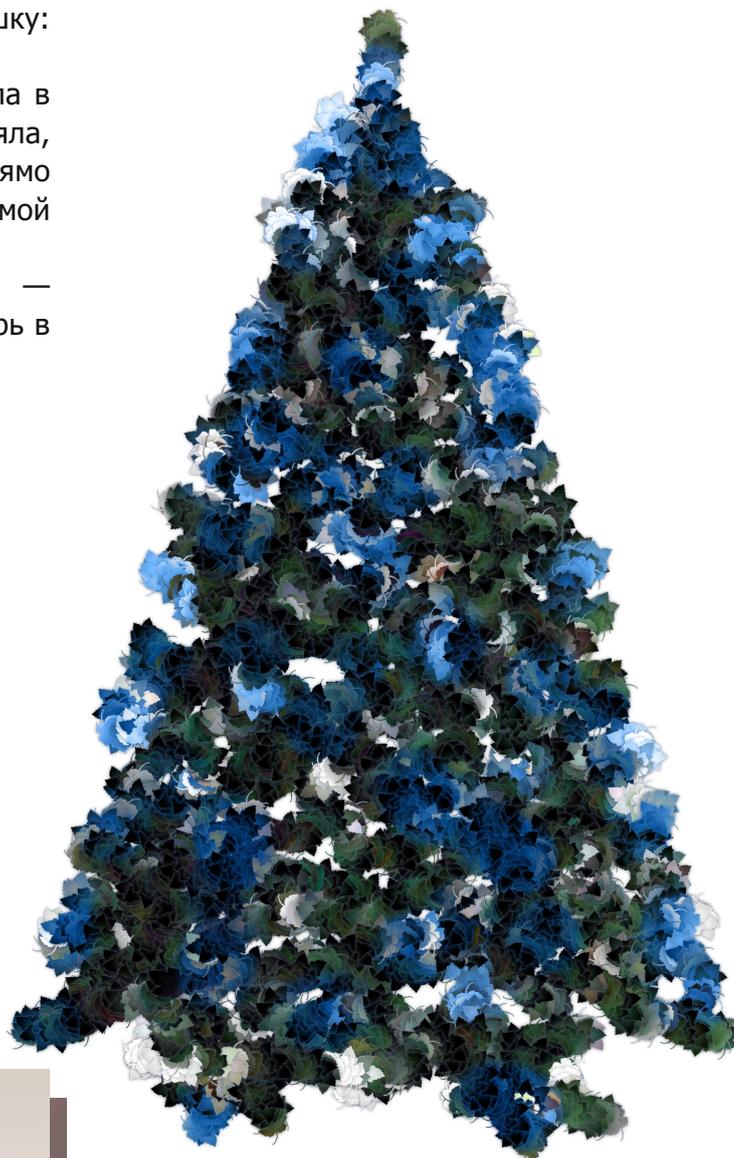
— Мальчик рассказал, как его чуть не съела страшная Химера, а потом превратилась в милую девочку, — подмигнула Клио.

Шли годы. Карина жила в городе Фей: делала волшебные игрушки, встречала новеньких, гоняла троллей и украшала улицы к праздникам. Лишь изредка она заглядывала в яйцо и видела ту, ненастоящую Карину: она стала взрослой, вышла замуж, теперь ее сын бегал с папкой акварелей...

Карина не грустила больше — к чему? Здесь ее дом и ее друзья. Тем более, она недавно сотворила свою особенную игрушку: Медную Лампу!

Но как-то под Рождество она увидела в яйце не себя — другую девочку. Та стояла, прижавшись носом к витрине прямо напротив старинной лампы. Той самой Медной Лампы. И тогда...

— Здравствуй. Хочешь зайти? — улыбнулась Карина девочке, отпирая дверь в волшебную лавку.

Богатырева Татьяна (Тигра Тиа)
writercenter.ru/profile/tigra_tia/whois/

Артманипуляция Яна Красовская
writercenter.ru/profile/YanaKras/whois/

На десерт.

В НОВЫЙ ГОД

— Зачем тебе топор?
— Час до Нового года, а ёлку не купили. Сейчас пойду в парк, срублю денег, купим ёлку.

СО СТАРЫМИ ТРАДИЦИЯМИ

Думаю, среди читателей сей скромной статьи не найдется людей, которые бы не отмечали встречу Нового года. Ведь настоящих праздников в нашей жизни не так уж и много, а НГ позволяет нам снова почувствовать себя детьми, верящими в чудо и надеющимися на то, что уж в этом году все сложится, как надо, а не как всегда. Часовые пояса, материки, страны и города значения в данном случае не имеют. Несмотря на то, что Новый год — это международно-межнациональный праздник, новогодние традиции все же дело тонкое, и у каждого народа, а иногда и семьи, они свои собственные. Упомянуть обо всех нереально, рассказывать же о тех, которые сама своими глазами не видела, считаю неэтичным. А так как проживаю на территории бывшего Союза, то и обобщить я хочу русско-украинские новогодние обычаи, счастливо здравствующие в наше время.

Некоторые из них исконно славянские, другие к нам пришли «оттуда». То Петр I елочку из Европы через «окно» протащит, то китайцы книжечку с годовым гороскопчиком подсунут, то Деду Морозу и

шубейку, и бороду американцы укоротят... В общем, «наши обычаи» не совсем и наши, но раз прижились, то не выбрасывать же. Зато именно мы Новый год отмечаем с таким размахом, что есть чем гордиться. Особо чувствительных прошу дальше не читать, там только горькая правда. Приступим:

— **Раздача долгов:** старинный русский обычай отдавать долги накануне Нового Года с целью их отсутствия в следующем году сейчас слабо соблюдается, по крайней мере, банки особого ажиотажа в выплате кредитов под новогодние праздники не замечают.

— **Встреча Нового года в обновках** — старинная русская традиция, благодаря которой у женщины появляется возможность оправдать внеочередное пополнение гардероба.

— **Спиртное:** без него у нас любой праздник — не праздник, а банальный прием пищи. Степень пристрастия к шампанскому при распитии первой бутылки во внимание не принимается, но вторая уже обычно более традиционна: бабе — вино, ди-

тям (ой, мужчинам) — водка или коньяк.

— **Свеча:** вероятность зажигания рождественских свечей за праздничным столом значительно увеличивается при отключении электричества, что нередко происходит на протяжении всех новогодних праздников вплоть до Старого Нового года — электрики-то тоже люди и празднуют не меньше, а то и больше остальных.

— **Всенощный обильный прием пищи:** раз уж ночь не спим, то и поесть от пуза не помешает. Иногда в перерыве между селедкой под шубой и холодцом вклинивается торт и ничего, идет на ура. Самое интересное, что завтрак при этом никто не отменяет.

— **Оливье** — вот, казалось бы, салат-то пришел к нам из Франции, а стал национальным славянским атрибутом любого застолья. Обращаю внимание, что в течение Новогодних празднеств салат должен быть приготовлен в несколько подходов, так как скорость его поедания напрямую зависит от количества гостей, и первый тазик оливье исчезает в рекордные сроки.

— **Подарки:** под прикрытием Деда Мороза в новогоднюю ночь принято одаривать детей. Конфеты и мандарины за подарки не считаются, они аксиомой входят в понятие «Новый год». Письма на Северный полюс с предварительными заказами пишутся, уже начиная с сентября.

— **Ряженые:** обычно переодевание в карнавальные костюмы ограничивается обматыванием шеи дождевиком, но отдельные личности любят блистать в образах Снежинок и Мушкетеров. Этот обычай позволяет снова почувствовать себя одним из участников детского новогоднего утренника.

— **Праздничная елка:** при зарождении этой традиции деревья после праздников сжигали, иногда к этому нюансу прибегают и наши современники, о чем свидетельствует статистика пожаров. Отдельным праздником с открытой датой считается вынос обсыпавшейся елки из квартиры.

— **Встреча НГ на главной площади города:** ну, любим мы толпой собираться, где же еще найти собутельника или подраться всласть?

— **Поцелуи ровно в полночь** — западное веяние, связанное с неоднократным просмотром американских фильмов с трогательным финальным поцелуем под крики «С Новым годом!».

— Изучение всевозможных **гороскопов на следующий год** — восточное приобретение, которое хорошо легло на пристрастие славян к тайнам, мистике и страшеньким сувенирчикам китайского производства с символикой различных животных. Да и к тому же является важным подспорьем женщинам при выборе цветовой гаммы для встречи НГ, а то еще не в стиле черной водяной змеи вырядишься — и год насмарку.

— **Одевание котов и собак в помпончики и жилеточки** — странная традиция, имеющая в последние годы немалое распространение, подтверждаемое выкладываемыми в интернете многочисленными фотосессиями не слишком довольных, но зато нарядно одетых животных.

— **Посевание** — вот, наконец, и восточнославянский обряд, прижившийся на Украине и совершавшийся в первый день нового года для обеспечения урожая в наступившем году. В наши дни сократился до банального вымогательства денег (конфеты уже не котируются) с неизменным и единственно произносимым: «Сеем, веем, посеваем, с Новым годом поздравляем».

— **Дед Мороз со Снегурочкой** — опять наш, хоть и тяготеющий к видоизменению обычай: Дед из шубы переоделся в полушубок в цветах Кока-Колы, борода укоротилась раза в четыре, вместо традиционных лошадей нарисовались олени, но нос остался красным, в глазах блеск не померк, и эльфы Снегурочку пока не ликвидировали. А, значит, не все потеряно.

— **Телевизор** — «голубой экран» пришел в наши дома не так уж и давно, но прочно занял свое место на тумбочках, подставках и в человеческих сердцах. Новый год, в свою очередь, как главный праздник не может обойтись без столь незаменимого предмета. Как без «Карнавальная ночи» и «С легким паром»? А без традиционной речи главы страны о том, что год был сложный, но мы справились, а вот следующий уже будет на порядок лучше? А никак! По крайней мере, при составлении программы так считают телевизионные боссы.

Все и не упомнить и тем более не упомянуть, но искренне надеюсь, что вы хоть разок улыбнулись за последние пару минут. Я поздравляю всех с наступающими праздниками и искренне верю, что Новый 2013 год все же наступит, а конец света отодвинется еще так на парочку миллионов лет.

© Меллори Елена

Яна Ржевская (Twillait). [ОСКОЛКИ СКВОЗНЯКОВ.](#) 12+

Сборник стихотворений.

Лирика.

«Изломанные сны, осколки сквозняков...» Стихотворения разных лет, стилей и настроений. Кто-то просто пройдет мимо, кто-то найдет здесь что-то своё, близкое...

Анна Анакина. [ОГЛЯНИСЬ, ПРЕЖДЕ, ЧЕМ СДЕЛАТЬ ШАГ...](#) 16+

Роман.

Реализм.

Чисто женский роман. Героиня вошла в тот период, что принято называть — кризис среднего возраста. История о том, как она смогла выйти из сложной для неё ситуации.

Анна Анакина. [НЕБОЛЬШИЕ РАССКАЗЫ...](#) 16+

Сборник рассказов.

Реализм.

В сборнике собраны рассказы с различными жизненными ситуациями. Показано, как герои ведут себя в тех или иных условиях.

Александр Лешуков. [КОГДА Я ВЛЮБЛЮСЬ...](#) 16+

Роман.

Реализм.

Когда я влюблюсь. Эти две строчки открылись мне весенним утром 1993 года, когда, разбираясь с накопившимся на антресолях хламом, я неожиданно обнаружил посылку, перетянутую капроновым шнуром.

Анна Анакина. [Сказки...](#) 6+

Сборник рассказов.

Сказка.

В сборник вошло несколько сказок, написанных в разные годы.

Анна Анакина. [ИЩЕЙКА.](#) 16+

Роман.

Реализм с элементами мистики.

История о женщине, обладающей паранормальными способностями.

Алиса. [ОТЧАЯВШАЯСЯ.](#) 12+

Сборник рассказов.

Мистика.

Мистические рассказы:

1. Отчаявшаяся; 2. Остановка; 3. Предостережения; 4. Черное солнце.

Гольшанская Светлана. [СНЫ О СИНЕОКОЙ.](#) 16+

Сборник рассказов.

Мистика.

Мистические рассказы о Беларуси:

1. Проклятье замка Кужигай (историческая мистика); 2. Под сизыми крыльями (современная мистическая новелла); 3. Гоетия (мистический детектив); 4. Дом сновидений (лавкрафтовская мистика); 5. Подземка (городское фэнтези с элементами сюр)

Евстратова Марина. ТЕНЬ ДУШИ. 16+

Повесть.

Мистика.

Попытка заглянуть в глубинное Я через приключения героя. Для достижения цели и постижения себя ему приходится через многое пройти. Боль и утрата близких и родных. Предательство, собственная измена и «друг», который оказывается не тем, за кого выдает себя.

Евстратова Марина. ЗАПИСКИ ИЗ СУМАСШЕДШЕГО ДОМА. 16+

Сборник рассказов.

Мистика, фантастика.

В сборник вошли следующие рассказы: «Сегодня-завтра»(полная версия),«Завтра-послезавтра», «Сон», «Назад в никуда», «Возвращение Леонида», «Сны смерти», «Патанатомия ужаса»

Анна Анакина. ОСТРОВ ПУСТОТЫ. 12+

Роман.

Фэнтези.

Извечная проблема добра и зла.

Однажды в мир людей вторглись существа, считающиеся легендой. Главные герои в попытке найти родных попадают в различные миры.

Приключения, открытия и даже война стоит на пути достижения цели.

Анна Алмазная (Melody). ЛОЗА ШЕРЕНА. 18+

Роман.

Фэнтези.

Плохо быть незаметным и никому не нужным. Оказывается, еще хуже — обладать способностями, которые нужны всем. И тогда весь мир старается наложить на тебя лапу. Хорошо иметь такого союзника, и уже совсем не важно, что союзник вовсе к подвигам не рвется и жаждет только одного — покоя.

Анна Алмазная (Melody). ВЛАСТЬ БЕЗУМИЯ. 18+

Роман.

Фэнтези.

Они ненавидят связывающие их узы, но не хотят их разрывать. Они ходят по грани и доводят друг друга до безумия. Они всемогущи, но в то же время слабы и иногда наивны до боли. Они отчаянно рвутся из сетей, но все более в них запутываются. Они будущие соперники, они же самые близкие друзья — гордый наследный принц и его свободолюбивый телохранитель.

Еналь Варя. САЕН: ЛИГА ВЕРНЫХ. 12+

Роман.

Фэнтези.

Роман написан в христианском ключе. Богов может быть много. Но Создатель один. В храмах можно приносить жертвы, но покой и освобождение не купишь за кровь животных. Судьбу переменить не возможно, но есть цена, которую платят все. Сила, которой обладает Саен, невероятна. Он — особенный. Он знает и видит самую суть, ему подчиняются духи. Как он распорядится своей силой? Зачем он пришел в этот мир? Откуда его знания? Это — философское фэнтези, это новый взгляд на христианство. (Вторая книга из цикла «Мечи Суэмы»)

Гольшанская Светлана. 10 ТАЙН ОХОТНИКА НА ДЕМОНОВ. 16+

Повесть.

Мистика.

Когда-то Стражи защищали этот мир от злобных порождений червоточин. Прошло время. Славные деяния Стражей были преданы забвению. Началась долгая, кровопролитная Война за веру и они проиграли. Охотники сами стали добычей. Чтобы исполнить древнюю клятву своего рода, Дэвид Комри отправляет младшего сына Николаса на Охоту Стражей. Его путь лежит на край света в таинственный храм Шамбалы, где его ждет испытание Мертвого бога. Только после этого он сможет вернуться домой. Если ему еще будет куда возвращаться.

Маэринн. КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ. 16+

Повесть.

Фэнтези.

Двести лет люди и ситы истребляли друг друга. И вот война окончена, посольство нечистых везет в родную Пуцу договор о мире, подписанный самим королем. А Хейли Мейз, наследник владыки приграничного Синедола, горюет, что поздно родился и не успел проявить себя в битве. Он еще не знает, что судьба ему улыбнется...

Если уж нечистый расточает улыбки весны, значит, нацелился на душу. Души людские — вот их истинная страсть, их нужда, их пища. (Из наставлений отца Бартоломью, духовника Хейли Мейза.)

Романовская Ольга. ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ. 18+

Роман.

Фэнтези.

Всего один день делит всё на до и после. До — школа, грядущая свадьба, мирная жизнь, после — рабство, статус вещи, игрушка в руках хозяина. Только кто из вас двоих свободнее? И остались ли в стране победителей люди, а не только продукты общества с исковерканными понятиями, чувствами и душой?

Романовская Ольга. ЧУЖИЕ ВОСПОМИНАНИЯ. 18+

Роман.

Фэнтези/ Приключения.

Случайно спася темного мага Лэрзена, Одана не предполагала, что вскоре он окажется единственным, кто согласится, пусть и за деньги, помочь ей. На девушку, ничем не примечательную библиотекаршу, открывает охоту сам Наместник. Чем же вызвано столь пристальное внимание?

Татьяна Русуберг (suelinn). АРКАН. 16+

Роман.

Фэнтези.

Аркан — это колода карт. Магический артефакт, способный предсказывать судьбу. Но даже его помощи может быть недостаточно, чтобы найти брата и сестру, которых Найд долгое время считал мертвыми. Забывший собственное имя, потерявший дар речи и семью, отказавшийся от своего дара. Теперь пришло время вернуть все. Даже если цена будет высока.

Яна Рунгерд. НЕДОПРЯДЕННАЯ НИТЬ. 16+

Сборник рассказов.

Фэнтези.

Наш мир — сложен и непознаваем. Иногда то, что есть на самом деле — совсем не то же самое, что кажется, и только ты сам виновник того, как изменился твой путь. Но жизнь не заканчивается, а значит, все еще может измениться. Нить судьбы еще не спрядена и ее еще можно изменить.

Ула Сенкович. И ПРИДЕТ НОВЫЙ ДЕНЬ. 16+

Роман.

Фэнтези.

Пробовали путешествовать по мирам? Лечь спать в своей постели, а проснуться посреди битвы, да еще получить мечом по голове? Нет? И не пытайтесь, вам не понравится... По себе сужу. Конечно же, я сделала всё, чтобы домой вернуться — в дорогу отправилась, друзей нашла, даже влюбилась. Но мне предложили выбор: любовь, страсть или деньги. Какая нормальная женщина возьмёт что-то одно из этого списка? Ведь если брать, так всё! Вот я слегка и запуталась...

Слесарева Василиса. Я — ВЕДЬМА! ДОЧЬ ВАМПИРА. 16+

Роман.

Мистика, фантастика.

Охотники... Волшебное королевство... Король, одержимый безумной идеей... Сказки! Но как круто может повернуться жизнь, если в один прекрасный день ты узнаешь, что твои родители и не люди вовсе, а волшебные существа родом из Зазеркалья? Да и ты сама далеко не человек, а добрая ведьма! К тому же единственная в своем роде полукровка с очень сильной и необычной магией? Если учесть все эти факты, становится понятным, почему на тебя открыл охоту король Вольдемар Второй и так внимательно наблюдает тот симпатичный парень с ласковым взглядом!

Фиал. КРУГ ЗАМКНУЛСЯ. 16+

Роман.

Фэнтези.

Сказка о Теплом мире, который слишком сильно доверял людям, слишком баловал любимых детей. О любви, победившей смерть и почти победившей жизнь, если бы не другая любовь. О дружбе, предательстве и спорах. О вере в себя и вере в людей. О жизни и смерти.

Химера Паллада. ТЕМНЫЙ ЦЕЛИТЕЛЬ (КНИГИ 1, 2 и 3). 18+

Роман.

Фэнтези.

Все стандартно. Попаданка. Раненое Сердце Мира. Команда спасателей. Великое исцеление. Конец сказки. Но это жизнь. Выжившие вернулись. Мир все также нуждается в спасении. И надо как-то жить дальше. Я — Целитель. Темный, ибо демон. Я — не Спаситель мира. Уж не от меня ли тебя будут спасать, Мир?

Шевцова Анастасия. КОРОЛЕВСТВО ПОЮЩИХ ВЕТРОВ, КНИГА 1. НА ОСТРИЕ ВЛАСТИ. 16+

Роман.

Фэнтези.

Мир внутри мира — тайна, хранимая веками... Королевство Поющих ветров — материк, скрытый твердотягучими потоками воздуха, много веков принадлежал семени Тара Валлора. Однако не только род человеческий желал властвовать на благословенной земле: многоликий демон Земар-ар терпеливо ждал заветного часа, чтобы подчинить врагов своей воле. Два тысячелетия потомки Тара — дети Крови, поклонялись идолу, утопая в междоусобных распрях и кровавых интригах, пока по обетованию одного из великих королей, в Ведущей генетической линии не родился последний чистокровный наследник.

Шевцова Анастасия. КОРОЛЕВСТВО ПОЮЩИХ ВЕТРОВ. КНИГА 2. НАСЛЕДНИКИ ОТРЕЧЕНИЯ. 16+

Роман.

Фэнтези.

Северный герцог, опора Королевства и любимый брат Ее Величества, пал от руки последователя языческого Ордена. Его смерть послужила началом для ответной партии Земар-ар, порождения древней тьмы, верование в которого давно вошли в плоть и кровь народа. Когда угасает последняя надежда, кровь отречения свидетельствует перед наследниками о грядущей тьме.

Шевцова Анастасия. ПУТЬ ПЛАМЕНИ. 18+

Роман.

Фэнтези.

Лиран Валлор, дитя Крови, не похожая на свой род ни лицом, ни нравом. Жертва, которой выпала доля стать избранным сосудом чудовища, готового на все, чтобы вернуть власть. Не в силах сопротивляться зову тьмы и собственным чувствам, принцесса становится игрушкой в руках ключевых фигур Королевства. Ее окружает ложь, предательство и равнодушие, а в душе пылает безответная страсть и безумное желание свободы. Запутавшись в сетях долга, она уже не знает, где добро, где зло, и какой выбор — верен.

Ваевский Ян. ОТНЫНЕ Я — ТВОЙ МЕЧ. 18+

Роман.

Альтернатива.

Альтернативный мир, историческая хроника. История о том, какими бывают настоящие короли, несмотря на то, что всю жизнь приходится скрываться под мужским платьем. История дочери короля, которой волей судеб пришлось взять на себя управление страной. История о том, как принцесса Сейдар стала королем Садаром.

Анна Анакина. ФАНТАСТИКА И МИСТИКА В ОДНОМ ФЛАКОНЕ. 16+

Сборник рассказов.

Фантастика/Мистика.

В сборник вошло несколько небольших фантастических и мистических рассказов.

Денис Бурмистров. РАВНОВЕСИЕ ПАРЕТО. 16+

Мистика / Фантастика / Хоррор.

Фантастика.

Обычному клерку армейский товарищ оставляет квартиру в далеком шахтерском городке Славинск. Влекомый меркантильным интересом, главный герой приезжает ознакомиться с подарком и, сам того не желая, становится участником поистине странных и пугающих событий.

По улицам бродят жуткие существа, сами улицы вдруг меняют свои направления, а люди вокруг по необъяснимой причине пропадают. Теперь основным желанием становится выжить. Выжить и поскорее убраться из ставшего ловушкой города.

Книга Игорь. ВЕЧНОЕ СИЯНИЕ ДАЛЕКИХ ЗВЕЗД. 16+

Сборник рассказов.

Фантастика.

В сборник вошли фантастические рассказы, действие которых происходит на далеких планетах. Но все их объединяет одно: главное действующее лицо всегда человек.

Никонович Сергей. АЛЬКУРД ПАРДЕС I. ДЕНЬ МИРА. 16+

Роман.

Фантастика/ Фэнтези.

Алькурд Пардес — международная миротворческая организация, незамедлительно реагирующая на любой вооруженный конфликт. На изолированном острове занимаются обучением солдат, которые должны будут стать элитными наёмниками, обладающими пара-магическими силами. Молодой снайпер Никро проваливает выпускной экзамен и вынужден проходить курс переподготовки. В это время по академии прокатывается волна странных смертей. Волею случая именно в руках снайпера оказываются ключи от этой загадки...

Никонович Сергей. АЛЬКУРД ПАРДЕС II. ДЕНЬ СОЛНЦА. 16+

Роман.

Фантастика/ Фэнтези.

Алькурд Пардес — международная миротворческая организация, незамедлительно реагирующая на любой вооружённый конфликт. На изолированном острове занимаются обучением солдат, которые должны будут стать элитными наёмниками, обладающими пара-магическими силами. Зиг Заннинс — загадочный ученик, переведенный в академию незадолго до очередного выпуска, пытается узнать тайну прошлого своей родной сестры.

Анна Правдик. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ. 16+

Роман.

Фантастика.

В провинциальный Шатц привозят приговоренного к казни стратега Айвора Баджосади — героя давней войны с внеземной цивилизацией. Между тем прокурор по скандальному делу стратега начинает сомневаться в истинности своих выводов, выясняя, что у многих жителей Шатца свои секреты, связанные с личностью Баджосади.

Татьяна Русуберг (suelinn). МИР В ХОРОШИЕ РУКИ. 12+

Роман.

Фантастика.

Лиан — обычный питерский подросток с необычным именем, доставляющим одни неприятности. Неожиданный подарок от странной незнакомки, детский волчок, переносит его в конгломерат четырех миров, соединенных осью, по которой движется Ветер Времени. Перед Лианом встает дилема — вернуться домой или стать властелином новой вселенной?

Татьяна Русуберг (suelinn). ШЕСТЬЕ ВРАТА. 18+

Повесть.

Фантастика.

«Шестые врата» — закрытый портал в интернете, на котором некий Шива собирает группу для штурма таинственных врат, неожиданно возникших два года назад в спальном районе Петербурга. Врата, которые открываются только для шестерых, ведут... Куда? Избранникам Шивы скоро предстоит это выяснить.

Сергей Хорунжий. ГРАЖДАНСКАЯ САМООБОРОНА. 18+

Повесть.

Фантастика.

Когда жизнь летит под откос, а страны, которую обещал защищать, больше нет! Когда твои умения не нужны никому, а идти, по сути, некуда. Когда собственную совесть приходится топить на дне стакана и однажды родным домом оказываются привокзальные трущобы родной столицы — у нормального человека выбора нет: либо на тот свет, либо напрямик в прекрасное далёко, то бишь в будущее! А чтоб нескучно было одному насмешница-судьба загружает в попутчики малыша-дошколёнка, женщину, а как же без неё-то, и дабы совсем доконать, щенка-телепата и папаню его, мутанта-переростка. Такая команда, повиснув...

В следующем номере:

ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Лирика - Реализм - Мистика - Фэнтези - Фантастика